НЕ 3025

И.К.ЕНИКОЛОПОВ

ПУШКИН НА КАВКАЗЕ

„Заря Востока"

ПРОВЕРКА
1959

Научная библиотека СПбГУ
1001837683

25 СЕН 1938

счет № 359
Ленокну
м 21

Нг 3025

И.К.ЕНИКОЛОПОВ

ПУШКИН НА КАВКАЗЕ

ПРОВЕРЕНО 2007 г.
19595.

Лен. Гос. Университет
НАУЧН. БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗАРЯ ВОСТОКА"
1938

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Из огромного числа исследователей жизни и творчества А. С. Пушкина очень мало кто касался подробностей его пребывания на Кавказе в 1829 г. (Любопытно, например, отметить, что „Путешествие в Арзрум“ ни разу не выходило отдельным изданием.)

Между тем, выяснение причин, вызвавших эту поездку Пушкина, а также подробностей ее, немало помогло бы лучше осветить этот в общем малоисследованный период в жизни поэта.

В этих целях нами было, в числе прочего, изучено большое количество ранее неизвестных архивных материалов, а также малоизвестных статей. Результаты этих исследований, как мы надеемся, позволяют нам шире раскрыть перед читателем круг лиц, соприкасавшихся с поэтом, собрать о них более подробные биографические сведения, а также полнее осветить те события, свидетелем которых пришлось быть Пушкину.

Следует, к сожалению, признать, что лично о самом поэте новых данных ни в ведомственных архивах, ни в архивах, принадлежащих крупным грузинским общественным деятелям того времени, нам не удалось найти. В этом смысле задача наша не может быть выполнена в той полноте, какая нам была бы желательна,

и поиски в этом направлении должны быть, конечно, продолжены.

Тем не менее мы полагаем, что настоящая работа, вместе с уже имеющимися исследованиями, поможет читателю дополнить многими новыми и интересными сведениями то представление о пребывании Пушкина на Кавказе и в действовавшей тогда царской армии, которое он получает из „Путешествия в Арзрум".

И. К. ЕНИКОЛОПОВ

ПОДГОТОВКА К ПОЕЗДКЕ В ГРУЗИЮ

„Счастливый климат Грузии не вознаграждает сей прекрасной страны за все бедствия, вечно ею претерпеваемые“,—писал Пушкин в одном из примечаний к „Кавказскому пленнику“.

Чтобы так высказаться, надо было более или менее знать историю Грузии, интересоваться ею.

И действительно: то, что Пушкин был знаком со страной, в достаточной степени сказывается уже в эпилоге той же поэмы. Ему, например, известна эпоха Цицианова и последующих правителей Кавказа, ему известны даже такие скрываемые официальными источниками факты из истории Грузии, как убийство русского генерала Лазарева грузинской царицей Марией („Гибель россиан на лоне мстительных грузинок...“)

Кавказ, интересовавший императорскую Россию, с давних пор привлекал к себе внимание и русских писателей. Поэтическая природа Кавказа, его оригинальный бытовой строй, столь непохожий на уклад и быт России, не могли не заинтересовать их.

Уже в „Слове о полку Игореве“ упоминается о Кавказе. В последующем в русской литературе XVI—XVII вв. появляются различные сказания, содержанием которых являются события из истории Грузии

(„Слово и дивна повесть Динары царицы Иверского властодержца Александра...“ и другие).

На рубеже XVIII и XIX вв. сперва Карамзин, затем Державин (в оде графу Зубову) и Жуковский (в послании к Воейкову) воспевали Кавказ, хотя и не были там никогда.

Но не только в поэтических образах был описан Кавказ. Все чаще и чаще стали проникать в печать исторические и географические сведения о Кавказе.

Отчасти это обусловлено было интересом, вызванным в русском обществе прибытием в Россию большого количества грузин-эмигрантов.

После неудачного похода Петра I на Кавказ, его союзнику грузинскому царю Вахтангу VI пришлось претерпеть большие притеснения от персиан, что вынудило его переселиться с родными и знатнейшими лицами государства в Россию (1724—25 гг.).

До этого имели место отдельные поездки грузинских царей, например, царя-поэта Арчила и других. (Его сын Александр, оставшийся в России, был приближен Петром, сопровождал его в заграничное путешествие и по возвращении в Россию был произведен в генерал-фельдцейхмейстеры. В битве под Нарвой он был взят шведами в плен.)

Вместе с Вахтангом в Россию выехало до тысячи человек грузин разного звания. Приехавшие эмигранты были приняты с подобающим почетом. Самому Вахтангу было „пожаловано“ село Лысково б. Нижегородской губернии, сыновьям отведена была в собственность большая часть селения Всесвятского, близ Москвы; остальным из его свиты были даны в потомственное владение земли в Черноземной полосе и на Украине. (В г. Миргороде жил и там же умер и был

похоронен известный грузинский поэт Давид Гурамишвили.)

Под фамилией князей: Багратиони (потомки царей), Цертелевы (Церетели), Дадиановы (Дадиани), Шаликовы (Шаликашвили), Цицпановы (Цицишвили), Баратаевы и Баратовы (Бараташвили), Джаваховы (Джавахишвили), Эристовы (Эристави), Амилахвароны (Амилахвари), Туркестановы (Туркестанишвили) и другие, а также дворян—Тимирязевы (Теймуразишвили), Мачавариановы (Мачавариани), Панчулидзевы (Панчулидзе) и другие, они прочно обосновались в России, не порывая, однако, связи с родиной.

В 1740 г. царевич Бакар Вахтангович основал в селе Всесвятском грузинскую типографию; его брат Вахушти составил по вывезенным из Грузии первоисточникам обстоятельную историю своей страны, дополняющую „Картлис Цховреба“[1]; написал также географию Грузии, книгу „Пришествие антихриста“ и составил русско-грузинский словарь.

Еще более известен в истории Грузии их отец Вахтанг, как образованнейший человек.

В существовавшей при нем в Тбилиси типографии впервые была напечатана знаменитая поэма Шота Руставели „Вепхис ткаосани“ с его комментариями (1712 г.), а также и другие книги.

Блестящий знаток восточной литературы, автор и переводчик многих произведений, Вахтанг проявил себя и как законодатель. Он собрал и составил кодекс законов, известный под названием „Уложение царя Вахтанга“.

---

[1] Буквально „Жизнь Грузии“. Так называся труд, заключавший в себе свод грузинских летописей.

Просвещенный правитель окружал себя соответствующими же людьми, так что можно судить, каков был состав переселившихся навсегда с ним в Россию грузин.

После покорения Грузии царской Россией, все те, кто мог повредить интересам новой власти, были высланы. Этой участи подверглись все члены царствовавшего в Грузии дома Багратионов и их приверженцы.

Эти лица, получившие в большинстве прекрасное образование в восточном духе, не были чужды и западно-европейской культуры.

(В царствование Ираклия II практиковалось посылать молодых людей за границу. Известно, например, что царевич Паата обучался в Париже в Сен-Сирской школе, Ростом Энаколопашвили—в Вене, Александр Амилахвари—в Париже и так далее.)

Переселившись в Петербург в начале XIX века, они встретили радушный прием со стороны ранее обосновавшихся там эмигрантов-грузин.

Из армянских семейств в России выделялись Лазаревы и Абамелик. В пушкинское время из грузин и армян особенной известностью пользовались: генерал Петр Багратиони, его брат Роман, командовавший лейб-гвардии гусарским полком, и офицеры его полка Александр Чавчавадзе, Абамелик и Лазаревы. Из царевичей видное положение занимали Мириан, Иоани—автор известного энциклопедического труда— „Калмасоба", Вахтанг, Давид и Теймураз, последние четверо—вольтерьянцы.

Был ли Пушкин знаком с этим кругом лиц, любивших и прекрасно знавших свою страну?

Об этом, помимо имеющихся данных из его биографии, красноречиво говорят его произведения.

9 апреля 1832 г. в альбом княжны Анны Давидовны Абамелик, женщины весьма образованной и наделенной большим литературным вкусом, Пушкин записал следующее стихотворение:

Когда то (помню с умиленьем)
Я смел вас няньчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели—с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою, и вами,
Как нянька старая, горжусь.

Это посвящение с несомненностью говорит о том, что Пушкин поддерживал знакомство с грузино-армянской колонией Петербурга.

Как известно, лицейские годы Пушкина были отмечены большой дружбой поэта с гусарами гвардейского полка, расположенного в Царском Селе. Особенно велико было влияние этих офицеров на лицеистов после возвращения полка из заграничных походов против Наполеона (октябрь 1814 г.).

Многие из них были проникнуты западно-европейскими идеями.

Имена Зубова, Молоствова, Сабурова, П. Каверина, Н. Раевского и П. Чаадаева—тесно связаны с именем Пушкина. Особенно дружил поэт с Н. Раевским и П. Чаадаевым. О последнем, например, Пушкин писал в своем дневнике, что дружба с ним заменила ему счастье. Три послания Пушкина к Чаадаеву красноречивее всего говорят о влиянии старшего годами гусара Чаадаева на Пушкина.

К этому же кругу лиц тесно примыкают и остальные „старшие братья“ того же гусарского полка, с которыми Пушкин был, конечно, знаком.

Сохранилась запись офицера этого полка Олсуфьева о подробностях посещения Пушкиным гусар на их частных квартирах.

К числу „остальных“ офицеров этого полка, неупомянутых им в своих произведениях и записках, надо отнести из кавказцев Александра Чавчавадзе—прославленного грузинского поэта, Романа Багратиона, братьев Лазаревых и Абамелик. Не исключена возможность, что знакомство Пушкина с ними могло вылиться в неменьшую дружбу, чем с другими их однополчанами.

Так о знакомстве лицеистов с А. Чавчавадзе упоминает в своих „Воспоминаниях о Грузии и Кавказе“ барон Торнау, тоже питомец царскосельского лицея.

В числе неупоминавшихся гусар был и Давид Семенович Абамелик[1]. Переехав из Грузии в Петербург, он женился на миллионерше М. И. Лазаревой, два брата которой служили в лейб-гусарах. (Его сын Семен впоследствии также состоял в этом полку.)

Бывая у Абамелик и Лазаревых, Пушкин мог „нянчить“ дочь своего товарища гусара (Анна родилась в апреле 1814 г.).

В свою очередь семья Абамелик посещала лицей. (Это удостоверяется списком посетителей лицея от 11 июля 1815 г.). Там она, несомненно, встречала и Пушкина.

Дом Абамелик был в свойстве с царствовавшей в Грузии фамилией Багратионов: наследник грузинского престола царевич Давид был женат на сестре Д. Абамелик — Елене. Вместе с ней он переехал на жительство в Петербург (1803 г.). Посещая и „няньча“ маленькую Анну, Пушкин мог в этом доме встретить

---

[1] Маизай К., „История л.-гв. гусарского полка“ ПБ. 1859 г. т. 3, стр. 30.

многих видных грузин, в том числе деверя Абамелик—царевича Теймураза, которому принадлежит первый перевод на грузинский язык стихотворений Пушкина. (Он перевел стихотворение „Ангел“ и другие.)

Из знакомых Пушкину грузин в его произведениях упоминаются: кн. Петр Иванович Шаликов (1768—1852), писатель, издатель „Дамского журнала“ и редактор „Московских Ведомостей с 1813 по 1838 г.; кн. Дмитрий Евсеевич Цицианов (1747—1835 г.)— замечательный рассказчик. В своем „Воображаемом разговоре с Александром I“ Пушкин приводит его как автора всех остроумных вымыслов, кем бы они ни были сочинены; кн. Дмитрий Алексеевич Эристов (1797—1858), окончивший лицей в 1820 г., сотрудник „Энциклопедического лексикона“ и составитель „Словаря о святых“ Благожелательную рецензию на этот словарь Пушкин поместил в „Современнике“. Эристов был большим другом и Дельвига; кн. Цертелев Николаи Андреевич (1790—1869) — автор книг „О произведениях древней русской поэзии“[1] и сотрудник журнала „Благонамеренный“, где печатался и Пушкин; и, наконец, кн. Варвара Ильинична Туркестанова (1775—1819), фрейлина.

Среди грузин, живших в России, Пушкин имел и родственников. Вот, что, например, мы читаем в письме матери Пушкина, Надежды Осиповны, своей дочери:

„Дадиан приехал курьером в Петербург с известьем о новой победе и отправил письма твоего брата сюда. В Зуево (сел. Михайловское) не завернул, а завернуть ему ничего не стоило... Он не скоро поедет назад. Помнишь его матушку, нашу кузину[2], как она тебя

---

[1] СПБ. 1820 г.

[2] Разрядка наша, И. Е.

маленькую любила, а когда вышла замуж и уехала в Грузию, с тех пор не писала. Бог с ней...“

Упоминаемый здесь Дадиани приходился А. С. Пушкину троюродным братом.

Александр Леванович Дадиани, капитан гвардии Преображенского полка, служил у Паскевича ад'ютантом и после побед, одержанных в боях с турками (19 и 20 июня 1829 г.), был послан с донесением в Петербург. Тогда-то и отправил через него Пушкин письма родным и друзьям.

Вот круг лиц из грузин и армян, который был известен Пушкину в Москве и Петербурге до 1820 г.

Можно предположить, что под впечатлением встреч с ними, у Пушкина в 1819 г. появляется желание ехать в Грузию (см. письмо А. И. Тургенева П. Вяземскому от 12/III того же года).

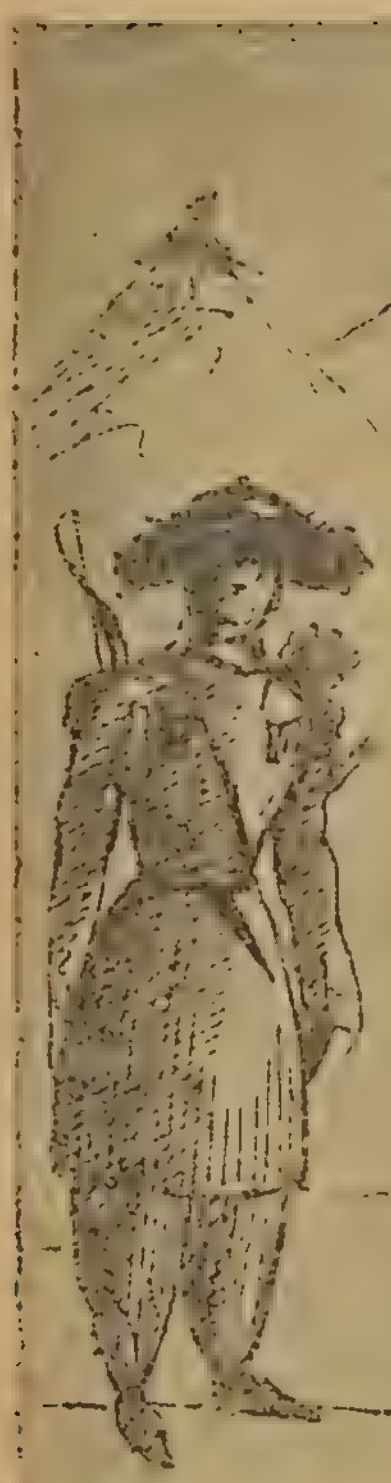
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В начале июля 1820 г. Пушкин с семейством Раевского посетил Кавказ. Большую часть времени он провел на Минеральных Водах, переезжая из Горячеводска (теперь Пятигорск) в Железноводск и Кисловодск.

Первыми впечатлениями о поездке он делится с братом Львом в письме из Кишинева:

„...Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор, ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бештау, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной“.

Поэтическим итогом его пребывания на Кавказе явилась поэма „Кавказский пленник“, законченная в 1821 г.



„Кавказский пленник"—автограф

Из посвящения мы узнаем, что Пушкин на Кавказе отдыхал душой.

Среди гордых кавказских вершин он искал вдохновение и обрел его. Величественная красота кавказской природы очаровывала, волновала романтически настроенного юношу. Если из „Посвящения“ к поэме выясняется одна сторона его влечения к Кавказу,— именно, его любовь к дикой и суровой природе этой необычайно самобытной страны, то из „Эпилога“ мы узнаем и другую сторону вдохновения поэта: он пристально приглядывался к жизни горцев, восхищался их отвагой, любовью к вольности, простотой и гостеприимством.

Даже к жестоким, кровавым „забавам“ черкесской молодежи, „пленник“, а с ним и сам поэт, относится до некоторой степени сочувственно. Жизнь горцев, полная романтических приключений, опасностей и подвигов, манила поэта.

Мятежная душа долго гналась „за веселым призраком свободы“ и настигла его на высотах Кавказа. Он дает обещание никогда не забыть „кремнистых вершин, гремучих ключей, увядших равнин, знойной пустыни...“ Совершенно понятно, какое огромное впечатление произвело на русское общество блестящее описание жизни горцев Кавказа и ее величественной природы.

Увлечение Пушкина героями поэм Байрона и личные тяжелые переживания заслонили от поэта многие явления и заставили его несколько идеализировать окружающую обстановку.

„Кавказский край любопытен во всех отношениях,— пишет он:—Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением; дикие черкесы напуганы...“

В эпилоге к „Кавказскому пленнику“ он еще боль-

ше превозносит Ермолова за его „подвиги“ в деле усмирения непокорного населения[1].

Слишком трудно было отрешиться от общепринятого взгляда на положение вещей на Кавказе, установившегося не только в официальных кругах, но и у передовых людей того времени. Так, взгляды тайного общества Союза Благоденствия на завоевательную политику на Кавказе были в окончательном виде (в „Русской Правде“), сформулированы следующим образом:

„Все опыты, сделанные для превращения горских народов в мирные и спокойные соседы, ясно и неоспоримо уже показали невозможность достигнуть сию цель. Сии народы не пропускают ни малейшего случая для нанесения России всевозможного вреда, и одно только то остается средство для их усмирения, чтобы совершенно их покорить“.

Лето 1820 г. Пушкин провел с Раевскими, преимущественно в районе Минеральных Вод — этом „преддверии“ Кавказа, и, как видно из дневника Геракова, 10 августа путешественники были уже на обратном пути, в редуте „Изрядный источник“ (на границе Черноморского войска).

Величественные вершины Кавказа (Эльбрус, Казбек) Пушкин видел в эту поездку лишь издали, равно как и с бытом горцев ознакомился поверхностно. По всему видно, что помимо мест, которые он посетил, больше всего привлекала его Грузия.

Уже тогда он ознакомился с грузинской песней и дал ей оценку. В письме к Гнедичу (от 24 марта 1821 г.) он высказывает сожаление, что ему не приш-

---

[1] В дальнейшем Пушкин совершенно отказался от этого взгляда и, говоря о Ермолове, отзывался о нем, как о шарлатане.

лось „находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии", где он мог бы созерцать все величие Кавказа. Служба, с которой он был связан, и нежелание расстаться с Раевскими, — помешали ему тогда осуществить эту мечту.

Вынужденное пребывание на юге России вплоть до 1824 г., затем ссылка в село Михайловское исключали всякую возможность поездки в Грузию.

В 1827 г. намерение Пушкина уже близко к осуществлению. 8 мая он пишет из Москвы своему брату Льву Сергеевичу, служившему тогда в Нижегородском драгунском полку, который квартировал в Кахетии:

„Завтра еду в П. Б [Петербург]... Из П. Б. [Петербурга] поеду или в чужие края, т. е. в Европу или во свояси, т. е. в Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз а для Раевского".

Замышляя эту поездку, Пушкин, безусловно, предполагал совершить ее в обществе „близких ему людей". В ту пору такие дальние путешествия редко совершались в одиночку. Поездка в обществе других была всегда надежнее, не казалась столь утомительной да и обходилась дешевле.

Нашлись и интересные попутчики в лице закадычного друга молодости Пушкина — Никиты Всеволожского и его жены Варвары Петровны, урожденной княжны Хованской.

Эта поездка была задумана уже давно Всеволожским, который был намерен начать большие коммерческие предприятия на Кавказе и в Иране. Разведку в этом направлении он с братом вел еще в 1823 г. через коммерсанта француза Этье. При этом он рассчитывал на посредничество Грибоедова, но события 14 декабря 1825 г., затем Русско-Персидская война, на удачный

исход которой вначале нельзя было надеяться,—не давали ему возможности осуществить эту затею.

К моменту от'езда на Кавказ Всеволожский был уже реабилитирован по делу 14 декабря, война с Персией явно клонилась в пользу русских,—к маю 1827 г. русские войска осаждали уже Ереван. К тому же в это время должность Тифлисского военного губернатора исправлял друг Всеволожского—генерал Сипягин, у которого и остановились Всеволожские, приехав в Тифлис.

Обстоятельные записи попутчика Всеволожских — некоего титулярного советника, пожелавшего остаться неизвестным, в красочной форме рисуют перипетии их путешествия.

Выехав 20 мая из Астрахани и побывав в своих поместиях, чета Всеволожских свернула в Горячеводск (ныне Пятигорск), где провела месяц в самый разгар сезона. В дневнике неизвестного спутника Всеволожских имеется следующая многозначительная отметка:

„Итак, где за несколько десятков лет собирались черкесы, чтобы с высот нетерпеливыми взорами приветствовать возвращающихся с добычею хищных своих собратий, там гремит теперь поэзия и вторится имя Пушкина".

Находясь под впечатлением всего виденного, автор „Записок" и в дальнейшем не раз возвращается к Пушкину и даже цитирует всю третью строфу черкесской песни из „Кавказского пленника".

Чем была вызвана поездка Пушкина в Грузию в 1829 г?

Общеизвестный биографический рассказ основывается на сведениях, сообщенных самим автором в черновом предисловии к „Путешествию в Арзрум", написанном в апреле 1835 г. В нем говорится:

„В 1829 г. отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда с'ездить для свидания с братом и с некоторыми из моих приятелей".

Приблизительно также высказывался Пушкин о цели своей поездки и в заявлении на имя шефа жандармов Бенкендорфа, в связи с запросом последнего о причине его от'езда.

Исследователь жизни Пушкина—Е. В. Вейденбаум, разбирая обстоятельства, которые привели Пушкина на Кавказ, приходит к выводу, что „окончательное решение бросить столицу и отправиться в Азию созрело в Пушкине внезапно, под влиянием того тревожного состояния духа, в котором он находился в то время".[1]

Однако, вряд ли Пушкин решился бы на столь длительное путешествие, чреватое для него большими последствиями, исходя из одних этих соображений.

По всему можно думать, что его влекли на Кавказ иные, более важные причины, что поездка его не была такой уж „внезапной" и что Пушкин был намерен посетить не только Кавказские воды, но и Тбилиси и далее. Что это так, мы убедимся из дальнейшего.

ПУШКИН И ГРИБОЕДОВ

Большим событием в жизни Петербурга 1828 г. был приезд Грибоедова с текстом Туркманчайского мирного договора. Весь день 14 марта не смолкали пушечные выстрелы в честь его. На другой день ему была дана „высочайшая" аудиенция во дворце.

---

[1] „Кавказская поминка о Пушкине", Тифлис, 1899 г., стр. 110

Роль, принадлежавшая Грибоедову во время войны здесь он зарекомендовал себя как знаток края и искусный дипломат), а также награда в сорок тысяч рублей, что по тогдашнему времени считалось более чем чрезмерной для не очень значительного чиновника, — породили много разговоров. По этому поводу писали, например:

„Лестное же получил награждение Грибоедов. Фельдмаршалу Кутузову пожаловано было за Бородино 100 тысяч, а тут коллежский советник получает почти 50 тысяч руб., кроме чина и креста".

Личность Грибоедова „Персидского" становилась легендарной.

25 апреля 1828 г. Грибоедов был назначен министром-резидентом в Иран. В связи с этим назначением он занялся делами, непосредственно относящимися к его служебной деятельности по министерству иностранных дел, не теряя из вида и поручений по управлению Кавказом. Хлопоты о расширении сети школ в Грузии и открытии гимназии, различные финансовые вопросы отнимали у Грибоедова немало времени.

Но Грибоедов не забывал и своих литературных дел. Были возобновлены перед цензурой хлопоты о „Горе от ума". Казалось, дело на этот раз должно было осуществиться, поскольку имелся положительный отзыв цензора Сенковского.

Сохранились обстоятельные записи современников о посещениях Грибоедовым литературных салонов П. П. Свиньина,—долголетнего издателя „Отечественных записок", Н. И. Греча, В. Ф. Одоевского и графини Лаваль. На этих вечерах Грибоедов не раз встречался с Пушкиным. По словам Булгарина, „оба поэта умели ценить дарования друг друга". Это наглядно можно проследить из их взаимоотношений. Первое

знакомство Пушкина с Грибоедовым надо отнести к 1817 г. (из „Путешествия в Арзрум"). Об этом говорят и воспоминания А. М. Каратыгиной[1]. Уже тогда (еще до появления в печати) Грибоедов знал стихи Пушкина и отзывался о них с похвалой[2].

Встречались Грибоедов и Пушкин также на заседаниях „Зеленой Лампы" — общества, организованного Союзом Благоденствия[3].

До 1828 г. оба поэта не встречались, но не теряли друг друга из вида и интересовались литературной деятельностью один другого. Известны отзывы Пушкина о „Горе от ума"; очень ценны замечания Грибоедова о „Борисе Годунове".

После долгой разлуки оба поэта встретились в Петербурге. Сохранились упоминания современников о их встрече 16 мая на вечере графини Лаваль, где Пушкин читал своего „Бориса Годунова", так сильно интересовавшего Грибоедова.

25 мая был устроен пикник в честь уезжавшего из Петербурга кн. П. Вяземского. Кроме Пушкина, Мицкевича и других в этом пикнике должен был принять участие и Грибоедов. Очень важно сообщение литератора Кс. Полевого, общего знакомого Пушкина и Грибоедова, который, описывая вечер у Свиньина, пишет:

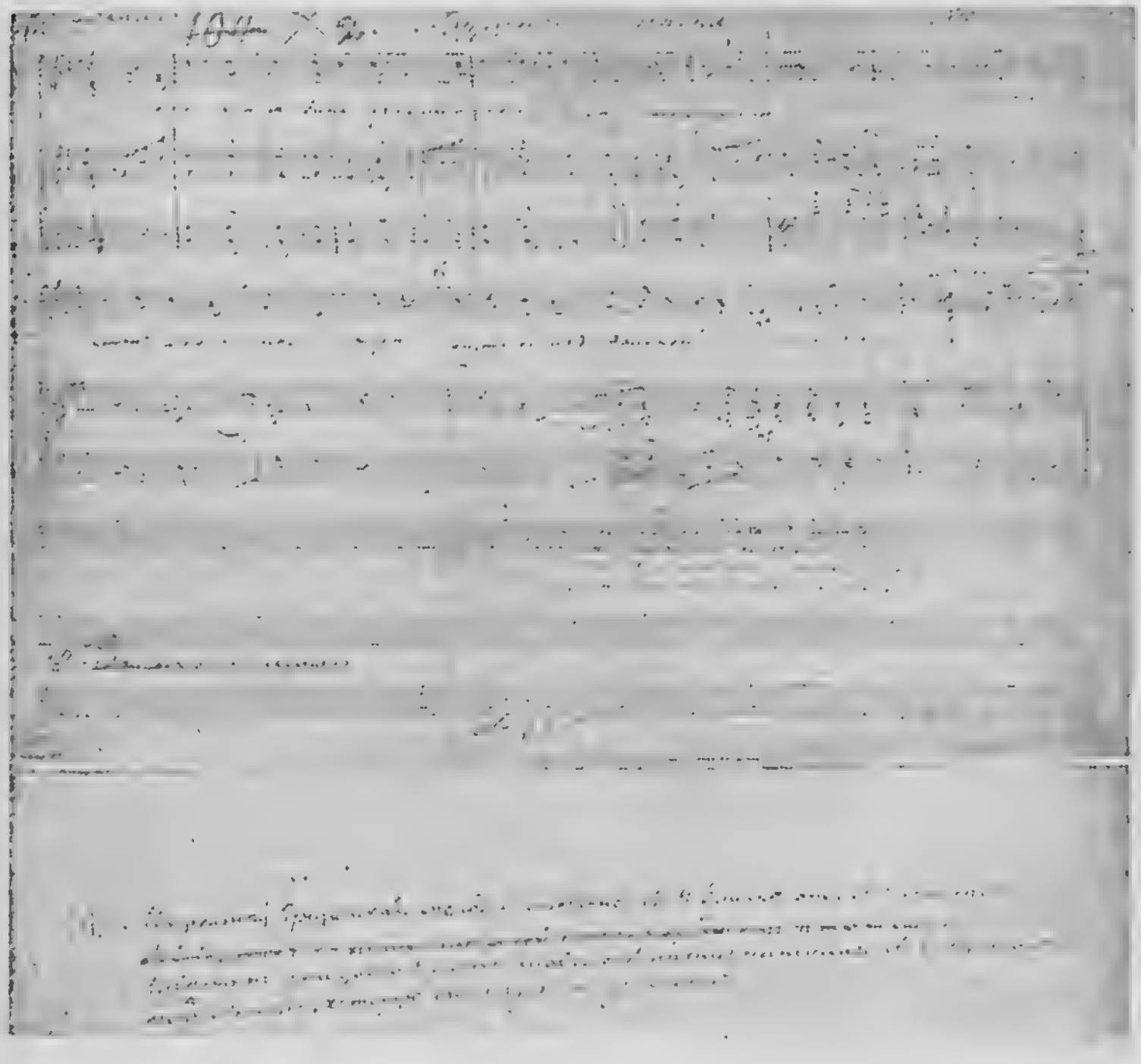
„Грибоедов явился в м е с т е[4] с Пушкиным, который уважал его как нельзя больше и за несколько дней сказал мне о нем: „Это один из самых умных людей в России. Любопытно послушать его..." В этот вечер Грибоедов читал наизусть отрывок из своей трагедии „Грузинская ночь", которую тогда писал.

---

[1] „Русская Старина", 1880, № 7.
[2] „Русский архив", 1887 г., № 7.
[3] См. книгу Яцевича — „Пушкинский Петербург"
[4] Разрядка наша, И. Е.

Многих из своих знакомых пленил тогда Грибоедов делясь впечатлениями о красотах Востока. Известный композитор М. И. Глинка записал:

„Провел около целого дня с Грибоедовым, автором комедии „Горе от ума". Он был очень хороший му-



„Грузинская песня"—М. И. Глинки.

зыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс „Не пой, волшебница, при мне[1].

[1] У Пушкина „красавица"

Известно о намерении князя П. Вяземского (общего и близкого друга Пушкина и Грибоедова) поехать в 1828 г. в Тегеран. В материалах Гос. Ц. Архива Грузии за 1828 г. имеется запись о назначении камер-юнкера, надворного советника из министерства иностранных дел—Никиты Всеволожского, в канцелярию Тифлисского военного губернатора.

Грибоедов, пользовавшийся неограниченным доверием Паскевича, который был женат на его двоюродной сестре, пригласил на службу П. Завилейского, Аделунга, Е. Чиляева, Ив. Мальцова, Э.Грубера и других.

Целый штат выехал для описания провинций Закавказья, среди них такие сведущие люди, как Б. Зубарев, сотрудник „Отечественных записок", В. Григорьев, И. Шопен и другие.

В Гос. Ц. Архиве Грузии сохранились документальные данные о назначении камер-юнкера Хомякова в Грузию на освободившуюся должность по дипломатической переписке; приказ подписан 25 апреля в день назначения Грибоедова посланником и именно благодаря стараниям последнего.

„Il a jugé qu'il seroit nécessaire d'attacher au quart. général de V. E. un employé pour la correspondance diplomatique qu'il seroit dans le cas"[1].

Ф. С. Хомяков служил при русском посольстве в Париже (1824 г.), затем в Министерской ин. дел Канцелярии. В связи с его назначением в Тбилиси, министр Нессельроде дал ему чрезвычайно лестную характеристику.

[1] Он (т. е. Грибоедов) счел, что необходимо прикомандировать к главной квартире Высшего Сиятельства одного чиновника для ведения дипломатической переписки в нужных случаях. (Письмо министра ин. дел Нессельроде—И. Паскевичу от 2 мая 1828 г.).

Большинство из вышеупомянутых лиц были хорошие знакомые Грибоедова и Пушкина. Таковы Никита Всеволожский, Ф. Хомяков, Эверест Грубер, Иван Мальцов, Михаил Устинов — служащие коллегии иностранных дел, Егор Чиляев и Завилейский—министерства финансов.

Особенно примечательна была роль последнего.

Петр Демьянович Завилейский с 1813 по 1825 г. находился на военной службе, где „отличал себя честью, пользою и преданностью". С марта 1825 г. по 1828 г. состоял при министерстве финансов, исполняя „весьма важные, трудные и многосложные поручения". 13 апреля 1828 г. был назначен в Грузию исправляющим должность Начальника казенной экспедиции, а с 1829 г.– губернатором Грузии. Когда в 1832 г. в Тбилиси был раскрыт „противоправительственный заговор", выяснилось его непосредственное участие в подготовке такового.

К этому времени относится увлечение Грибоедова широкими планами об учреждении Российской Закавказской Компании для эксплоатации казенных земель и садов, а также развития местной промышленности и торговли.

Такое „исполинское предприятие" (по выражению „Тифлисских Ведомостей") по замыслу своему очень походило на Ост-Индскую компанию. В это дело вовлекался частично даже Иран.

Грибоедов очень верил в реальность своей затеи. Существовала же к тому времени в России Российско-Американская компания на Аляске, близко напоминавшая грибоедовскую! И составив в сотрудничестве с Завилейским проект, он представил его Паскевичу 7 октября того же года.

Как можно догадываться, Грибоедову была обещана поддержка в высших сферах столицы в лице шталмейстера Долгорукова, Жадовского, Дондуков-Корсакова и других, при покровительстве министра Канкрина. Об этом можно судить хотя бы по тому, что эти лица в последующем вошли пайщиками в товарищество, учрежденное в Грузии в 1835 году.

В Грузии же Грибоедов мог рассчитывать на Сипягина—помощника Паскевича по гражданской части. Доброжелательное отношение Сипягина к Грибоедову усматривается из целого ряда фактов и особенно в последний приезд Грибоедова в Тбилиси.

Из родословной Ф. С. Хомякова устанавливаются родственные отношения Грибоедова и Пушкина; бабка Хомякова была урожденная Грибоедова, с которой (по женской линии) был в родстве и А. С. Пушкин.

Будучи столь близкими, они, конечно, должны были делиться друг с другом своими горестями: Грибоедов—своими планами и мрачными предчувствиями в связи с от'ездом в Иран (о чем упоминает Пушкин в „Путешествии в Арзрум“ ,Пушкин—своим угнетенным душевным состоянием в связи с создавшейся вокруг него обстановкой.

Состоявшееся торжественное „примирение“ Пушкина с правительством, позволило ему выбраться из своей деревни и жить в городах России. Но в то же время он приобрел в лице шефа жандармов графа Бенкендорфа „опекуна“, который установил и лично и через своих агентов такой тщательный надзор за поэтом, что ни одно слово, ни одно движение его не ускользало от взора ретивого жандарма.

Тяжесть положения Пушкина в обществе усугублялась еще распустившимися слухами, что правительство приобрело в его лице второго Булгарина. Ко всему

этому присоединились неприятности, связанные с цензурой. „Борис Годунов" задерживался цензурой царя без надежды на то, что когда-нибудь появится в свет. А тут еще обнаруженный список „Гавриилиады" вызвал целое следствие, от которого Пушкин с трудом отделался.

Никогда не чувствовал Пушкин так остро гнета, как в это время: не было никакой возможности свободно отдаваться творчеству. Это состояние угнетало его[1]. Желание забыться, уйти от этой обстановки толкало его на азартную игру, доводившую его до разорения, кутежи и так далее.

Такое времяпрепровождение подтачивало его силы, создавало мрачное, порою отчаянное настроение.

Между тем, ожидаемого назначения все не предвиделось. Дальнейшее его пребывание в петербургском обществе делалось невыносимым, и выходом из этого положения Пушкин считал поездку в действующую армию для участия в военных действиях против турок или поездку за границу.

По существовавшему тогда положению, лица, окончившие Царскосельский лицей, имели право выходить в армию. Этим правом и решил воспользоваться Пушкин и вместе с П. А. Вяземским подал на „высочайшее" имя прошение о зачислении в армию. При этом он старается попасть не на европейский театр военных действий, а на Кавказ к Паскевичу[2]. Однако, ходатайство их не было уважено. Обоим было об'явлено, что „государь весьма хорошо принял их желание быть полезными службою, что в армию не может

---

[1] Оно нашло отражение в его стихотворениях „Воспоминание" и „Предчувствие".

[2] По „Воспоминаниям" Ф. Фонтона.

их взять ибо все места заняты, но что государь их не забудет и при первой возможности употребит их галанты".

Известно, какое большое влияние имел Грибоедов на Паскевича. „Паскевич любил его, как родного брата",—писал в своих записках Булгарин. Так же отзываются и другие. Грибоедову ничего не стоило выхлопотать Пушкину соответствующую службу в Грузии или способствовать его в'езду в действующую армию, чего тщетно добивался Пушкин. В Кавказской армии из общих близких друзей были: Вольховский—его лицейский товарищ, Н. Раевский, Бурцов, А. Чавчавадзе, А. Дадиани, из декабристов Н. Оржицкий и З. Чернышев, приходившийся ему родственником, не говоря уже о брате Льве.

6 июня Грибоедов выехал из Петербурга в Тбилиси, в конце июля ему удалось увидеться в главной квартире у Ахалкалаки с Паскевичем, и тогда же, надо полагать, он заручился согласием последнего на приезд Пушкина в армию.

Спустя несколько лет, Пушкин припоминает этот факт и пишет Ушакову, который в своей книге[1] отозвался о нем с похвалой:

„Вы впустили меня в храм славы, как некогда граф Эриванский позволил мне в'ехать в Арзрум"[2].

Если принять во внимание, как велика была тогда власть Паскевича в крае и какую он проявлял независимость в своих действиях, то станет понятным, что значило разрешение Паскевича. С этим разрешением можно было беспрепятственно ехать в Грузию и в район военных действий.

---

[1] „История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 г.", СПБ., 1836.

[2] Из письма 1836 г.

С этих пор намерение Пушкина посетить Грузию и военный фронт становится более реальным, и он не делает из этого секрета; о таковом его решении узнает стороной и высшая полицейская власть.

ОТ'ЕЗД ПУШКИНА

Первое упоминание о намерении Пушкина ехать на Кавказ мы встречаем в письме московского почтмейстера А. Я. Булгакова[1], от которого не укрывалось ни одно событие из жизни московского света.

„Он едет,—писал Булгаков брату,—в армию Паскевича, узнать ужасы войны, послужить волонтером, можег и воспеть это все".

Несколькими днями позже: „...Пушкин едет на Кавказ",—а 25 мая уже, как факт, сообщает: „Поэт уехал в Тифлис"[2].

Приготовляясь к от'езду, Пушкин, верный своему любимому писателю Шатобриану, который говорил: „Le seul moyen de voir un pays tel qu'il est, cest de le voir avec ses traditions et ses souvenirs"[3] собирал и перечитывал научную литературу по Востоку. Большой материал можно было встретить тогда в столичной прессе, в которой, помимо отдельных сводок с театра военных действий, стали помещаться интересные корреспонденции и очерки о Кавказе.

Например, в наиболее распространенном тогда журнале „Вестник Европы", были помещены статьи: „Взгляд на Грузию в ее историческом и статистическом отно-

---

[1] От 21 марта 1829 г.

[2] „Русский Архив", 1901, кн. 11.

[3] „Единственная возможность видеть какую-либо страну такою, какова она на самом деле, это видеть ее с ее традициями и воспоминаниями".

шении", „О городе Тифлисе". В журнале „Северный Архив" были напечатаны выписки из „Путешествия кавалера Гамба в Кавказскую область", „Путешествие графа И. Потоцкого", „Поездка на Кавказ" и другие.

Интересные статьи помещали и „Отечественные записки". Пушкин внимательно перечитывал эти самые распространенные журналы и, конечно, был знаком с помещенными в них статьями.

Интересовался Пушкин и литературой о Кавказе. В его библиотеке имелась популярная тогда книга: сочинение С. Броневского „Новейшие географические и исторические известия о Кавказе". В списке, „особ, благоволивших подписаться на сию книгу", значился и Василий Львович Пушкин, от которого книга могла попасть к племяннику.

В начале 1829 г. появляются интересные новинки по Востоку: Вальш „Путешествие по Турции", Н. Н.— „Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 18?7 г.". С этой книгой, которой у него было два экземпляра, Пушкин был настолько хорошо знаком, что не избежал даже некоторого влияния ее (например, много общего можно найти в описании первых глав путешествия), а именно в оценке „мирных горцев", в впечатлении от обвала, в использовании одинаковых исторических источников.

Еще больше сказалась на его записках только что вышедшая тогда книга И. Дебу: „О Кавказской линии... и о соседственных горских народах"[1].

Автор этой книги,—знаток края, прослуживший там шестнадцать лет и занимавший ряд ответственных должностей. В отличие от других, он был более или менее об'ективен в своем описании горцев, которых

[1] СПБ, 1829 г.

хорошо изучил. Так, о племени Абаза он говорит, что они „народ добрый, трудолюбивый, но неспособности их приставов, буйство казаков заставило их бросить все хозяйство и бежать в Турцию". Упоминает Дебу и о христианстве у горцев в древности, Шейх-Мансуре (поднявшем религиозную войну против России среди чеченцев и черкесов в 1785 г.), о аманатах, а также приводит и другие подробности, которые можно встретить в „Путешествии в Арзрум" почти в такой же оценке.

Намерение Пушкина ехать в армию нагляднее всего удостоверяется из письма Раевского-отца сыну, служившему на Кавказе.[1]

„Я возвращаюсь из Петербурга, мой друг Николушка, и письмо сие в третий раз начинаю писать тебе. Пушкин хотел из Петербурга к тебе ехать, потом из Москвы где нездоровье его еще раз удержало. Я ожидаю его извещения и письмо сие назначено к отправлению с ним".

Об этом же существует не менее достоверное свидетельство писателя В. А. Ушакова: „В прошлом году я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в Грузию"[2]. Это же видно из письма П. Вяземского к своей жене.[3]

9 марта А. Пушкин выехал из Петербурга в Москву по подорожной, выданной ему военно-губернаторской канцелярией 5 марта на основании свидетельства частного пристава Моллера.

Осведомленный об этом, Бенкендорф тогда же (от 22 марта 1829 г.) делает распоряжение Петербург-

---

[1] От 3 апреля 1829 г.
[2] „Московский телеграф", 1830 г., № 12.
[3] Письмо от 7 мая 1828 г.

скому генерал-губернатору Голенищеву-Кутузову о наблюдении „куда уехал Пушкин и о надлежащем продолжении за ним учрежденного с высочайшего утверждения секретного наблюдения". На это Кутузов ответил секретным отношением:

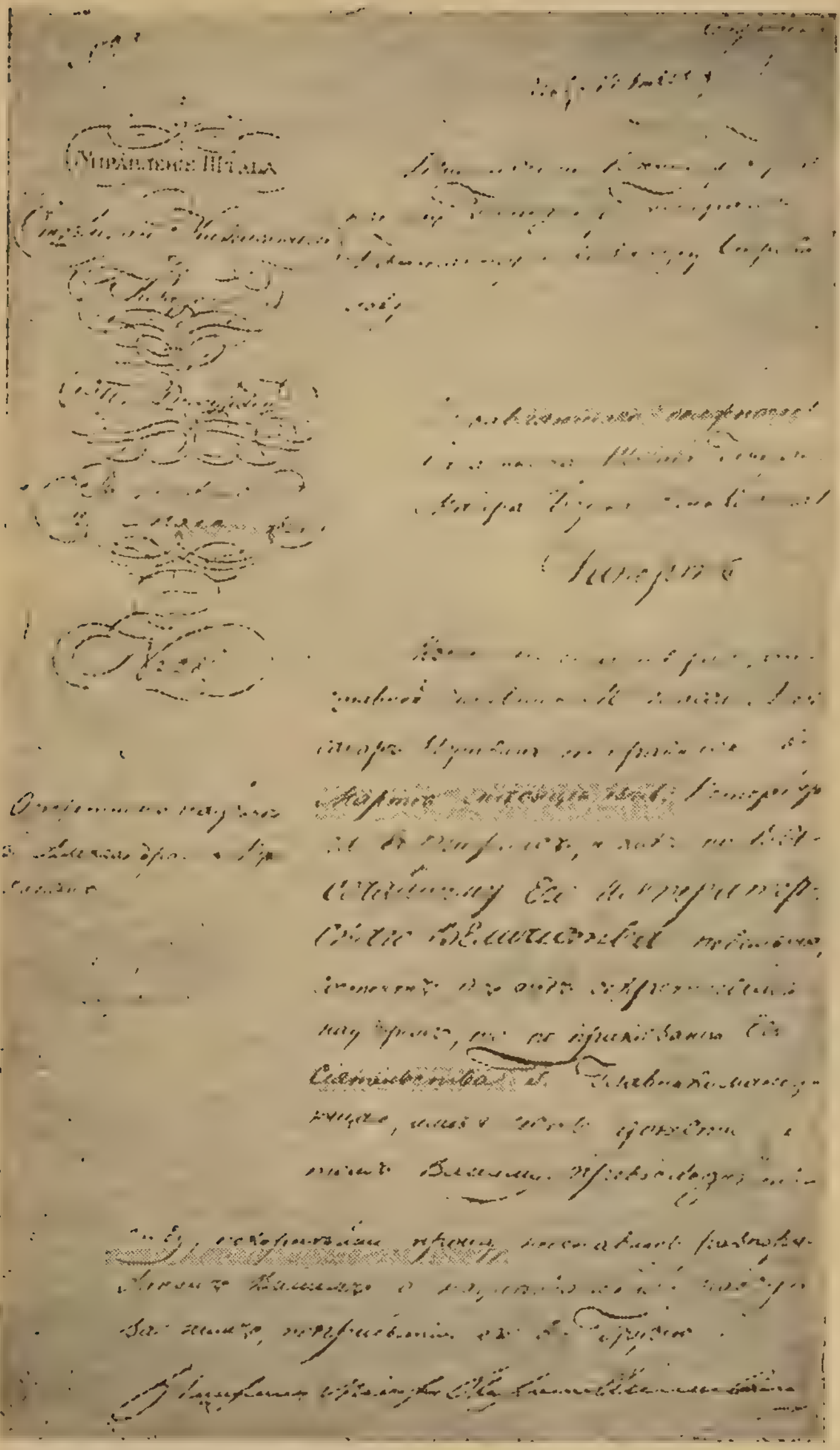
Милостивый государь Александр Христофорович, в ответ на отношение ко мне В. Пр-а от 22 марта за № 1267, честь имею сообщить Вам М. Г., что об от'езде отсюда в Тифлис известного стихотворца отставного чиновника 10 класса Пушкина, состоявшего здесь под секретным надзором, довел я до сведения Г. Главнокомандующего з Грузии графа Паскевича Эриванского. Павел Кутузов".

Генерал Паскевич через своего начальника штаба барона Д. Е. Остен-Сакена тогда же (12 мая) отдал указание Тифлисскому военному губернатору Стрекалову „не оставить распоряжением о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию".

В Москве, куда в это время прибыл Пушкин, надо было сперва усыпить бдительность полиции, а уж потом думать об организации поездки. К этому же времени относится увлечение Пушкина Наталией Гончаровой. Еще зимой 1828 г., увидав в свете юную 17-ти летнюю Наталию Гончарову, он был поражен ее ослепительной красотой. В апреле 1829 г. он посватался к ней через одного своего знакомого. „Пушкину напрямик не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотреть, что дочь еще слишком молода и прочее"[1]. Такое неопределенное положение, когда он не знал, надеяться ему или нет, — томило его, заставляло откладывать свой от'езд.

---

[1] „Русский Архив," 1881 г., кн. 11, стр. 497.



Рапорт Д. Е. Остен-Сакена о слежке ва А. С. Пушкиным

Этим надо об'яснить появление в „Тифлисских Ведомостях“ [1] следующего сообщения:

„Мы ожидали сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей Кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России“.

Не испрося разрешения у шефа жандармов графа Бенкендорфа, Пушкин 1 мая 1829 г. выехал из Москвы на юг.

Время для от'езда было выбрано им очень удачно, так как внимание полиции было целиком отвлечено путешествием Николая 1 в Варшаву, где тот задумал короноваться польской короной.

1 мая приехал в Варшаву великий князь Михаил Павлович, чтобы подготовить торжественный в'езд Николая, которого ожидали там 10 мая.

А в это время Пушкин уже трясся на перекладных, спеша как можно скорее добраться до Тбилиси.

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА КАВКАЗЕ

В ту пору русское общество имело о Кавказе весьма смутное представление. Для большинства это была мятежная страна, где не прекращалась смута, где вечно кипела война, куда беспрестанно отправляли войска за войсками, за что и был прозван Кавказ „погибельным“.

И в самом деле, войны на Кавказе были неразлучными спутниками царской политики в этом крае.

Политику царизма хорошо понимал Пушкин: „Должно надеяться,— писал он брату 24 сентября 1820 года,— что эта завоеванная сторона, до сих пор

---

[1] № 17 от 26-го апреля 1829 г.

не приносившая никакой существенной пользы для России, скоро сблизит нас с персианами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах,— и может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии".

И действительно: вся долголетняя политика русского царизма рассматривала Кавказ, лишь как „ближайший из Азии в Европу путь" и ставила конечной целью получить подступ к Индии через Иран.

Первый, кто практически взялся осуществить эту идею, был Петр 1, предпринявший в 1723 г. поход, который окончился неудачей (он двигался тогда по кавказскому побережью Каспийского моря).

План Наполеона, о котором говорит Пушкин, подробно изложенный Наполеоном в письме Александру 1 от 2 февраля 1808 г., имел целью покорить Индию союзным русско-французским корпусом, действуя из Ирана. В осуществление этого плана, Наполеон даже командировал генерала Гардана с посольством туда, для подготовки операции.

План этот, очень трудно выполнимый, имел, однако, больше практического смысла, чем осуществленный Павлом 1 в 1801 г. поход „по секретной экспедиции", когда донские казаки под начальством Орлова-Денисова двигались из Средней Азии.

Насколько развитие производительных сил Кавказа мало интересовало царское правительство вначале утверждения русского владычества—показывают следующие факты: сильно развитое при последних ханах шелководство теперь совсем захирело; значительно сократилась площадь виноградников в Грузии; не обращалось никакого внимания на бакинскую нефть; хлопководство в Эриванском ханстве было совершенно заброшено; очищенный хлопок, обнаруженный в скла-

дах Эриванского хана, был перевезен в Тбилиси и продавался с торгов...

С самого начала утверждения русского владычества на Кавказе (то есть с 1801 г.), военное командование, пользуясь численным и техническим превосходством своих войск, старалось „обезопасить" пути сообщения от „туземцев".

В основном все сводилось к захвату лучших земель у местных жителей и передаче их казачеству, которое тотчас же устраивало здесь свои поселения. Отсюда противодействие населения, выражавшееся в непрекращающихся столкновениях и войнах. Разоренное и обездоленное население бежало в горы и, собравшись с силами и выждав удобный момент, возобновляло вооруженную борьбу за существование. Такое положение вещей на Кавказе продолжалось вплоть до 60-х годов прошлого столетия.

В неменее уродливые формы вылились отношения к мирному населению.

„Офицеры по прихотям своим делают наряды подвод и лошадей, не платя за то ни копейки к разорению земледельцев; солдаты причиняют личные обиды жителям, похищают у них скот, живность, плоды, опустошают их сады и огороды и, выпивая вино из кувшинов, от безрассудной шалости заполняют их землею"[1].

В 1829 г. положение крестьян было не лучше. Приехавшие к концу этого года на ревизию сенаторы Е. И. Мечников и граф П. И. Кутайсов нашли крестьян в такой тяжелой кабале, что решились заявить об этом открыто.

„Они обязаны пахать и перепахивать господские земли,—писали они,—сколько помещик прикажет, за-

---

[1] Из приказа генерала Лазарева, 1802 г.

сеивать поля, поливать, полоть, обрабатывать, производить жатву, молотить, всыпать зерно в ямы, вынимать из оных, вычищать зерно, молоть и доставлять муку на своих подводах—куда помещик прикажет; они обязаны исправлять господские сады, выделывать вино и в своих бурдюках доставлять его в господские погреба, давать господам на свадебные расходы от 5 до 50 руб. серебром, отдавать часть скота за происходящие между ними разделы и за драки, платить за выход вдов и девок в замужество от 10 до 60 руб.; доставлять материалы для помещичьих построек и производить строительные работы, давать подводы, доставлять дрова, в праздники приносить с'естные припасы, отбывать винную и хлебную подати, называемые кулухи и галу; содержать на собственном иждивении гостей помещика, снабжать помещика домашней птицею, устраивать для помещика рыбную ловлю, давать по раскладкам пособие на погребение помещика и на прочие нужды и наконец отбывать для помещика многие другие неисчислимые повинности".

Помимо этого крестьянам приходилось исполнять общественные повинности, всей тяжестью ложившиеся на них: аробная и дорожная повинности, постои, реквизиции—вот что принесла им царская власть.

Если такова была политика царского правительства по отношению к мирному населению, то можно представить себе, что делалось, когда верховное командование посылало сюда экзекуции или когда завоевывались новые области.

Особенно прославился своей жестокостью „проконсул Кавказа"—А. П. Ермолов, самый ярый проводник колониальной политики самодержавия на Кавказе. Проводимая им при покорении отдельных народностей „система" отличалась подлинным варварством—разру-

шались хозяйства горцев, население угонялось в горы и бралось измором. Особенно печальную известность оставил Ермолов у чеченцев карательной экспедицией, предпринятой им в Чечню в 1823 г.

В оправдание такой политики Ермолов говорил: „снисхождение в глазах азиатцев—знак слабости, и я прямо из человеколюбия бываю строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены...“

За малейшее неисполнение распоряжений Ермолова—„нарушителей“ наказывали шпицрутенами, прогоняя пять раз через тысячу человек, а зачинщиков и главарей после всего этого вешали на дереве „в страх подобным злодеям“.

Но во многих передовых людях того времени ермоловская политика вызывала негодование. К числу таковых принадлежал и Грибоедов, который еще задолго до падения Ермолова выражал возмущение по поводу деспотизма этого нового Чингиз-хана (по выражению персидского престолонаследника Аббас-Мирзы).

„Двух при мне застрелили,—пишет Грибоедов,—других заключили в колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьего дня набрел за рекою, висит, и ветер его медленно качает... Но действовать страхом и щедротами можно только до времени, одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей...“

Неудивительно, что с самого прихода русских войск даже в „единоверной“ Грузии, за короткий период было немало восстаний (в Мтиулетии—1804, Имеретии—1808 и Кахетии—1812 г.).

Несмотря на все это, охотников ехать на Кавказ и принять участие в боях было не мало. Значительную часть составляла дворянская молодежь, ищущая

чинов и боевых отличий, затем лица, для которых единственным средством вернуть утерянные ими права гражданства было отличиться в боях или выслужиться в качестве чиновников.

Приехав на Кавказ, эти люди видели лишь „экзотику" края, восхищались величественной природой, искали сильных ощущений, мало задумываясь над тем, чтобы правильно понять действительную обстановку, разобраться в том, во имя чего идет война, почему так упорно защищаются горцы, отстаивая свою свободу.

От романтических настроений не был свободен и Пушкин в первый свой приезд на Кавказ. Так например, он писал:

„И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению" [1].

Но теперь,—в свою вторую поездку, он имел более ясное представление о Кавказе, на основании того, что он читал или слышал от таких знатоков края, как Грибоедов, который свое отрицательное отношение к методам управления краем блестяще выразил в служебных записках и еще ярче в стихотворении: „Хищники на Чегеме".

Пушкин мог уже составить себе более или менее правильное представление о том, что происходило на Кавказе. И действительно, в этот свой приезд он сразу же отрешился от своего первоначального взгляда. Его интересовала уже не романтика дикого, самобытного края, а отношение русских властей к населению, нравы, обычаи, жизнь и быт покоренных народов.

---

[1] Из письма к брату от 24 сентября 1820 года.

Протестом против колонизаторской политики царизма явилось его стихотворение „Кавказ“, где в последних четырех строках, из'ятых цензурой, говорилось:

Так буйную вольность Законы теснят,
Так дикое племя под Властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тягостят.

Выехав из Москвы 1 мая, Пушкин 26 был уже в Екатериноградe („бывшем некогда наместническим городом“), откуда начиналась Военно-Грузинская дорога.

Мысли, высказанные Пушкиным в „Путешествии в Арзрум“, противопоставляемые системе „огнем и мечом“, уже не раз высказывались передовыми людьми России.

Даже президент Вольного Экономического О-ва Мордвинов, в 1816 г. составил проект, пересланный Правительством Ермолову в качестве инструкции. Проект назывался: „Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силою оружия“.

По этому проекту предлагалось открыть школы „для воспитания молодых князей и детей старшин народных“, развивать общение горцев с русскими, ввести торговлю железом и солью и прочее.

Коллегия Иностранных Дел через своего чиновника де-Скасси начала тогда же проводить в жизнь эти „гуманные“ методы царской колонизаторской политики. Избрав с конца декабря 1816 г. своей резиденцией Керчь, де-Скасси открыл на Кубани меновые дворы, где горцы в обмен на лес могли приобретать

соль и мануфактуру, а также разрешил горцам селиться на левом берегу реки Кубани.

Однако, все „благие" начинания „попечителя торговли с Черкесами и Абазинцами" были парализованы военными действиями атамана Власова, проводившего директивы Ермолова.

В подобной обстановке, когда не прекращались нападения на мирные аулы Натухайцев, чтобы „отдать аулы сии на грабеж казакам" [1],— конечно, система мирных мероприятий не могла дать желательных результатов.

За поощрение этой (тогда малопопулярной политики) стоял и Пушкин, предлагавший помимо культурно-бытовой и экономической связи еще и пропаганду христианства.

ПО ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГЕ

Пушкин выехал из Екатериноградa с „оказией" 18 мая, ночевал в Пришибе. 19—он в укреплении Урухском, впечатлениями о котором он делится в „Путешествии".

В те времена все укрепления по Военно-Грузинской дороге мало чем отличались друг от друга и служили для защиты от нападений на дороге. Для более выгодного расположения этих укреплений, по распоряжению генерала Ермолова, дорога в Грузию была перенесена на левый берег Терека. Однако, в отношении безопасности она выиграла немного: без сильного военного прикрытия всякое передвижение по этой дороге было невозможным.

Гарнизона в укреплениях насчитывали человек 60—90. Самые укрепления представляли собой четы-

---

[1] Рапорт Скасси генералу Ермолову от 4 апреля 1826 г.

реугольный окоп с бастионами по углам; внутри—караульный дом с высокой каланчой, с которой часовой наблюдал во все стороны; тут же казармы для солдат и офицеров. На каждом бастионе было по две чугунных пушки. Земляной вал обведен сухим рвом. Впереди укрепления стоял дом для проезжающих и при нем духан. За укреплением в глубину в одну улицу было расположено несколько десятков домов семейных солдат.

Эти укрепления вызвали у Пушкина ироническое замечание:

„Крепости, достаточные для здешнего края,—пишет он,—со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину, не разбегаясь, с заржавевшими пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича[1], с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей".

20-го мая, выехав из укрепления Уруховское, мимо развалин аула Татартуба, он в тот же день прибыл в Ардон, где и ночевал. Отсюда начиналась Осетия. К пребыванию в этих местах относятся его замечания

„Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги".

21 мая Пушкин прибыл во Владикавказ. Город в то время еще хранил все признаки той крепости, которая была построена в результате договора 1783 г., заключенного между Россией и Грузией. Тогда же один из фортов этой крепости, самый южный (на месте прож-

---

[1] Главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии с 1806—9 г.

Военно-Грузинская дорога. Дарьяльское ущелье. Худ. Н. Чернецов.

него Кап-Коя), закрывавший вход в теснину Терека, получил название Владикавказа.

Посетив один из окрестных аулов, Пушкин увидел похороны и все связанные с ними обрядности. Эта сцена послужила ему материалом для неоконченной поэмы „Гасуб".

22 мая Пушкин выехал из Владикавказа и ночевал в Ларсе (в 25 верстах), на следующий день продолжил путь.

Уже на шестой версте начиналась пугавшая путешественников часть пути: дорога шла под грозно нависшими скалами, которые, казалось, каждую минуту готовы были сорваться и похоронить все под собой.

На седьмой версте от Ларса начинается Дарьяльское ущелье, где сохранились развалины древнего замка, овеянного легендами. Тут находился редут с казармой для военного поста.

От Дарьяла до Казбека (девять верст) дорога шла Хевским ущельем.

Н. Голицин, проезжавший Военно-Грузинскую дорогу в 1827 г., писал:

„Этот участок дороги приметно поднимается и в иных местах так узок, что путешественник невольно вздрагивает, видя с одной стороны пропасть, в которой ревет Терек, а с другой — отвесные скалы, угрожающие падением. Не доезжая версты до Казбека, дорога прорезывалась рыхлым, довольно глубоким оврагом, называемым „Куро" (русскими же „Бешеною балкою").

Селение Казбек, где на некоторое время остановился Пушкин, получило свое название по имени жившего там старшины Казибега (Казбека) из фамилии Чопикашвили, оказавшего русским властям немалые услуги для обеспечения беспрепятственного передви-

жения их на этом участке Военно-Грузинской дороги

Настоящее название селения — Стефан-Цминда. По имени Казбека же названа была и гора Мкинвари, возвышающаяся близ этого селения.

Во время проезда Пушкина деревня Стефан-Цминда состояла из 60—70 домов, расположенных очень скученно на покатости горы с обрывом к Тереку. Населяли ее грузины.

В доме владетеля, огражденном высокой каменной стеной, жила вдова генерала Казбека с дочерью и двумя сыновьями (Михаилом и Николаем). Перед домом, у самой дороги стояла церковь из красного туфа, выстроенная в 1814 г. В ее ограде был похоронен генерал Габриель Казбек. У дороги же стоял дом для приезжих.

Свое пребывание в Казбеке Пушкин отметил следующей записью в „Путешествии“:

„Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лет сорока-пяти, ростом выше преображенского флигельмана. Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и не чище русских). В дверях лежал пузастый бурдюк (воловий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту. Мы расстались большими приятелями“.

Упомянутый здесь „князь Казбек“ — один из сыновей генерала Казбека, — Михаил, отец выдающегося грузинского писателя Александра Казбека, который в своих повестях („Элгуджа“ и др.) прекрасно описал положение населения этого района в первые годы утверждения русского владычества в Грузии.

Уже в Казбеке можно было встретить грузинскую

монету абаз, в 20 копеек серебром, которая чеканилась в Тбилиси на местном монетном дворе и о которой упоминает Пушкин.

За Казбеком взору путника представлялись груды камней и полуразрушенные башни, — следы некогда обширного поселения. Миновав на девятой версте величаво красовавшееся на горе местечко Сион (в древности город), путник прощался с Тереком и приближался к Коби, где находился военный пост, а близ него—дом для проезжающих.

День 23 мая, столь богатый для Пушкина впечатлениями от дороги, ознаменовался, кроме того, интересной встречей с персидским поэтом Фазиль-Ханом, сопровождавшим принца Хосров-Мирза, который ехал в Петербург с извинениями в связи с убийством Грибоедова [1]. (Фазиль-Хан был известен, как выдающийся поэт и ученый. Под конец жизни он переселился в Тбилиси, где и умер).

От Коби, где Пушкину пришлось заночевать, начиналась самая тяжелая часть пути (Крестовый перевал и Гуд-гора), которую предстояло пройти в самых неблагоприятных условиях, так как окрестность еще не освободилась от снежного покрова, бушевали частые мятели и были возможны обвалы.

В виду этого Пушкин от „имени всего каравана" написал начальнику „в здешней стороне" Б. Г. Чиляеву официальную просьбу следующего содержания:

„Несколько путешественников, след[ующих] по каз·[енной] надобн[ости] находятся здесь в затрудн[ительном] положении и, зная по слухам Вашу снисходи-

---

[1] Пушкин посвятил поэту стихотворение:

Благословен и день и час,
Когда в горах Кавказа
Судьба соединила нас.

тельность, решились прибегнуть к Вашему покровительству. Сделайте милость к старш[им]. О сем просят убедительнейше Бауман, Гр[аф] Му[син]-Пушкин и я. Примите".

Упоминаемый здесь Бауман—начальник Телавского уезда, а граф В. А. Мусин-Пушкин — офицер, за причастность к декабризму переведенный на Кавказ в Тифлисский пехотный полк.

От Коби до Кайшаур—шестнадцать верст. Первые четыре версты дорога шла по долине, затем начинала постепенно взбираться на крутую отлогость снежной Крестовой горы и, наконец, переходила в узкое, глубокое ущелье, где нередко случались завалы.

На шестой версте жил осетин Байдар, у которого путники, застигнутые мятелью, могли найти приют.

Продолжая подниматься, путешественник добирался, наконец, до вершины Крестовой горы—высшей точки перевала Главного Кавказского хребта. Название это гора получила от прибитого к ней (в 1824 г.) гранитного креста. Далее, в отличие от нынешнего направления на Гудаур-Млети, дорога шла по отлогому спуску, очень опасному еще тем, что слева он обрывался страшной пропастью.

Пройдя полверсты по долине, известной под именем Чертовой, приходилось одолевать крутой под'ем, вершину горы Гуд, с которой у окрестных жителей связывается ряд легенд. (Здесь, на этой заоблачной выси, по предположению, написано стихотворение „Кавказ".)

Дальше предстояла самая тяжелая часть пути. В воспоминаниях декабриста Розена, проезжавшего здесь спустя несколько лет, сохранились отрывочные впечатления о путешествии по этому пути:

„Дорога шла,—пишет он,—почти по отвесному

склону, с одной стороны утес, с другой—на один шаг от колес ужасная пропасть, которая поглотила уже много повозок и поклажи, к тому же дорога была испорчена от дождей и камней. Солдаты веревками и цепями, укрепленными к дрогам и к задней оси, придерживали экипаж, который сверх того затормозили. Коляску спускали почти на руках. До Кайшаури добрались благополучно".

Из этого селения дорога, спускаясь вдоль реки Арагвы, вела в селение Квешети, где в большом, только что выстроенном доме жил „управляющий горскими народами".

Должность эту с 1828 г. занимал Борис Гаврилович Чиляев (Чиладзе) — майор Эриванского карабинерного полка. Пушкин остановился у него в гостях 24 мая и тут же ночевал.

Об этом Пушкин говорит очень скупо, как будто не договаривает.

„Я ночевал,—пишет он,—на берегу Арагвы в доме Ч... На другой день я расстался с любезным хозяином и отправился далее".

Не указывается ни места остановки, ни, что самое главное. фамилии „любезного хозяина", у которого он заночевал.

Сейчас всякое сомнение, что лицо, скрытое под буквою Ч., есть именно Чиляев, отпадает. Мы располагаем письмом известного декабриста А. Бестужева (Марлинского) от 9 марта 1833 г. к Н. Полевому. Рассказывая о своей несостоявшейся встрече с Пушкиным на Военно-Грузинской дороге, он пишет: „Мне сказали, что он, [Пушкин],— у Бориса Чиляева, моего старого однокашника, приезжаю,— где он? „Сейчас лишь уехал..."

Был ли Пушкин до своего приезда на Кавказ знаком с Чиляевым?

Уже из цитированного выше письма Чиляеву, об оказании помощи для беспрепятственного для себя и своих спутников следования, можно догадаться о том, что и до этого у них были какие-то взаимоотношения.

Не менее знаменателен и самый факт остановки Пушкина у Чиляева.

Обычно проезжавшие по Военно-Грузинской дороге путники из-за отсутствия лошадей, или для ночевок останавливались в специально имевшихся на каждой станции помещениях.

В Квешети же такой станции не было, там жил лишь Чиляев, как должностное лицо. Ближайшие стоянки, находившиеся под охраной военных постов, были в Кайшаури и Пасанаури, и Пушкин должен был бы заночевать там, если б не был знаком с Чиляевым.

БРАТЬЯ ЧИЛЯЕВЫ

Бабана Чиладзе—настоящие имя и фамилия Бориса Чиляева, родился в 1798 г. в окрестностях г. Душети.

При грузинском правительстве отец его Глаха (Гавриил) занимал должность милахвара[1] у царевича Вахтанга, получившего в удел земли, лежащие вдоль р. Арагвы.

В 1803 г. Глаха, не желая расставаться с царевичем Вахтангом, высылаемым царскою властью в Петербург, переселился вместе с ним.

Царевич Вахтанг, будучи сам бездетным, принял живейшее участие в воспитании детей своего управ-

---

[1] Штальмейстера.

ляющего. Благодаря его связям сын Глахи—Борис был определен пансионером в Горный кадетский корпус, где воспитывался и А. Бестужев С 1816 г. он в Лейб-гвардии Финляндском полку, где пробыл поч и одиннадц-ть лег и дослужился до чина штабс-капитана. Стоял этот полк в Пе ербурге.

В „Истории Лейб-гвардии Финляндского полка" С. Гулевича указывается, что по ведомости 1822 г. Б. Чиляев состоял членом одной из пе ербургских масонских лож[1]. Вступил он в масоны в 18 9 г. под влиянием старшего брата Егора (о котором речь будет впереди)—одного из ревностнейших членов ложи Лабзина.

В протоколах ложи „Умирающий Сфинкс" имеется запись о принятии прапорщика Лейб-гвардии Финляндского полка Б. Г. Чиляева—учеником братства.

В числе масонов значились тогда еще два финляндца: полковник Митьков (впоследствии декабрист) и штабс-капитан Буссе. Вообще в те годы в масонских организациях состояло немало лиц из высшего света Москвы и Петербурга и гвардейского офицерства. Это была среда, из которой впоследствии вышло декабристское движение. Не мог не быть близким к декабристам и Б. Чиляев. Однополчане последнего декабристы бар. Розен и Репин поступили в полк в один год с Чиляевым.

В июне 1826 г. Б. Чиляев по собственному желанию переводится на службу на Кавказ, в 7 Карабинерный (впоследствии Эриванский) полк, с чином майора. Когда началась война России с Персией, он принял в ней непосредственное участие.

В воспоминаниях его сослуживца В. Андреева при-

---

[1] Том II, стр, 19.

водится следующий интересный эпизод из боевой деятельности Чиляева.

Б. Чиляев находился с войсками в крепости Шуша, когда наследник иранского престола Аббас Мирза подступил к этой крепости и обложил ее. В переговорах открывшихся между командованием крепости и Аббас-Мирзою, последний вдруг выставил требование выдать ему заложником майора Чиляева, после чего обещал снять блокаду.

Положение русской армии было непрочно: крепость не жлала ниоткуда помощи, и командовавший крепостью полковник Реут вынужден был выдать Чиляева неприятелю.

Долгое время Чиляев находился в Тавризе в качестве пленника, лишившись всего, что имел.

Вернувшись из плена, он короткое время состоял на службе у А. Чавчавадзе в Ереване, где последний занимал должность Начальника Армянской области. Затем по распоряжению Паскевича был назначен правителем горских народов по Военно-Грузинской дороге. Должность эту долгие годы занимал полковник Кананов, на лихоимства которого поступала масса жалоб.

Чиляев произвел по этому делу строжайшее расследование, в результате которого Кананов был отдан под суд. Тогда же, по предложению Чиляева, резиденция „правителя“ была со станции Кайшаури перенесена в Квешет (как он обозначает это селение во всех официальных бумагах).

3 июля 1828 г. Чиляев встречал Грибоедова, ехавшего в Иран в качестве полномочного министра. Грибоедов у него отобедал и переночевал.

Меньше чем через год Чиляев принимал у себя Пушкина.

У него же в доме, в Пятигорске, в 1841 г. жил М. Ю. Лермонтов.

По свидетельству современников, Чиляев был человек образованный, веселый, остроумный, общительный, располагавший к себе людей и имевший множество друзей. Об этом свидетельствует большое количество дружеских писем, хранящихся в его архиве[1].

В 40-х годах Чиляев занимал ответственные командные должности—Командира Грузинского полка и Начальника Лезгинской линии.

Умер он в 1850 г.

Не менее интересна личность старшего его брата Егора. Данные о нем дополняют общую характеристику Бориса.

В приезд Пушкина в Квешети, Егор Чиляев жил в своем именьице, расположенном невдалеке от Квешети.

Из многочисленных сведений о Егоре Чиляеве заслуживает внимание сообщение крупного общественного деятеля Грузии Дмитрия Кипиани. Вот что он пишет в своих „Мемуарах“[2].

„Егор Гаврилович Чиляев один из первых среди грузин получил русско-европейское воспитание и образование и прекрасно знал историю грузинского народа“.

Несмотря на то, что Дмитрий Кипиани приходился ему зятем[3], он очень скуп на биографические сведения о нем и очень скромен в оценке его.

Ряд отрывочных данных о нем, разбросанные по

---

[1] Часть из них была опубликована Б. Модзалевским в „Русском Архиве“ за 1904 г.

[2] Изд. под редак. С. Хундадзе, Тбилиси, 1930 г., стр. 126. (Дается в переводе.)

[3] Он был женат на дочери его Нине.

НАЧЕРТАНІЕ

ПРАВА ПРИРОДНАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Е. Чиляева.

1242.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ Типографіи В. Плавильщикова,

1812 года.

Титульный лист книги Е. Чиляева

разным архивам[1], позволяет несколько подробнее осветить его фигуру.

Получив прекрасное образование в России под руководством царевича Вахтанга, он перевел на русский язык и издал в 1810 г. в Петербурге сочинение Монтескье „Арзас и Исмения", в 1812 г.—сочинение Мабли „О изучении истории" в трех частях.

В том же году он выпустил свое исследование „Начертание права природного", а также перевел с грузинского письма царевича Вахтанга, дав этим русской общественности возможность познакомиться с одним из замечательных литературных памятников грузинской классики. В 1817 г. он печатает свои впечатления от поездки в село Рай-Семеновское, принадлежащее тайному советнику Нащокину.

В 1819 г. вышли в его переводе с французского: „Предварительное понятие к познанию натуры[2]", а в год смерти кн. Кутузова (1813)—„Песнь на кончину кн. М. Л. Голенищева-Кутузова[3]".

В то же время он является активным членом масонской ложи Лабзина „Умирающий Сфинкс". Это видно по „Воспоминаниям" А. Е. Лабзиной, дочери масона.

18 сентября 1815 г. он считается—учеником, 14 июля 1816 г.—товарищем, 16 мая 1817 г. —мастером, в 1818—1819 гг.—ритором, 1821 г.—вторым надзирателем.

Являясь верным учеником Лабзина, сыгравшего немалую роль в развитии русской общественной мысли, Егор Чиляев был одним из передовых людей, входив-

---

[1] Значительная часть в Госуд. Центр. Архиве Грузии.

[2] Как видно из предисловия, книга эта является выборкой из соч. „La Lumière sortant des Ténèbres".

[3] Книга посвящена председ. Гражданской палаты П. И. Фрязину.

ших в масонские организации. Его передовые взгляды на просвещение сказались хотя бы в выборе книг, переведенных им; неслучайно остановился он на сочинениях Монтескье и Мабли.

Взгляды аббата Мабли на современные ему учреждения, первоначально довольно умеренные, с течением времени становятся все более радикальными, и он все больше склоняется к убеждению о необходимости коренного переустройства французского общества XVIII века.

Вся просветительная деятельность А. Н. Радищева идейно связана с литературой французской просветительной философии, в частности Мабли. Переводя Монтескье и Мабли, Чиляев тем самым выказывал свою приверженность этим передовым идеям.

Закрытие масонских лож, ссылка Лабзина (1822 г.) сказались и на Чиляеве. Бросив Петербург, он переехал к себе на родину, где получил должность Прокурора Верховного Грузинского Правительс ва. В этой должности он проявил себя, как выдающийся цивилист и знаток местных законов и особенностей страны. В сотрудничестве с Ник Палавандовым и Ховеном он перевел „Уложение царя Вахтанга", и тогда же эта комиссия ввела ряд законов из него в русское судопроизводство в Грузии. К этому времени относится знакомство Чиляева с Грибоедовым, очень интересовавшимся работой этой комиссии.

В 1826—27 г. Чиляев снова в Петербурге, в распоряжении министра финансов графа Канкрина В апреле 1828 г. ему поручают выехать в Грузию для „финансового обозрения" страны, с окладом 700 рублей в год. Отсу ствие собственной квартиры в Тбилиси, а также затруднения, встреченные им в Казенной Экспедиции, помешали ему (по его заявлению) успешно вы-

полнить это поручение. Канкрин выразил ему открытое неудовольствие за его медленность, после чего последовал приказ об отчислении его от Министерства.

Дальше мы видим Чиляева в распоряжении Тифлисского военного губернатара ген. Сипягина. С „комиссионером" купцом Кастелла он в 1828 г. выезжает в Шекинскую и Ширванскую провинции „для обозрения промышленности края".

Смерть Тифлисского военного губернатора (10 октября 1828 г.) особенно неблагоприятно отозвалась на судьбе Чиляева.

В бумагах покойного была найдена заметка о том, что названному Чиляеву выдано заимообразно из казенных сумм 4500 рублей ассигнациями. Когда же в непродолжительном времени последовала смерть купца Кастелла (которому кавказское начальство очень покровительствовало), то выяснилось, что Чиляев должен был ему 2.174 руб. Возникло длительное судебное дело, приведшее Чиляевых к полному обнищанию; пять каменных лавок, имевшихся у братьев в Душети, были проданы с торгов по 80 рублей каждая, маленькое именьице близ Базалетского озера „на 30 дней паханья"[1] — отобрано, сам Егор Чиляев оказался без службы.

Как раз к этому времени относится письмо Грибоедова к Паскевичу, в котором он выступает ходатаем за Чиляева:

„Примите,—пишет он из Тавриза 3 декабря 1828 г.— в ваше покровительство надв[орного] сов[етника] Челяева, который некогда был прокурором в Тефлисе, потом при Сипягине. Он меня об этом не просит, но еще в бытность мою в Тефлисе он очень желал быть лично

---

[1] Что равнялось 30 десятинам.

известным Вашему Сиятельству. Все его знают за самого благонамеренного и расторопного человека, сведущего в законах и наконец грузина, каких я мало встречал, с европейским образованием и нравственностью. Нина (жена Грибоедова — И. Е.) тоже обращается к Вам с просьбою о нем, и, не смея прямо это сделать, стоит возле меня и заставляет меня всеусердно о том при вас стараться. Мне самому смешно, когда вспомню свой собственный стих из Горя от ума:

Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку.

Неизвестно, достигла ли просьба Грибоедова цели. В материалах Архива никаких упоминаний о Егоре Чиляеве больше не встречается. Но, судя по тому, что Чиляев продвигался в чинах, можно предположить, что просьба Грибоедова помогла.

Когда в Тбилиси в 1832 г. был раскрыт „противоправительственный" заговор и началось следствие, то выяснилось намерение „заговорщиков" при провозглашении самостоятельности Грузии предоставить Е. Чиляеву пост Министра народного просвещения.

В связи с этим обстоятельством последовало перемещение его в провинцию, в Ленкорань, где он умер в конце второй половины 30-х гг.

Был у Чиляевых еще один брат — Сергей. В бытность Пушкина на фронте военных действий, Сергей находился в том самом Нижегородском драгунском полку, с которым Пушкин проделал значительную часть перехода. Впоследствии Сергей Чиляев служил на Кавказе на различных административных должностях.

Ко времени пребывания Пушкина у Чиляевых надо отнести его стихотворение:

„На холмах Грузии лежит ночная мгла".

В черновой рукописи это стихотворение кончается строфой, впоследствии снятой автором:

Я твой по прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

25 мая Пушкин выехал из Квешети по направлению к Пасанаури, где остановился для перемены лошадей. Здесь он встретил друга Вольховского—полковника Ренненкампфа, который сопровождал персидского принца Хосров-Мирза. От Ренненкампфа Пушкин впервые мог узнать все тбилисские новости, а также осведомиться о близких ему людях. Несколько позже он встретил в пути и самого принца Хосров-Мирза, который со свитою ехал в Петербург.

Не дожидаясь лошадей, Пушкин путь от Пасанаури до Душети совершил пешком. В Душети у него произошел казус с полицмейстером Ягуловым, подробно рассказанный Н. Геслингом[1].

На следующий день утром Пушкин вместе со своими попутчиками Е. К. Шернвалем и гр. В. А. Мусин-Пушкиным, переведенным за причастность к событиям 14 декабря в Кавказскую армию, выехал в Тбилиси.

ТБИЛИСИ ВРЕМЕН ПУШКИНА

Военно-Грузинская дорога, минуя речку Веру, входила в черту города. Здесь помещались каменная гауптвахта и шлагбаум. На гауптвахте у въезжавших в город отбирали подорожные. Эта часть города (Гаретубани) до б. Эриванской площади только застраивалась. Из крупных зданий выделялись: большой камен-

[1] Смотри приложениея „Воспоминания современников".

Тбилиси (1831 г.) Худ. Г. Чернецов

ный корпус арсенала и принадлежавший главнокомандующему огромный четырехэтажный дом с колоннами и двумя статуями в нишах.

Напротив дворца была так называемая Николаевская площадь, где обыкновенно происходили парады. Эриванская площадь была вся застроена красивыми, новыми домами.

Таковы были первые впечатления в'езжавшего в Тбилиси Но чем дальше он удалялся от Эриванской площади, тем быстрее сменялось это впечатление. Начиналась старая азиатская часть города, со всеми особенностями, присущими азиатским городам.

Гостиница, где остановился Пушкин, находилась как раз на стыке этих двух частей города.

26 мая 1829 г. в 11 часов вечера Пушкин прибыл в Тбилиси и, как он писал, остановился в трактире.

Об этом „трактире" имеется интересная запись одного современника, побывавшего в Тбилиси всего за несколько месяцев до приезда Пушкина.

„Это было,—пишет он,—единственное тогда место в Тифлисе, где можно было приезжему остановиться на ночлег и пообедать".

„Ресторация" эта помещалась невдалеке от Эриванской площади; отсюда надо было спуститься на небольшую площадь, к почтовой конторе, напротив которой находился небольшой и тесный дом. Содержал эту ресторацию француз".

Между тем, существует общераспространенное мнение, что Пушкин остановился в Тбилиси в доме Цуринова, почему эта улица впоследствии городским самоуправлением была названа именем поэта.

Такое предположение возникло на основании заявления гласного думы домовладельца Е. Цуринова, никакими впрочем доказательствами неподтвержденное.

„Я помню,— говорил он,—что когда я имел отроду около пяти лет, одна из комнат в доме отца была отведена приезжему, носившему длинные кудрявые волосы...“

Однако, хорошо известно, что дом Цуринова (который сохранился вплоть до 80-х годов) состоял из двух этажей, из которых в верхнем жил домовладелец с семьей, а нижний был занят растворами. Никакого трактира там не было.

Но и это полудостоверное утверждение Цуринова имеет свою ценность. Упомянутый выше трактир француза почти примыкал к дому Цуринова, проходным двором которого пользовались останавливавшиеся в трактире, так как этим путем можно было выйти прямо на Эриванскую площадь.

Сам трактир помещался на Грязной улице (ныне ул. Желябова). Об этой ресторации и ее содержателе имеются подробные сведения в сообщениях французского консула Гамба, Грибоедова и путешественников того времени.

Вот что писал, например, Гамба:

Nous nous arrêtâmes chez un Provençal nommé Paul, grenadier dans l'armée française et fait prisonnier dans la campagne de 1812. Il étoit venu en Géorgie avec un général Russe, comme cuisinier et venoit d'élever à Tiflis un établissement de restaurateur, véritable nouveauté en Asie; c'est un homme honnête et estimé[1].

Судя по записям в дневнике, Пушкин очень спешил добраться до Тбилиси. Так, из Казбека он пишет:

---

[1] Мы остановились у одного провансальца по имени Поль, гренадера французской армии, попавшего в плен в кампанию 18 2 г. Он приехал в Грузию с одним русским генералом, как повар и недавно открыл в Тифлисе кухмистерскую—настоящее новшество в Азии. Это честный и почтенный человек.

„Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною".

Проехав незначительное расстояние, он вновь отмечает:

„Я оставил Душет с приятною мыслью, что ночую в Тифлисе".

Для лучшего уяснения подробностей пребывания Пушкина в Грузии небезынтересно вкратце познакомиться с тем, что представлял собой Тбилиси в то время.

Определенного положения о гражданском управлении краем не было: все предоставлялось усмотрению главноуправляющего.

Так продолжалось до 1827 г. В средине этого года жизнь в крае и в особенности в Тбилиси заметно преобразовывается. Главной помехи всех прогрессивных начинаний — Ермолова уже не было на Кавказе; военные операции с горцами прекратились, и можно было все внимание посвятить вопросам гражданского управления краем.

В противовес старой колонизаторской политике „огнем и мечом", намечается поворот к новой, прогрессивной политике. Впервые экономика страны становится в центре внимания, начинается изучение различных отраслей местного хозяйства, намечается создание новых, с более повышенной культурой. Проводится работа по изучению края в этнографическом, топографическом и статистическом отношениях. Уделяется внимание также просветительным мероприятиям. В 1828 г. во всех крупных уездах Кавказа открываются уездные училища для лиц „свободных состояний" — (иначе говоря, дети крепостных не имели туда доступа.) Открывается библиотека, начинает выходить на рус-

ском, грузинском и персидском языках газета „Тифлисские Ведомости".

Все эти мероприятия проводились, преимущественно Сипягиным точнее Грибоедовым, имевшим на Главноуправляющего краем генерала Паскевича огромное влияние.

Большой шаг вперед сделал город и в отношении благоустройства. Исчезли следы разрушений от нашествия персов в 1795 г.

На главных улицах было выстроено несколько зданий европейского типа, разбиты площади, скверы. Новых домовладельцев особенно прельщали льготы, в силу которых их дома не могли заниматься под постой втечение шести лет. Весь город был разделен на две части, по три квартала каждая. Коренного народонаселения насчитывалось 11.581 человек.

Высшей правительственной властью было Верховное Грузинское Правительство, состоявшее из трех экспедиций: Исполнительной (на положении губернских правлений), Казенной и Суда и расправы.

Особое развитие Тбилиси получил благодаря усилившимся торговым операциям. Являясь пунктом, связывающим торговлю России с Ираном и Турцией, Тбилиси развил собственные торговые операции, в особенности после установления в крае вольной торговли, при которой с заграничных товаров взыскивалась пошлина лишь в 5 проц. (с 1821 г.). Помимо этого многочисленные льготы купцам, как-то: освобождение их самих от личной службы и податей, а дома их—от налогов и военного постоя и т. д., привлекали иностранный капитал. Налаживалась связь с Марселем, Триестом, Лейпцигом и другими западными городами.

Вот как описывает один современник торговую жизнь города:

„Весь базар состоит из нескольких улиц и площадок, наполненных с утра до вечера народом; в каждой улице и на площадке ряды с лавками одного цеха ремесленников или фабрикантов. В средине этого базара помещаются три больших караван-сарая; один из них против моста выходит красивою колоннадою. К караван-сараям беспрестанно приходят или от них отходят верблюды с большими тюками товаров.

Самую занимательную часть базара составляет между караван сараями крытое под сводами длинное строение гостинных рядов с красными товарами, где сукна, шелковые, бумажные и шерстяные материи разных красок. узоров и доброт, европейских, русских и азиатских фабрик, галантерейные, серебряные и золотые вещи, посуда, фарфор, хрусталь, фаянс, косметические произведения и всякие предметы роскоши разложены перед глазами проходящих. В каждой лавке, посереди открытого богатства, сидит, флегматически поджав ноги, опрятно одетый купец и хладнокровно ожидает покупщика.

Эти ряды под сводами также всегда наполнены народом, где толкается всякая чернь и проезжают верховые или вьючные. Лучший из всех караван сараев здесь армянский, построенный в 1820 г. в три этажа и выходящий на берег Куры. В нем всегда большая складка товаров и множество народу. Во всех трех этажах навалены неразобранные тюки и даже в бассейне фонтана, который без воды. Здесь в нише одной стены поставлена статуя Меркурия—покровителя плутовства и торговли. Внутренность караван-сарая обширная, округленная амфитеатром и галлереями сверху до низу, а около пустого бассейна перилы“.

Тбилиси тридцатых годов прошлого столетия. Караван-сарай. Худ. Г. Чернецов

В азиатской части города поражало своим видом укрепление Метехи, стоявшее на скалистом берегу Куры.

Этот замок с казематами и зубчатыми башнями в три этажа составлял лучшее украшение города. Здесь помещались ордонанс-гауз—комендантское управление и арестантская.

Против Метехи на горе красовались развалины крепости Нарикала, некогда служившей главным форпостом укрепленного города. Внизу у моста, у склона Сеид-Абадской возвышенности, находились знаменитые серные бани.

Вот как описывает Пушкин свои впечатления от посещения этих бань.

„Персианин ввел меня в баню... [и]... оставил меня на попечение татарину-банщику. Я должен признаться, что он был без носа; это не мешало ему быть мастером своего дела. Гассан (так назывался безносый татарин) начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу, после чего начал он ломать мне члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулаком: я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение. (Азиатские банщики приходят иногда в восторг, вспрыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут по спине в присядку, e sempre bene). После сего долго тер он меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескав теплой водою, стал умывать намыленным полотняным пузырем; ощущение неизъяснимое: горячее мыло обливает вас как воздух! N B. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты в русской бане; знатоки будут благодарны за такое нововведение. После пузыря Гассан отпустил меня в ванну; тем и кончилась церемония“.

Тбилиси конца тридцатых годов прошлого столетия. Укрепление „Метехи". Худ. И. Черменов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАСКЕВИЧА

Ложное мнение, будто полицейский режим на Кавказе был не так строг, как в России, привлекало сюда многих недовольных, особенно декабристов и „прикосновенных“ к этому движению.

Для большинства из них перевод на Кавказ рассматривался как „милость“ со стороны царя; кроме того здесь прельщала возможность быстро отличиться и выйти из бесправного положения разжалованного. Кавказ они называли не иначе, как „теплою Сибирью“. К началу 30-х годов почти треть всех пострадавших по делу 14 декабря находилась на Кавказе.

30 января 1829 г. в Тегеране трагически погиб Грибоедов. С его смертью оказался похороненным и весь обширный план преобразования края. Наступала полоса реакции. Это сказалось быстро и особенно ярко в том, что в начале 1829 г. все крестьянское население Закавказья, до тех пор не привлекавшееся к несению воинской повинности, обязывалось исполнять таковую.

Это распоряжение встретило решительный отпор со стороны населения. В марте того же года в Тбилиси вспыхнул „бунт“, перекинувшийся на всю Грузию. Пошли репрессии, аресты влиятельных грузин и ссылка их. Эти обстоятельства вызвали скрытое недовольствие в широких слоях грузинской общественности.

Тогда же были введены стеснительные меры экономического порядка по отношению к купцам и ремесленникам, отменены любимые развлечения тбилисцев — „Криви“ (кулачный бой) и другие.

Отношения Паскевича к ссыльным декабристам были довольно своеобразны. Он на первых же порах стал

отличать и продвигать по службе многих из них, поддерживал переписку с семьей ссыльного Коновницына, выдвигал многих на ответственные должности, вследствие чего был получен ряд запросов из Военного министерства (относительно М. Пущина, Сухорукова и других).

Но, конечно, такое его обхождение с декабристами нельзя было принимать за чистую монету, как это делал, например, М. Пущин. Разрешая переводиться бывшим декабристам в свою армию, приближая их и оказывая им наружно уважение, Паскевич имел целью обеспечить себе возможность следить за ними, приглядываться к поведению каждого из них и незаметно для окружающих отделываться от них, посылая их в различные опасные предприятия.

Не менее жестоко расправлялся он и с „внутренними" врагами, находившимися не на фронте.

В середине октября 1828 г. в Тбилиси, при загадочных обстоятельствах умер военный губернатор и заместитель Паскевича—Николай Мартемьянович Симянин. Казалось бы, что памяти генерал-ад'ютанта, занимавшего столь видное положение в крае, должны были быть оказаны соответствующие почести. На деле же произошло совсем обратное. По прошествии самого короткого времени все его домашнее имущество было вынесено на улицу и распродано с торгов. Опекуны над имуществом покойного Ал. Всеволожский и Анастасий Жадовский—не успели даже принять какие-либо меры[1].

Такому поступку Паскевича можно найти об'яснение, если вспомнить деятельность покойного в бытность его начальником Штаба Гвардейского корпуса

---

[1] Из „дела" № 77. Ф. 151, хранящегося в Гос. Ц. Арх. Грузии

(1814—1819 г.). При нем и с его участием в 1817 г. при штабе была учреждена культурно-просветительная организация „Общество Военных людей". Прикрываясь легальным уставом и имея даже печатный орган—„Военный журнал", эта организация на самом деле была филиалом „Общества сынов отечества" („Союз спасения"), сыгравшего такую большую роль в подготовке восстания декабристов.

Спустя два с половиною месяца, при таких же загадочных обстоятельствах умер начальник дипломатической канцелярии Паскевича Ф. С. Хомяков.

Если принять во внимание особенное доверие, которое оказывал Паскевич доктору Мартиненго, состоявшему у него на службе по врачебной части, то многое станет понятно. Этот Мартиненго один стоил всех клевретов Паскевича, вроде Абрамовича, Корганова и епископа Серафима, вместе взятых. Выходец из Пьемонта, авантюрист, он втерся в доверие Паскевичу и стал при нем главным наушником и соглядатаем, одновременно выполняя разные его поручения совсем не врачебного порядка. Например, в делах ереванского архива можно найти указания о подозрительной заботе его о М. Пущине, в смысле предоставления денег. Не без злорадства отзывается о Мартиненго и Ермолов в 1830 г., подчеркивая его „важную роль" при Паскевиче.[1] Вряд ли можно сомневаться в том, что между загадочной смертью Сипягина и Хомякова и подозрительной деятельностью Мартиненго есть какая-то связь.

Обо всем этом, равно как и о гибели Грибоедова, Пушкин мог узнать из переписки с Н. Раевским.[2]

---

[1] Из письма к Ховену.

[2] Про последнее свидетельствует и А. О. Смирнова в „Записках", ч. 1, СПБ., 1894 г., стр. 44.

Понятно, что в этих условиях вряд ли Пушкин мог ожидать от своего путешествия каких-либо особенных радостей, кроме надежды повидаться с братом и некоторыми друзьями из числа бывших декабристов. Конечным намерением Пушкина, есть некоторые основания считать, стал его давнишний замысел – бежать за границу. Стратегический план Паскевича предусматривал занятие портов Трапезунда и Самсуна, что облегчало Пушкину выполнение его намерения.

Что Пушкин задумывал такой побег, это чувствуется хотя бы из дошедших до нас писем его друзей. Перед от'ездом на фронт он виделся в Москве со своим приятелем И. Я. Яковлевым, и должно быть, тогда же условился с ним о побеге. В письме этого Яковлева, посланном из Парижа к Н. А. Муханову, имеются на этот счет довольно прозрачные намеки, вроде: „Он (т. е. Пушкин—И. Е.) чуть ли не должен получить небольшого приглашения анонимного. Дойдет ли до него? А не худо было бы ему потрудиться пожаловать[1]..."

Другой друг Пушкина С. А Соболевский, находившийся за границей, писал И. Киреевскому из Флоренции: „прошу тебя написать мне больше о Пушкине,—и когда едет"[2].

Получив известие о самовольном от'езде Пушкина, Бенкендорф в черновике своего письма Тифлисскому губернатору сделал следующую запись: „Lui faire demander qui lui á permis d'aller à Erzeroum, d'abord c'est hors de la frontiére".[3]

---

[1] „Русский Архив", 1899, кн. II, стр. 356.

[2] „Русский Архив", 1906, кн. III, стр. 567.

[3] Запросить его, кто ему разрешил поехать в Эрзерум, тем более, что это по ту сторону границы.

ПУШКИН В ТБИЛИСИ

Краткие и неполные сведения о пребывании поэта в Тбилиси, которые мы находим в „Путешествии в Арзрум“ — он, как уверяют современники, дополнил перепиской с друзьями — бароном Дельвигом, Нащокиным и с родными. Из многочисленных писем, посланных им с Кавказа, сохранилось лишь одно, к тому же малозначительное.

Ценные замечания о пребывании Пушкина в Грузии и на фронте встречаются в воспоминаниях М. Пущина, Ханжонкова, Гангеблова, Юзефовича, Радожицкого и других, лично его знавших. Эти сведения частично восполняют имеющиеся скудные известия о жизни Пушкина в Тбилиси и помогают лучше понять некоторые детали записок поэта. В „Путешествии“ мы находим упоминание Пушкина о том, что он познакомился с тамошним „любезным и веселым обществом“, которое постаралось развлечь его в течение „нескольких вечеров в садах при звуке музыки и песен грузинских“. Из этого можно заключить, что Пушкину в Тбилиси был оказан довольно сердечный прием.

Некоторые подробности об этих вечерах приводит участник их К. И. Савостьянов[1]. В Тбилиси в это время существовал клуб „Благородного собрания“, число членов которого, по свидетельству тбилисского корреспондента „Северного Архива“ некоего Х. Ш., доходило до двухсот человек. В этом клубе Пушкин мог познакомиться со всем тбилисским „высшим светом.“

Однако, не одними только пирушками заполняло „Тифлисское общество“ досуг поэта, ожидавшего разрешения Главнокомандующего армией на въезд в район военных действий.

---

[1] См. приложения: „Воспоминания современников“.

Если в Тбилиси в конце 20-х и в начале 30-х гг. еще наблюдались такие пережитки отсталости и старых обычаев, как ношение женщинами чадры или особые „банные“ дни для женщин (по вторникам и пятницам, о чем упоминает Пушкин), то наряду с этим можно видеть и такие культурные начинания, как газета „Тифлисские Ведомости“, издававшаяся на трех языках, гимназия, большое количество научных и литературных сил.

В Тбилиси Пушкина познакомили не только с местным бытом и с прошлым населения, но и с культурными достижениями края. Ознакомили его и с некоторыми образцами грузинских песен. Перевод особенно запомнившейся ему песни, начинавшейся словами „Ахал агнаго суло“, он приводит в „Путешествии в Арзрум“ и сопровождает его следующим пояснением: „Голос песен грузинских приятен; мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот чем она:

Душа, недавно рожденная в раю!
Душа, созданная для моего счастья!
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

От тебя, Весна цветущая,
От тебя, луна двунедельная,
От тебя, ангел мой хранитель,
От тебя ожидаю жизни.

Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою.
Не хочу обладать миром: хочу твоего взора
От тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освеженная росою!
Избранная любимица природы!
Тихое, потаенное сокровище!
От тебя ожидаю жизни.

Долгое время не удавалось установить грузинский оригинал этой песни и ее автора. Лишь в наши дни в 1929 г. поэт Георгий Леонидзе установил это по рукописи, хранящейся в Государств. Музее Грузии. Вслед за этим в архиве Пушкина обнаружен был грузинский текст этой песни и дословный ее перевод под названием „Весенняя песнь".

Пушкин перевел лишь первую, вторую, третью и шестую строфы из имеющихся семи. В правом нижнем углу рукописи собственноручный рисунок Пушкина. Цифра „25" посредине страницы проставлена жандармами при описи бумаг поэта после его смерти.

Автор этого стихотворения Димитрий Иосифович Туманишвили, занимавший должность секретаря при последнем грузинском царе Георгие XII, был известен и как поэт. Его поэзия пользовалась особенной популярностью в первой четверти XIX века.

В 1803 г. он переехал вместе с высланным грузинским царевичем Давидом в Петербург, скончался в 1821 г.

Песня „Ахал агнаго" пользовалась большой популярностью в первой половине XIX в. Так, в опубликованном рассказе К. И. Савостьянова[1] описывается вечер, устроенный им в честь поэта в Ортачальских садах.

„Празднество, — пишет он, — было общее. Тут была и зурна, и тамаша[2], и лезгинка, и заунывная персидская песня и Ахало..."

Редактор газеты „Тифлисские Ведомости" П. С. Санковский, в своем злободневном фельетоне „Светлый праздник"[3] также упоминает об этой песне.

---

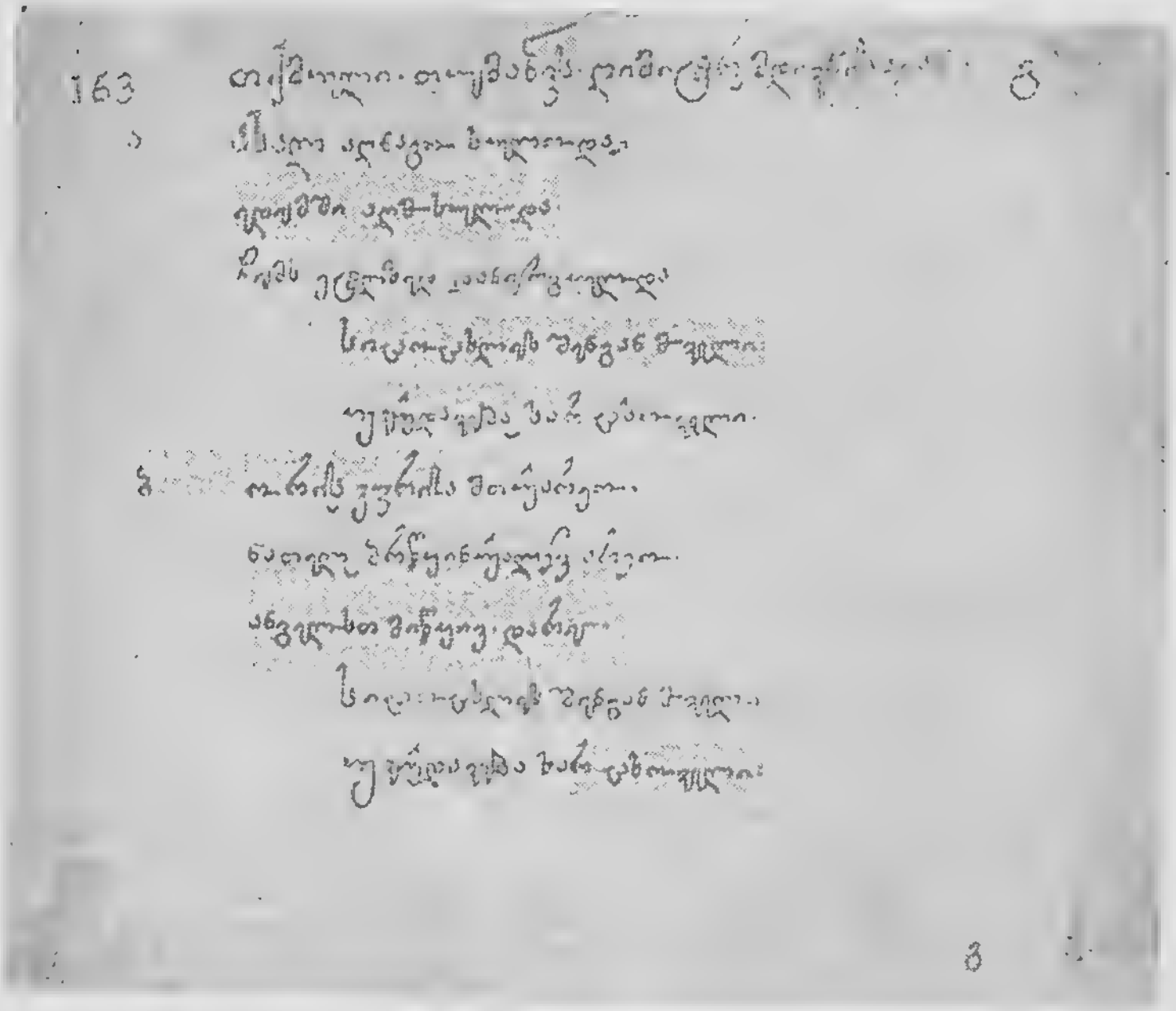
[1] См. приложения.

[2] Тамаша—зрелище.

[3] Газета „Тифлисские Ведомости", № 17, 1829 г.

Крупным событием в культурной жизни города был выход газеты „Тифлисские Ведомости".

„Я должен Вас очень благодарить,—писал А. С. Пушкин редактору Санковскому,—за присланную вами тифлисскую газету, единственную между русскими газетами, имеющую своеобразную окраску, и в которой встречаются статьи, представляющие действительно европейский интерес"[1].



Песня „Ахал агнаго суло..."—Дм. Туманишвили (по рукописи, хранящейся в Гос. Музее Грузии)

Газета, о которой Пушкин отзывался с таким уважением, имеет свою интересную историю.

[1] Письмо от 3 января 1833 г., перевод с французского.

Официальным мотивом для ходатайства о разрешении издавать в Тбилиси газету, явилась необходимость в связи с войною с Персией, а потом—с Турцией держать население в курсе происходивших тогда на Кавказе событий. Листовки, расклеиваемые по городу, не достигали цели, поэтому встал вопрос о необходимости создать постоянный периодический орган.

По предложению Главнокомандующего Паскевича, в газете должны были печататься: „официальные известия, разные об'явления, главные общие новости для края сего любопытные и вообще всякие сведения, согласные с видами правительства".

Предложение Паскевича было принято, но было поставлено условие, что газета будет выходить под непосредственным наблюдением специально учрежденного для этого комитета, в свою очередь находившегося под надзором Тбилисского военного губернатора.

4 июля 1828 года вышел первый номер „Тифлисских Ведомостей". Если учесть, как неохотно давало тогда правительство разрешение открывать в „провинции" какие-либо печатные органы даже официального характера[1], то надо признать, что разрешение на издание „Тифлисских Ведомостей" свидетельствует о наличии очень больших культурных потребностей у населения.

Фактическим основателем газеты надо считать А. С. Грибоедова, способствовавшего и дальнейшему ее развитию.

Уже одно то обстоятельство, что Паскевич питал к Грибоедову особое доверие и даже предложил ему

---

[1] На всю Россию (если не считать столиц) были даны разрешения лишь: „Казанскому университетскому вестнику" и „Одесскому вестнику".

„ввести новое образование", говорит о том, что организация столь трудного дела, как издание газеты, была поручена непосредственно ему. Участие Грибоедова в основании „Тифлисских Ведомостей" тем более вероятно, что „дело" об учреждении газеты проходило через дипломатическую канцелярию главноначальствующего в Закавказском крае, которую в то время возглавлял Грибоедов.

Даже получив назначение в Иран, он не перестает интересоваться газетой. Из Тавриза 3 декабря 1828 г. он пишет Паскевичу: „прилагаю здесь несколько строк для Тефлисских Газет, коли вы одобрите"[1].

Внешний вид газеты для того времени был весьма удовлетворителен, если принять во внимание те трудности, с которыми тогда был связан выпуск газеты вообще, а в провинции в особенности.

Печатались „Тифлисские Ведомости" на листах обыкновенного формата, в четыре страницы, в два столбца. Выходили раз в неделю, по пятницам, а с января 1830 г.—два раза. Подписная цена была установлена в 6 руб. серебром, а „по ту сторону Кавказа"—30 руб. ассигнациями.

Главными отделами ее были: внутренний и отдел иностранных известий. Наряду с правительственными распоряжениями и об'явлениями в ней помещались материалы беллетристического, исторического и этнографического характера, касавшиеся Кавказа.

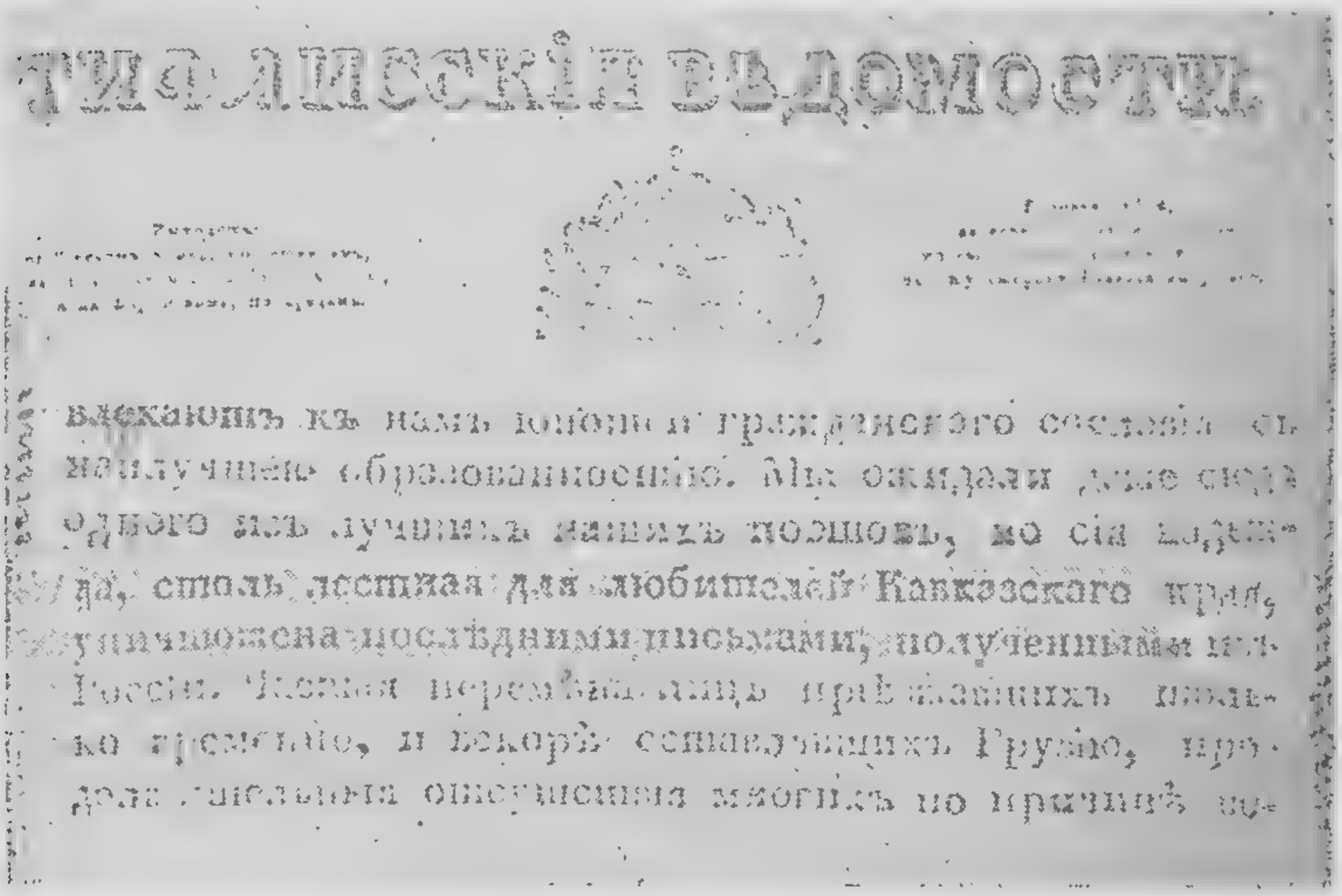
Многие из статей „Тифлисских Ведомостей" тогда же привлекли внимание столичной печати, которая пользовалась ими для ознакомления русского общества с новым и интересным для него краем. Нередко на

---

[1] Судьба этих „строк" неизвестна, по крайней мере их нет на страницах газет за 1828 г. и 1829 г.

страницах газеты помещались заметки видных русских ученых (историка С. Броневского и других).

Редактором газеты был литератор П. С. Санковский, состоявший чиновником особых поручений при Паскевиче. Из помещенных им в „Тифлисских Ведомостях" материалов, помимо фельетонов и стихов, особенно интересны заметки о пребывании Пушкина в Тбилиси, при проезде его в Эрзерум.



ТИФЛИССКІЯ ВѢДОМОСТИ

влекающіхъ къ намъ юношей гражданскаго сословія съ наилучшею образованностію. Мы ожидали даже сюда одного изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, но сія надежда, столь лестная для любителей Кавказскаго края, уничтожена послѣдними письмами, полученными изъ Россіи. Частая перемѣна лишь пребывающихъ только временно, и вскорѣ оставляющихъ Грузію, пре- [illegible] многихъ по причинѣ [illegible]

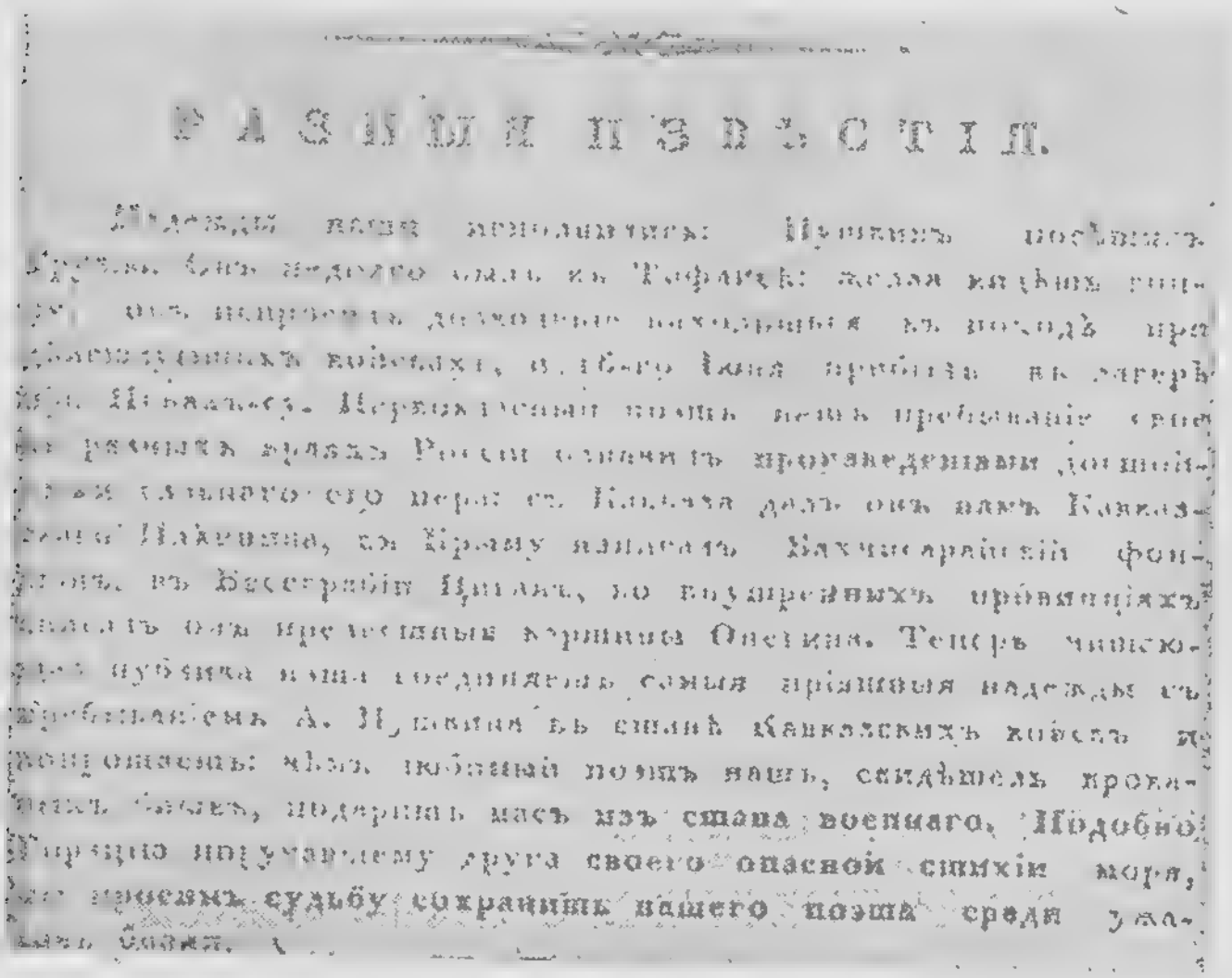
Газета „Тифлисские Ведомости" (от 26 апреля 1829 г.), где сообщается о А. С. Пущкине

„Мы ожидали даже сюда,—писал он,—одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России"[1].

Следующее сообщение появилось в „Ведомостях" лишь в номере от 28 июня 1829 г., когда Пушкин на-

[1] От 26 апреля 1829 г., № 17.

ходился уже в Эрзеруме. Вероятно, подназорное положение поэта, прибытие его сюда без надлежащего разрешения свыше и неизвестность, как отнесется к этому Паскевич, побудили Стрекалова отложить печатание заметки Санковского до получения раз'яснения главнокомандующего.



РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Надежды наши исполнились: Пушкин посѣтил Грузію. Онъ недолго былъ въ Тифлисѣ: желая видѣть войну, онъ испросилъ дозволенія находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ, и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Искан-Су. Первоклассный нашъ поэтъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи ознаменовалъ произведеніями, достойными славнаго его пера: съ Кавказа онъ намъ далъ „Кавказскаго пленника", въ Крыму написалъ „Бахчисарайскій фонтанъ", въ Бессарабіи „Цыганы", во внутреннихъ провинціяхъ нашихъ „Евгенія Онѣгина". Теперь читатели будутъ наши поздравлять самыя пріятныя надежды съ пріѣздомъ А. П. Пушкина въ станъ Кавказскихъ войскъ и поощрять: онъ любимый нашъ поэтъ, скитальцемъ проѣзжій гость, подаритъ насъ изъ стана воинаго. Подобно пріятно привѣтствуемому другу своего опасной стихіи моря, мы вмѣстѣ съ нимъ желаемъ сохранить нашего поэта среди уда-

Газета „Тифлисские Ведомости" (от 28 июня 1829 г.), где сообщается о прибытии А. С. Пушкина в действующую армию

Вот текст этого сообщения:

„Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе: желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках, и 16 июня прибыл в лагерь при Искан-Су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам „Кавказского пленника", в Крыму написал „Бахчиса-

райский фонтан", в Бессарабии „Цыганы", во внутрен них провинциях описал он прелестные картины Оне гина. Теперь читающая публика наша соединяет самы приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в ста не кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэ наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стан военного. Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани".

Наконец, последнее сообщение о Пушкине мы встречаем в № 32 от 9 августа 1829 г., в отделе „Раз ных известий".

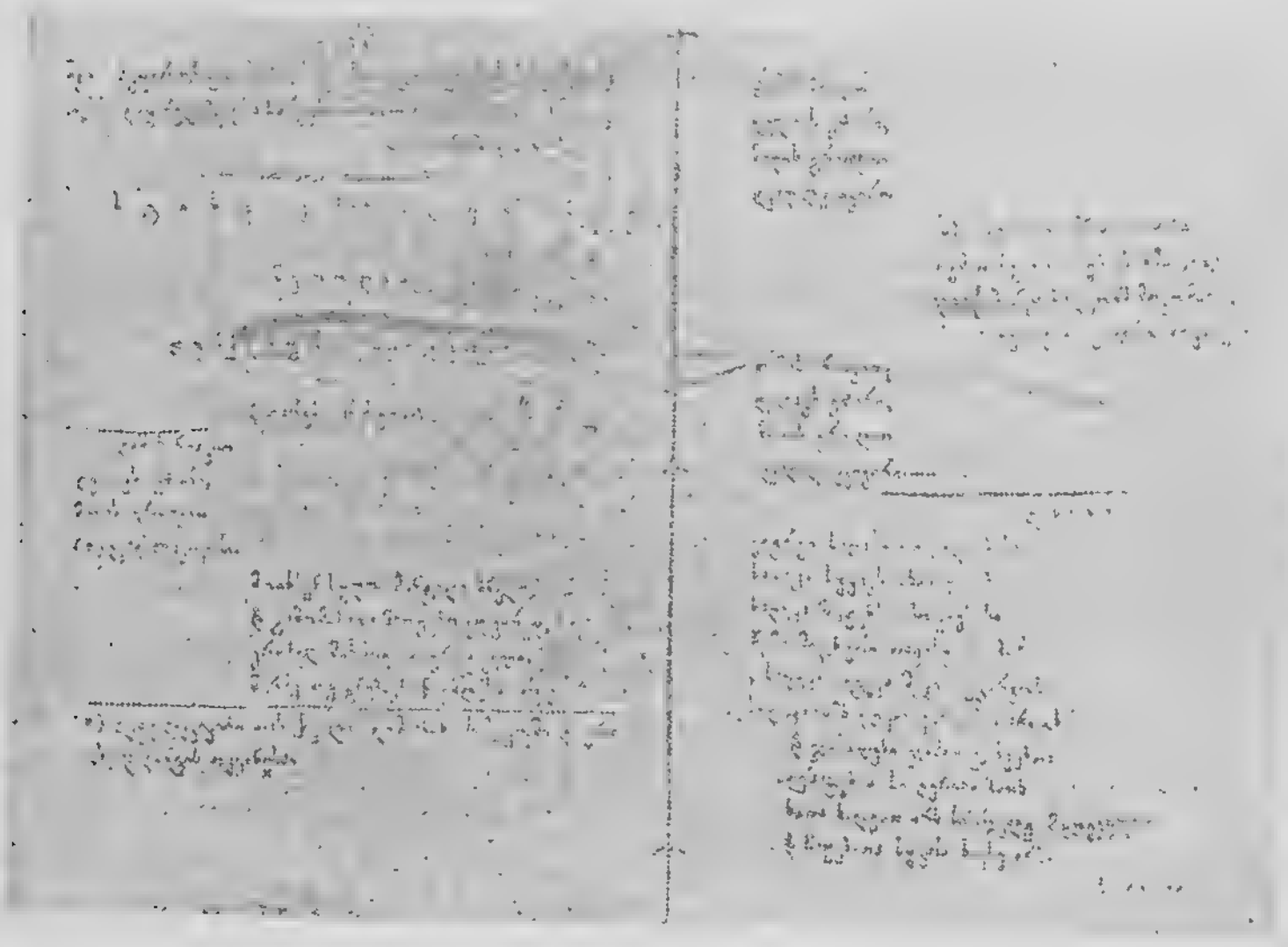
„6 августа Пушкин, возвратившийся из Арзерума выехал из Тифлиса к Кавказским Минеральным водам Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкина, возбужденный воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения наделит литературу".

Годовой тираж газеты к концу 1828 г. дошел до 1200 экземпляров, что для того времени надо считать рекордным. Газета имела у читателей такой большой успех, что было решено выпустить отдельным изданием стихи и заметки, помещенные в ней за полгода

Следует отметить, как любопытный штрих, то об стоятельство, что авторы статей в большинстве слу чаев скрывались под псевдонимами или вовсе не под писывались. Если принять во внимание, что в Тбилиси в то время проживало много ссыльных декабристов, среди которых были и литераторы, и что они имели возможность встречаться и проводить вместе вечера, го можно с уверенностью предположить, что работа в редакции „Тифлисских Ведомостей" протекала не без их участия.

На сотрудничество в этой газете одного из „прикосновенных" к декабрьскому восстанию, сотника Сухорукова указывает и Ушаков[1].

Наряду с русским изданием под тем же наименованием газета выходила на грузинском языке (с перерывом в 1830-31 гг.), редактировал ее С. Додашвили и на фарсийском (с 1 января 1829 г.).



„Сон"—А. С Пушкина, перевод С. Размадзе, помещен в литературных приложениях газ. „Тифлисские Ведомости", выходящих на грузинском языке

Грузинская газета, в начале представлявшая собой точную перепечатку русского издания, впоследствии усилиями ее редактора приняла самостоятельный облик. В ней печатались и переводы Пушкина, сделанные

[1] „История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.", СПБ, 1836 г.

С. Размадзе. (Отрывки из „Евгения Онегина", романс „Ночной зефир", „Сон" и другие.)

С 1832 года по образцу столичных, были введены литературные прибавления к газете как на русском, так и грузинском языках, выходившие два раза в месяц.

Газеты эти просуществовали недолго. Сперва эпидемия холеры, которая так всех напугала, что правительство распорядилось закрыть присутственные места и учебные заведения, затем грозное распоряжение Бенкендорфа — положили ей конец. В распоряжении шефа жандармов говорилось:

„Чтобы журналы и альманахи, издаваемые в Империи, по одному экземпляру были представляемы из типографии в III Отделение собственной Е. И. В. Канцелярии, немедленно по выходе из печати и до поступления в частные руки или книжную торговлю".

Таким образом, каждый номер газеты должен был доставляться в Петербург, затем возвращаться и так уж печататься; на это уходило от сорока до пятидесяти дней, иными словами материал терял всякую злободневность. Понятно, что в этих условиях газета не могла продолжать существование и закрылась в середине того же 1832 года.

Культурным фактором в жизни города являлось также существование „благородного" училища, вскоре преобразованного в гимназию. Кроме того, в Тбилиси имелась школа восточных языков, впоследствии преобразованная в семинарию Нерсесян, школа для аманатов[1], попечителем которой был муштеид[2], и православная семинария.

---

[1] Заложники, большей частью дети знатных лиц.

[2] Высшее духовное лицо у мусульман шиитского толка.

Наличие хороших педагогов как из местных жителей (С. Додаев, Н. Аргутинский, Д. Корганов, Тобчибашев и другие) так и приезжих из России (Дементьев, Ярославский, Шипулин и другие) способствовало процветанию „благородного“ училища, единственного тогда „рассадника просвещения“ во всем Закавказье.

Питомцами этого училища были такие крупные грузинские поэты и деятели, как Григорий Орбелиани, Николоз Бараташвили, Михаил Туманишвили, Дм. Кипиани, Раф. Эристов и другие.

Из тбилисских знакомых Пушкина (хотя он и не упоминает их имен), надо прежде всего отметить известного грузинского поэта Александра Гарсевановича Чавчавадзе.

Александр Чавчавадзе — сын известного князя Гарсевана, сыгравшего весьма большую роль в последних событиях истории грузинского царства, родился в Петербурге. Отец его находился при русском дворе в качестве полномочного министра грузинского царя. Восприемницей Александра была сама Екатерина II.

Первоначальное образование он получил в одном из лучших пансионов столицы.

В 1804 г. в первые годы правления Цицианова крестьяне Мтиулетии, доведенные до крайности царским произволом, подняли восстание. Находившийся в это время в Грузии Александр (ему было тогда всего 15 лет) тайно покинул родительский дом и бежал к царевичу Парнаозу, возглавлявшему это движение. Восстание вскоре было подавлено, многие взяты в плен, в числе их и юный Чавчавадзе. Только благодаря заслугам отца ему удалось избежать суровой кары. Он был определен в Пажеский корпус в Петербурге, по окончании которого был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Гусарский полк.

Послужной список Чавчавадзе отмечает нахождение его в этом полку с 1809 по 1817 г.; с ним же он принимал участие в заграничных походах против Наполеона и во всех крупных сражениях (под Лейпцигом, взятие Парижа и другие).

В октябре 1814 г. Чавчавадзе вместе с полком вернулся в Царское Село. Имея в виду факт традиционной дружбы лицеистов с лейб-гусарами, естественно предположить возможность знакомства Пушкина с Чавчавадзе.

Между прочим, лицейский товарищ Пушкина — В. Вольховский упоминается в „Воспоминаниях" Торнау как старый знакомый Чавчавадзе.

В 1817 году, в чине полковника, Чавчавадзе был переведен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, стоявший в родной ему Кахетии. Около года он временно командовал полком, после чего, сочтя себя обойденным по службе, покинул ее и поселился в Тбилиси, посвятив себя исключительно литературной деятельности.

В 1827 г. он с грузинским ополчением принял участие в русско-персидской войне, отличился, был произведен в генерал-майоры и по занятии Ереванской провинции назначен начальником Армянской области. Принимал участие и в войне с Турцией, командуя Баязетским отрядом. В октябре 1828 г. он должен был покинуть армию из-за придирок Паскевича, который в резких и даже грубых выражениях порицал его действия на фронте.

К началу 1829 г. он оставил должность начальника Армянской области и вернулся в Тбилиси.

К приезду Пушкина Чавчавадзе был известен как лучший грузинский поэт, образованнейший человек и замечательный переводчик классиков персид-

ской, русской, французской и немецкой литературы. Его знание „российского, грузинского, французского, немецкого и турецкого языков" удостоверяется и его послужным списком, хранящимся в Гос. Ц. Архиве Грузии.

Из оригинальных произведений А. Чавчавадзе особенной популярностью пользовались анакреонтические песни; большинство из них тогда же перекладывалось на музыку и распевалось народными певцами—сазандари. В салонах же исполнялись главным образом его романсы и переводные с русского стихотворения.

Судя по превосходному стихотворению „Гокча", написанному им под впечатлением виденного в Армении (1828), можно заключить, что пора творческого расцвета Чавчавадзе в эти годы продолжалась.

В одной из заметок Ал. Орбелиани, написанных под свежим впечатлением от посещения А. Чавчавадзе, читаем:

„В его творчестве отчетливо сказывается его обширное европейское образование, его знание персидских поэтов и своей литературы. По собственному признанию А. Чавчавадзе—сочетание этих трех особенностей делает его песни содержательными и благозвучными".

Блестящим знатоком истории своей страны показал себя Чавчавадзе в „Записке о состоянии Грузии", в которой дана яркая картина Грузии на стыке двух столетий.

Когда власти приступили к проведению набора в милицию, население Грузии категорически отказалось исполнить распоряжение правительства. Тогда

Чавчавадзе, как пользовавшийся авторитетом в Кахетии, был послан туда „для приведения всего в надлежащий порядок".

Он пробыл там март и апрель 1829 г., после чего, сказавшись больным, вернулся в Тбилиси.

К концу апреля печальная процессия с прахом Грибоедова приближалась к границам России. Получив об этом сообщение от своего преемника по управлению Армянской областью—М. З. Аргутинского-Долгорукова, Чавчавадзе делал приготовления к достойной встрече тела своего зятя[1].

„Народу было неимоверное множество, мужчины, женщины и дети, все, кажется, принимали живейшее участие в злополучной участи покойного, и нередко слышны были между ними громкие рыдания. Женщины до самого вечера не отходили от церкви..."

Так описывает генеральный консул в Персии Амбургер в своем донесении Паскевичу впечатление от в'езда траурного кортежа в Нахичевань 2 мая.

„На другое утро,—продолжает он,—все, которые участвовали прошедшего дня в церемонии, опять собрались в церковь. Стечение народа было еще больше".

Еще более трогательная сцена происходила в Эчмиадзине, в связи с чем Чавчавадзе тогда же отправил на имя католикоса всех армян следующее письмо:

Ваше Святейшество
Милостивый Архипастырь!

В почтеннейшем письме Вашего Святейшества от 10 го маия, коим призывая благословение божие и утешение на меня и все семейство мое, уведомляете о почестях, отданных в первопрестольном Эчмиадзин-

[1] А. С. Грибоедов был женат на его старшей дочери Нине.

ском монастыре праху незабвенного зятя моего бывшего Полномоченного Министра в Персии Александра Сергеевича Грибоедова.

Не находя достаточных выражений для изъявления Вашему Святейшеству моей признательности за оказанную честь и поминовение о успокоении души любезнейшего моего зятя, крайне сожалею только о том, что оставив службу свою в Армянской области, не могу лично засвидетельствовать Вашему Святейшеству моей искреннейшей за то благодарности, с каковым чувством останусь впрочем навсегда

Вашего Святейшества Милостивейшего
Архипастыря покорнейшим слугою
Князь Александр Чавчавадзе

Маия 31 дня 1829 г. г. Тифлис[1].

Дата этого письма—31 мая подтверждает, что в бытность Пушкина в Тбилиси, А. Чавчавадзе находился там же, и Пушкин мог выразить ему и дочери его Нине Александровне Грибоедовой соболезнование по поводу постигшего их горя. (Вернувшись из Арзерума, Пушкин посетил могилу Грибоедова).

Дом Чавчавадзе славился гостеприимством.

„Все, что приезжало из Петербурга порядочного и сановитого, молодого и старого, составляло принадлежность гостиной князя", — писал его современник А. М. Фадеев[2].

Встречаясь, А. Чавчавадзе и Пушкин, безусловно, должны были касаться и литературных тем. Интерес Пушкина к грузинской поэзии, выразившейся в переводе популярной песни „Ахал агнаго суло", в значи-

---

[1] Настоящее письмо извлечено мною из материалов Эчмиадзинского архива. Печатается впервые.

[2] „Русский Архив", 1891 г., ч. 3, стр. 256.

тельной степени надо приписать влиянию Александра Чавчавадзе И наоборот — его влияние на последнего сказалось в сделанных Чавчавадзе переводах стихотворений „Обвал“,„Анчар“, „Пробуждение“,„Цветок“ и других, а также на некоторых оригинальных произведениях, по духу и тематике очень напоминающих пушкинские стихи.

Из числа других крупных общественных деятелей Грузии отметим Соломона Додаева Могарского (Додашвили).

По окончании духовной семинарии в Тбилиси он был два года учителем, после чего слушал лекции в С-Петербургском университете. В январе 1827 г. он —учитель в Тифлисском благородном училище, а вскоре (с 25 октября 1828 г.) занимает кафедру грузинской словесности и географии. Особенно известен он сочинением „Курса Логики“ (СПБ, 1827). Здесь он сказался последователем Канта.

Его участие в газете „Тифлисские Ведомости“ и в подготовке „противоправительственного“ заговора, где он проводил республиканские взгляды, делают его виднейшим представителем передовых людей грузинского общества того времени.

В бытность Пушкина в Тбилиси там находился также один из крупнейших грузинских поэтов Григорий Орбелиани со своими двоюродными братьями Александром и Вахтангом Орбелиани, Элизбар Эристави и другие. Хорошо знавший русскую и европейскую литературу, Гр. Орбелиани, бывший в Петербурге при жизни Пушкина, перевел ряд его стихотворений: „Дар напрасный, дар случайный“, „Веселый пир“, „Простишь ли мне ревнивные мечты“ и другие; из К. Рылеева — „Исповедь Наливайко“.

(Неупоминание у Пушкина этих лиц в „Путешествии, можно об‘яснить тем, что все они были осуждены за участие в заговоре 1832 г. и сосланы.)

Нина Грибоедова (урожд. Чавчавадзе). Худ. Десен

Высшее тбилисское общество собиралось в залах Благородного собрания и в салонах Мананы Орбелиани, (которую Л. Толстой вывел в „Хаджи-Мурате“), П. Ахвердовой, М. Е. Снаксаревой и других.

Из многочисленных пирушек и обедов, данных тбилисским обществом в честь Пушкина, особенно запомнился ему обед у тбилисского военного губернатора генерала Стрекалова („известного гастронома“, по выражению поэта)

Участник Наполеоновских войн, Стрекалов с воцарением Николая I сделался его приближенным. Его участие в следственной комиссии по делу декабристов а также в других важных дознаниях (по делу генерала Власова в мае 1826 г. и о действиях комиссии по сооружению храма Христа Спасителя в Москве), создали ему в правительственных сферах репутацию грозного и неумолимого судьи.

Назначение его в Грузию (в конце 1828 г.) было понято в обществе как осуждение политики его предшественника Н. М. Сипягина, причастного к деятельности „Общества Военных людей“.

Угощая своего гостя, генерал в то же время внимательно следил за ним.

„Я лично обращал на образ его жизни надлежащее внимание“,—писал он спустя некоторое время Бенкендорфу.[1]

В то же время он предписал гражданскому губернатору „обратить на поведение Пушкина строгое внимание и доносить секретно об образе его жизни“.

Без сомнения, Пушкин был предупрежден об этом, если не самим гражданским губернатором (тогда им был П. Д. Завилейский), то во всяком случае его сослуживцами (Геслинг, Савостьянов и другие) и был на

[1] См. приложения.

Александр Гарсеванович Чавчавадзе

стороже. Он не рисковал даже посылать письма по почте, предпочитая отправлять их „с оказией". Известно, например, по воспоминаниям Л. Павлищева, что одно из своих писем из армии он переслал с отправлявшимся в Петербург А. Л. Дадиани.

Желание избежать слежки, а также та тяжелая атмосфера, которая чувствовалась здесь после „бунта", из-за набора в армию, побудили поэта удалиться на время из Тбилиси до тех пор, пока не будет получено от Паскевича официальное разрешение на в'езд его в армию.

В КАХЕТИИ

Оставив театр военных действий, Александр Чавчавадзе с 15 мая 1829 г. занимал скромную должность военно-пограничного начальника Кахетии и к тому времени готовился к от'езду в местечко Карагач на новую службу.

Сохранилась мало кому известная статья Ханжонкова о подробностях пребывания Пушкина в Кахетии (см. приложение). В этой статье описаны многие лица, историчность которых вне всякого сомнения, как например: Мадатов—ад'ютант Ермолова и поэт, Папков—известный своею дуэлью с Р. Дороховым, Караяни, вскоре выехавший в действующую армию в качестве гевальдигера (заведующий полицейской частью при войсках).

Фамилии этих лиц встречаются в официальном отделе „Тифлисских Ведомостей" за 1828-9 гг., что дает основание считать упомянутую статью Ханжонкова заслуживающей доверия. Помимо того, факт посещения Пушкиным Кахетии подтверждается также и рассказами местных старожилов.

В ту пору Кахетия считалась наиболее благоустроенной и цветущей провинцией Грузии, и почти все приезжие считали как бы своим долгом посетить ее.

Много интересного мог услышать Пушкин о Кахетии со слов своего попутчика по Военно-Грузинской дороге Баумана (Бахмана), занимавшего тогда должность Телавского окружного начальника.

Карагач, куда выехал на несколько дней Пушкин, являлся штаб квартирой Нижегородского драгунского полка. К моменту приезда Пушкина полк находился в действующей армии на турецком фронте, а в Карагаче оставался лишь один запасный эскадрон, занятый подготовкой пополнения и охраной постов.

Некогда бывший резиденцией персидских наместников в Грузии, Карагач в начале XIX в., при утверждении русского владычества на Кавказе, представлял собой груду развалин.

Русские заложили здесь укрепление и организовали поселение. С течением времени эта штаб-квартира настолько обстроилась, что в 20-х годах, как описывает Гамба, представляла довольно большое, чистенькое, хорошо устроенное местечко. Между Карагачем и так называемыми Царскими Колодцами (Дедоплис-Цхаро) находились живописные развалины замка, некогда служившего местопребыванием царицы Тамар.

Собираясь в Карагач, Пушкин не знал точно, кого он найдет там из знакомых ему офицеров, но рассчитывал встретить по крайней мере некоторых из своих друзей, сосланных за 14 декабря.

Можно считать вероятным, что поездку в Кахетию Пушкин совершил вместе с А. Чавчавадзе, новая служба которого находилась именно в местечке Карагач. Отсюда они, возможно, посетили также имение Чавчавадзе—Цинандали, находившееся неподалеку.

Судя по воспоминаниям Ханжонкова, Пушкин пробыл в Карагаче несколько дней и познакомился здесь с крупным поэтом Мирза-Джан Мадатовым, другом

Грибоедова и Григория Орбелиани. Мирза-Джан славился своими анакреонтическими песнями и считался одним из популярнейших азербайджанских поэтов своего времени.

ОТ'ЕЗД В АРМИЮ. Н. РАЕВСКИЙ И В. ВОЛЬХОВСКИЙ

Наконец, было получено разрешение на в'езд Пушкина в действующую армию. И „на другой же день", как это видно из „Путешествия", он выехал на фронт.

Русские войска, заняв крепость Карс в первый год войны ('828 г.), зимовали там. Дорога на Карс шла из Тбилиси от южного выезда из города на сел. Коды (25 в.), Шулаверы (теперь г. Шаумян, 27 в.) и далее вверх по р. Шулавер-Чай, через мост Аг-Керпи (Белый мост) к Самийскому посту (19 в.). Этот пост (как и расположенный в 14 верстах от него Акзибеюкский) был сооружен на самом опасном и труднопроходимом (особенно в зимнюю пору) месте по пути к перевалу Волчьи ворота.

10 июня Пушкин заночевал на Акзибеюкском посту. На рассвете он перевалил гору Акзибеюк, далее проехал укрепления Джелал-Оглы и Гергер (17 в.), недалеко от которого повстречал прах Грибоедова.

Вот как описывает Пушкин эту встречу:

„Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. „Откуда вы?"— спросил я их.— Из Тегерана, — „Что вы везете?"—Грибоеда.

Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис".

„Из Гергер, — пишет Пушкин, —переехал через гору". (Это была гора Безобдал).

Встреча А. С. Пушкиным тела А. С. Грибоедова, близ Гергер. Худ. Борел

Миновав станцию Кишлак (17 в.) и Амамлы (14 в.), откуда расходились дороги на Гумры[1] и Ереван, он к вечеру того же дня добрался до поста Пернике[ид] и двинулся дальше на Гумры, куда прибыл ночью.

12 июня он в Карсе и на следующий день уже в лагере, расположенном на берегу Карс-Чая. Здесь были сконцентрированы главные силы русских. Тотчас же по прибытии, он поспешил к Н. Раевскому, которого и нашел в его палатке.

„Горы переехали мы с полковником Раевским, который назначен командовать Нижегородским драгунским полком, — писал 20 декабря 1826 г. из Тбилиси своему отцу В. Д. Вольховский. – Он имел предписание получить особый конвой, и оттого мы из Екатеринограда выехали без всякой остановки[2].“

Всю персидскую кампанию и турецкую войну 1828 г. Раевский и Вольховский провели вместе; оба занимали в армии довольно видные должности. Так связала судьба здесь, на Кавказе, двух очень близких Пушкину лиц.

С Николаем Раевским Пушкин познакомился еще в лицейские годы. Раевский тогда служил в гвардии Гусарском полку.

Дружба Раевского к Пушкину в те годы сказалась в благородном поступке его по отношению к поэту, когда тот, будучи замешан в какую-то „несчастную историю“[3] (о которой не сохранилось сведений), „погибал безвинный, безотрадный...“

Особую признательность испытывал Пушкин к семье Раевского и за то, что они приютили его больного и одинокого в чужом городе и предложили ему

---

[1] Ныне Ленинакан.

[2] Из неопубликованного письма Вольховского.

[3] Из писем Раевского 1824 г.

отправиться с ними в поездку на Кавказ. Связь Пушкина с Раевским не прерывается и в дальнейшем. Пребывание Пушкина на юге России тесно связано с именем Раевских. Поездка в Эрзерум в значительной степени была вызвана желанием поэта повидать своего старого друга.

Встречи с Н. Раевским в Петербурге (1832 г.), в Москве (1833 г.), затем снова в Петербурге[1] в 1834 г. и то близкое участие, которое Пушкин принимал в семейных делах Раевских, — все это подтверждает искренние товарищеские отношения, которыми они были связаны.

Дружба Пушкина и Н. Раевского развилась в значительной степени на почве общности литературных вкусов. Истинный ценитель его таланта—Раевский довольно долго был одним из главных его советчиков в литературных делах, поэт платил ему взаимностью. Такие произведения, как „Кавказский пленник", „Андрей Шенье", „Братья-разбойники", „Борис Годунов" тесно связаны с именем Н. Раевского. Не менее близок был Пушкину его лицейский товарищ В. Д. Вольховский, о котором в стихотворении „19-го октября 1825 г." говорится:

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховский сядет первый.

Имена Раевского и Вольховского тесно связаны с движением декабристов. По собственному признанию Вольховского, он уже с 1818 г.—член „Союза благоденствия". Будучи членом „Северного общества", он принимал ближайшее участие в совещании у Пущина,

[1] По воспоминаниям графа Н. Граббе.

при выборе членов в Главную Управу и при чтении конституции на квартире Рылеева.

Вместе с участниками „Южного общества", Н. Раевский был арестован за принадлежность к этому тайному обществу[1].

Тогда же пострадала почти вся его родня. Вольховский и Раевский по счастливой случайности избегли наказания, но оставались на все время службы „в замечании".

По утверждению декабриста А. Розена, Раевский был прощен Николаем I „из уважения к отцу—знаменитому герою Бородинского сражения", Вольховский же—потому, что находился в последние годы в дальних экспедициях и не мог, в силу этого, принимать активное участие в событиях.

Прибыв на фронт, Раевский принял командование Нижегородским драгунским полком, отличился в войнах с Персией и Турцией, за что в возрасте 26 лет получил чин генерала и награды.

Его независимое положение, при явном покровительстве, которое ему оказывал Главнокомандующий Паскевич, давало ему возможность здесь, вдали от центра, проявлять расположение к ссыльным декабристам. Первыми присланными к нему в полк из числа причастных к декабризму были: офицер гвардии Депрерадович и Л. А. Молчанов, пострадавший за хранение запрещенного стихотворения Пушкина „Андрей Шенье".

Раевский быстро отличил их, и по прошествии самого короткого времени оба офицера вернулись с наградами в Петербург.

---

[1] Из записок М. Бестужева—„Русская Старина", 1870 г., т. I, стр. 257.

Сосланный к нему же „впредь до отличной выслуги" декабрист Н. Н. Оржицкий был также скоро, по представлению Раевского, произведен в офицеры.

Столь явно снисходительное отношение Раевского к пострадавшим при событиях 14 декабря скоро стало известно Военному министру, который поспешил прислать ему наставление „Об образе обхождения со всеми подобными (т. е. декабристами—И. Е.), коих во временном ему полку достаточное число"[1].

Зная его благожелательное отношение к декабристам, к нему обращались с просьбами за пострадавших ближайшие их родственники (Храповицкие, Вадковская и другие).

Известно его представление Паскевичу за Н. Н. Семичева, причастного к делу декабристов и переведенного к нему в полк.

Все это создало вокруг его личности ореол благородства и превлекало всех пострадавших за декабризм к службе под его начальством.

Владимир Дмитриевич Вольховский, прибыв на Кавказ в чине капитана Генерального штаба, тоже участвовал в войне сперва с Персией (причем исполнял главным образом дипломатические поручения: например его поездка в Тегеран и т. д.), а затем в войне с Турцией — в должности корпусного обер квартирмейстера.

На его обязанности было представлять командованию ряд очень важных сведений о районе военных действий, о народах его обитающих, способах передвижения и др. Понятно поэтому то влиятельное положение, которое Вольховский занимал в армии. Современники, близко знавшие его, писали о нем:

---

[1] „Русская Старина", 1872 г., т. 6, стр. 261.

„Он сослался ангелом-хранителем всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших по высочайшему милосердию на Кавказ рядовыми".

И дейсгвительно, когда, например, на фронт приехал декабрист М. И. Пущин, Вольховский на первых порах поместил его у себя, затем в результате усердных хлопот добился того, что Пущин и П. Коновницын, уже назначенные в 20-ю дивизию, были определены в 8-ой пионерный[1] баталион, находившийся при главных силах.

Архив Вольховского, недавно обнаруженный мною с полной наглядностью вскрывает это благожелательное, даже сердечное отношение Вольховского к пострадавшим декабристам: письма родных П. Коновницына, адресованные Вольховскому, проникнуты признательностью и упованием на него.

Пострадавшие и сосланные на Кавказ В. А. Мусин-Пушкин, Шернваль, А. Миклашевский, П. Леман — вот краткий перечень лиц, обращавшихся к Вольховскому за помощью.

Не меньше сочувствия находили у Вольховского его друзья по лицею. „Не нахожу слов,— писал ему лицеист позднейшего выпуска Вл. Пальчиков,— выразить благодарность мою за старание Ваше об определении меня в Грузию. Все воспитанники Лицея привыкли ожидать от Вас, больше чем от кого бы то ни было, неизменных чувств прежнего товарищества[2]..."

Это отношение Вольховского к участникам политического заговора 14 декабря 1825 г. было, безусловно, известно Паскевичу, который в некоторых случаях и сам относился к ним снисходительно: так например.

---

[1] Так назывались тогда саперные части.

[2] Из архива Вольховского.

он состоял в переписке с семьей Коновницыных, нередко облегчал участь их сына Петра, также пострадавшего за участие в событиях 14 декабря.

Такую снисходительность надо в значительной степени приписать влиянию Вольховского[1].

В своем отношении на имя Военного министра Паскевич даже писал:

„Все сии нижние чины хорошим поведением и усердием к службе заслужили общее одобрение начальства"...—и делал представления о наградах, хотя хорошо знал, что в Петербурге это, несомненно, вызывает неудовольствие.

На запрос Начальника Главного штаба, почему он держит при себе „замешенного в происшествии 14 декабря сотника Сухорукова", Паскевич отвечал:

„Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли; и по малому числу людей в сем корпусе способных, принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам".

Большинство ссыльных были знакомы Пушкину. Упомянутый выше сотник Василий Дмитриевич Сухоруков очень близко сошелся с ним. „Сходство наших занятий,—писал Пушкин,—сближало нас".

За причастность к делу декабристов Сухоруков был уволен из гвардии и выслан под надзор Донского войскового атамана, а материалы по истории родного ему Дона, которые он собирал, работая в различных архивах, были отобраны у него.

В 1827 году он на Кавказе, в действующей армии (в казачьем полку полковника Карпова). Будучи припислен к корпусному штабу, он занимался собиранием

---

[1] Как усматривается из архивных дел—походная переписка Главнокомандующего шла через Вольховского.

различных материалов для составления книги о Турецкой войне 1828/9 гг.

В 1830 году по проискам Военного министра графа Чернышева у Сухорукова были отобраны обширные материалы о войне, собранные им, а сам он был выслан в Финляндию. Не помогло даже заступничество Паскевича, вследствие чего написание истории войны пришлось поручить другому офицеру — Н. Ушакову. Впоследствии Пушкин принял в деле Сухорукова живейшее участие, составил „записку", но ходатайство его осталось без результата.

Из других видных лиц из числа декабристов, находившихся на Кавказе, назовем И. Г. Бурцова.

Иван Григорьевич Бурцов по окончании Московского Университетского пансиона вступил в армию. Принимал участие в войнах с Наполеоном; с 1817 г. он — член „Союза Благоденствия". У него собирался кружок образованных молодых людей, среди них — лучшие друзья Пушкина — барон Дельвиг, Кюхельбекер, И. Пущин. Бурцов уже тогда должен был хорошо знать Вольховского. Оба они были питомцами Московского университета, затем оба сотрудничали в „Военном журнале". В не менее приятельских отношениях был Бурцов и с Н. Раевским[1].

В дни восстания, организованного „Южным обществом", Бурцов находился в Украинском пехотном полку, входившем в дивизию, в которой служили Пестель и Абрамов — его близкие друзья. Отстраненный от командования полком, он был на шесть месяцев заточен в Бобруйскую крепость.

В 1827 г. его перевели на Кавказ сначала в Тифлисский, затем в Мингрельский полк. Во время пер-

[1] Из архива Раевских.

сидской и турецкой войн, он был на самых опасных участках, участвуя в авангардных боях[1].

В числе лиц, причастных к событиям 14 декабря и занимавших здесь командные должности, были: Павел Михайлович Леман, назначенный командиром 41 Егерского полка и принимавший участие в крупнейших сражениях 19 и 20 июня; Александр Михайлович Миклашевский — подполковник 42 Егерского полка; офицер этого же полка Д. А. Искрицкий, переведенный на Кавказ из Орского гарнизонного баталиона, камандующий бригадой Н. Н. Муравьев и Михаил Иванович Пущин (брат лучшего друга Пушкина по лицею —И. И. Пущина), исполнявший обязанности главного инженера.

Пущину, в числе других разжалованных, было разрешено ввиде особой милости перевестись на Кавказ. Он одним из первых попал в 8 ой пионерный баталион, где выказал большие познания в инженерном деле. Даже скупой на похвалы Паскевич представил его к крупной награде, отмечая его „неизменное усердие, беспримерное мужество и спокойствие духа".

В том же батальоне служили и П. Коновницын и Гангеблов. Остальные сосланные декабристы были разбросаны по разным воинским частям, чтобы они не имели возможности встречаться друг с другом.

К числу таковых надо отнести разжалованных в рядовые: Петра Бестужева, Александра Веденяпина, Нила Кожевникова, Николая Цебрикова, Вишневского, Фока, Лаппа, Мусин-Пушкина (моряка) и других.

Прибыв на фронт, Пушкин (как он пишет сам, и это подтверждают его современники) поселился в па-

---

[1] Умершего от ран в деле при с. Харт (близ Байбурта) Бурцова перевезли в Гори,—место стоянки его полка. Здесь воздвигнут был ему памятник в лучшей части города. В 1920 г. он разрушен землетрясением.

латке у Раевского, командовавшего тогда Нижегородским драгунским полком. Там он имел возможность познакомиться со всеми офицерами этого полка, из которых Раевский особенно отличал Николая Николаевича Семичева, бывшего гусара Ахтырского полка, привлеченного к следствию по делу декабристов и отбывшего полугодичное заключение в Петропавловской крепости. Этому Семичеву Раевский поручил заботу о Пушкине во время боя, что Семичев блестяще и выполнил.

По утверждению Н. Ушакова, „опытный майор Семичев вывел насильно поэта из передовой цепи", чем спас его от угрожавшей ему смертельной опасности.

В этом же полку состоял сосланный сюда за принадлежность к „Северному Обществу" Чернышев, владелец майората в двадцать тысяч десятин земли; блестящий офицер, прекрасно образованный, граф Чернышев был разжалован в рядовые и сослан в Сибирь на каторжные работы. В Якутск, где он отбывал наказание, за ним был послан специальный фельд'егер. Доставленный на Кавказ, Чернышев был назначен в Нижегородский драгунский полк.

Пушкин имел возможность не раз встречаться с ним и беседовать на литературные темы[1].

Во время пребывания Пушкина в армии, в Нижегородском полку находилось на положении „рядовых" большое количество лиц, сосланных за принадлежность также и к другим политическим организациям.

Среди них отметим в первую очередь Барьовского и Яневича, сосланных за принадлежность к „Обществу Зырян"; Захария Тржасковского и Лисовского, студентов Виленского университета, сосланных за принадлеж-

---

[1] См. Воспоминания Юзефовича.

ность к тайному обществу „Сарматское племя“, и графа Н. С. Ворцеля, полковника войск польских, богатого помещика Киевской и Подольской губерний.

Находились в этом полку в качестве рядовых также лица, сосланные сюда за различные проступки; в числе них—корнет Догвер, сосланный за дуэль с майором Шамшевым, бывший офицер Обрезков М. М. с громкой историей[1], Дуров П. И., Квартано Н. Н., Макаров Д. Т., Романов М. И., князь Оболенский, Ветчинкин и другие[2].

Выступая на фронт, Нижегородский полк оставил в своей штаб-квартире в Карагаче запасный эскадрон, в котором старшими офицерами были: Иван Малхазович Андроников (Андроникашвили), занятый устройством Лезгинской кордонной линии, майоры Чеботкевич, Нечволодов и Аюкин.

Во всех сражениях с Турцией, в период пребывания на фронте Пушкина, полком фактически командовал Георгий Баратов, так как Раевский руководил действиями всей резервной кавалерии, в состав которой помимо Нижегородского полка входили: Сводный уланский полк и Мусульманские иррегулярные полки. Из офицеров Нижегородского драгунского полка, участвовавших в операциях этого периода, известны: командиры дивизионов—Марков, Семичев и Казасси; эскадронные командиры — Шаншиев, барон фон дер Пален, Гринфельдт, Эссен, Червонный и Сулханов (Сул-

---

[1] Он украл из дома губернатора жемчужное ожерелье с изумрудным фермуаром и золотую табакерку , стоившую пять тысяч рублей.

[2] Результатом мягкого обращения Раевского с декабристами явилось то, что по этому делу назначили следствие. Он был подвергнут аресту, после чего был вынужден выйти в отставку.

ханишвили); младшие офицеры—Гавронский, фон Розенталь, Казначеев, барон Остен-Сакен, Горишнев, князь Вахвахов (Вахвахишвили), Луневский, Яковлев, Фролов, Шатиев Кобылинский, Шеллинг. Чиляев (Чиладзе), Папков, Ментель, Александр Эристов (Эристави), Шимковский, Боколянин, Цинамзгваров, (Цинамзгваришвили), Давыдов, Заремба, князь Шаликов (Шаликашвили), Бастамов, Масленников, Пиралов (Пиралишвили), Петренко, Арсеньев, Коцебу, Томановский, Рубан, Радинг, Бутович, князь Авалов (Авалишвили), Радич, Сермиович, Акимов Завалишин, князь Павленов (Павленишвили), братья Долинские, братья Ясон и Спиридон Чавчавадзе, Зураб, Григорий и Роман Чавчавадзе.

Находясь при этом полку и принимая близкое участие в его жизни, Пушкин, конечно, был знаком со всеми ими.

В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Кампания 1828 года закончилась занятием сильных турецких крепостей Ахалцихе и Карса, что дало некоторую передышку войскам. С наступлением 1829 года военные действия возобновились. К началу июня главные силы действующего корпуса сконцентрировались на Эрзерумском шоссе, близ деревни Катанлы, откуда двинулись через Саганлугский хребет к Эрзеруму. Маскируя главную цель своих действий, Паскевич направил туда же, по левой дороге, особую колонну под начальством генерал-майора Бурцова.

Колонна эта, выполнив порученное ей дело и поставив неприятеля в „совершенное заблуждение относительно истинного направления корпуса“, присоединилась затем к Паскевичу.

Главные силы неприятеля, в числе 30.000 человек под начальством Эрзерумского сераскира стояли близ

селения Каянлы. Другой кавалерийский отряд трехбунчужного Гагки (Хахки)-паши был расположен в 10—12 клм. от первого, в Мелидюзе.

Зивинский перевал никем не защищался, что дало русским войскам возможность беспрепятственно занять позиции в непосредственной близости к противнику.

Разведывательная служба была поручена конному отряду, который уже 12 июня вошел в соприкосновение с неприятелем. В составе этого отряда в бою 14 июня 1829 года принял участие и Пушкин.

Этот памятный для него день следующим образом отмечен в послужном списке майора М. А. Енико-лопова:

„14-го, при отражении неприятельской кавалерии стремительно атаковавшей передовые кавалерийские наши партии на высотах гор под неприятельским лагерем Гагки-Паши, лежащих на дороге к нему от урочища Дели-Муса-Фурни".

Сам Пушкин говорит, что поехал туда лишь для того, чтобы посмотреть новое для него зрелище; однако, он был не только зрителем этого боя. В своей книге „История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг." Ушаков подробно описывает участие Пушкина в бою (см. приложения).

Их дополняют сообщения декабриста Гангеблова.

„Когда Раевский с кавалерией начал преследование, мы завидели скачущего к нам во весь опор всадника, это был Пушкин в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь в двух шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов от Раевского и, получив ответ, опять помчался к Раевскому".

Впечатления от этого боя Пушкин изобразил в прекрасном стихотворении „Делибаш". Сохранился

также собственноручный его рисунок в альбоме Ушаковой, на котором он изображен скачущим, в бурке, с пикой в руке.

Последующие события на фронте, в которых принимал участие Пушкин, развернулись следующим образом: 17 июня Паскевич произвел рекогносцировку турецких лагерей и решил атаковать обоих пашей обходом с тыла. На другой день он подвинул войска несколько вперед и разделил их на три колонны; 19 июня атаковал корпус сераскира и разбил его наголову. Сам сераскир Гаджи Магомет Салех-паша едва избежал плена. 20 июня, обратив войска действующего корпуса против Гагки-паши Сивасского, Паскевич обошел его расположение со стороны Эрзерума. После весьма слабого сопротивления противник бросился бежать. Русские преследовали его на протяжении 30 клм., причем сам Гагки-паша был взят в плен.

В последнем сражении, как свидетельствует официальная сводка, трофеями дня были всего около тысячи пленных и девятнадцать знамен. Такой, более чем скромный успех вызвал у главнокомандующего Паскевича большое неудовольствие по отношению к командовавшим кавалерией генералам Д. Остен-Сакену и Н. Раевскому, на обязанности которых лежало преследование неприятеля. Генералу Сакену был об'явлен выговор, в связи с чем обиженный барон потребовал от главнокомандующего или гласного оправдания его или предания суду.

Началось следствие, ход которого можно проследить по сохранившемуся „делу". 21 июня Паскевич поручает генералу Панкратьеву „произвести строгое исследование: почему вчерашнего числа при преследовании неприятеля так мало отбито регулярною кавалерией знамен и пленных, где она находилась и до

Автопортрет А. С. Пушкина в бытность на фронте

какого расстояния гналась за бегущим неприятелем".

По существу этого дела Панкратьев запрашивает тогда же Остен-Сакена и Н. Раевского.

Первым высказался генерал Раевский, ответивший на запрос Панкратьева в тот же день (21 июня).

Но не все доводы Раевского были приняты во внимание главнокомандующим. На представленном им об'яснении Паскевич наложил следующую резолюцию:

„Напрасно генерал майор Раевский ответствует о 19-м числе, о котором его не спрашивают и мог бы получше все писать, за что делается замечание. Я прежде вас знаю состояние лошадей Нижегородского полка, который был со мною в походах в прошедшие три года... За таковую неосмотрительность в донесении делаю Вам выговор, оставаясь уверенным, что ваше превосходительство впредь по делам службы будете внимательнее".

Так строго был наказан Н. Раевский придирчивым Паскевичем, успевшим уже позабыть свои хвалебные отзывы о Раевском за услуги, оказанные им в предыдущих кампаниях.

Непосредственный участник боев 19 и 20 июня, Пушкин, конечно, разбирался в обстоятельствах этого сражения и должен был видеть всю неосновательность обвинения Паскевича.

С донесением об одержанных победах и с главными трофеями были отправлены в Петербург князь А. Л. Дадиани, ад'ютант Паскевича и барон И. Е. Фелькерзам (они прибыли 15 июля). Тогда и отправил Пушкин с Дадиани письма к родным и знакомым[1].

---

[1] В письме к П. В. Нащокину он писал, что путешествует с особым денщиком, и солдаты, видя его, может быть, единственного русского, раз'езжающего в статском платье, считали его немецким попом. („Девятнадцатый век", кн. 1, стр. 402).

Сражение 20 июня 1829 г., в котором принял участие А. С. Пушкин. Худ. В. Машков

Последующие события, завершившиеся занятием Эрзерума, описаны Пушкиным исчерпывающе, добавим лишь некоторые: с занятием этого города войска расположились лагерем. Большую часть времени Пушкин проводил с Раевским, у которого и жил.

30 июня в ставку главнокомандующего были доставлены пленные сераскир и трое пашей.

1 июля в торжественной обстановке состоялось чтение приказа по случаю взятия Эрзерума.

3 июля пленные сераскир и паши: Осман-паша, Абуш-Абдулла-паша и Ахмет-паша отправлены были в Тбилиси. Сопровождал их Михаил Пущин (Гагки-паша был отправлен раньше).

4 июля Паскевич переезжает из лагеря во дворец сераскира в Эрзерум. В тот же день генерал Бурцов с небольшим отрядом был двинут по Трапезундской дороге с поручением занять Байбурт и разведать о серебряных рудниках.

5 июля полковник Леман с баталионом егерей выступил по дороге к Мушу для занятия города Хныс.

5 же июля Паскевич принимал во дворце старшин города и духовенство.

7 июля состоялся большой военный парад в честь взятия Эрзерума. После парада торжественный обед; среди присутствовавших был и Пушкин.

Этот период пребывания Пушкина в Эрзеруме связан с интересными встречами и знакомствами. Помимо офицеров Нижегородского полка, он близко узнал офицеров Сводного уланского полка, находившегося в подчинении Н. Раевского. Полк этот сформирован был путем выделения по одному эскадрону от Борисоглебского, Чугуевского, Серпуховского и Белгородского полков. Командовал этим сводным полком Р. Р. Анреп. Ближайшими помощниками его были:

майор К. О. Порадовский, Хандаков, Кригер, Лау, Анненков, Адеркас, Логвинов, Жуков, Юсупов, князь Абамелик, Абрамович и другие.

В распоряжении же Раевского находились мусульманские иррегулярные полки, сформированные по предложению Паскевича из жителей мусульманских провинций Кавказа. 1-ый полк был набран из жителей Карабаха, 2-ой—из жителей Ширванской и Шекинской провинций, 3-й—из „татарских" дистанций (Борчало, Казах), 4-ый из тюрок и курдов Армянской области. Командирами этих полков были офицеры регулярной кавалерии: Мещеряков, Кувшинников, Студеникин и Узков, а их помощниками — почетные беки из тех же провинций.

Пушкин отмечает некоторых из них; так Фахрат-беку он посвящает стихотворение:

„Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой..."

А на портрете Фараджула-бека ставит свой автограф. (Фараджула принимал участие еще в персидской войне. После побед, одержанных в Лазистане, он был Паскевичем послан с донесением Николаю 1 августа 1829 г.).

Увлечение Паскевича вербовкой войск от каждой народности Кавказа и из жителей вновь завоеванных областей было исключительно велико.

Заняв Карс, он вербует по баталиону из армян и греков. Заняв Эрзерум, формирует войско Гайта[1], начальником которого назначает ротмистра гвардии Андроникова; кроме того, формируется там же отряд под начальством Байрахтара Ага-Мамед-Оглы и Ке-

[1] Гайта означает „храбрец".

лиш-Ага-Абдула. В Грузии и других частях Кавказа составляются добровольческие отряды.

Лишь незначительная часть грузинских помещиков записалась охотниками. Набор милиции из народа потерпел полное фиаско, и Паскевичу пришлось удовольствоваться кучкой помещиков. Эти были: от Горийского уезда—Михаил Евстафьевич Джавахов, Григорий Романович Мачабели; от других уездов: князь Заал Баратов, Иван Русиев, Николай Черкезов, Давид Залдастанов и Караман Нацвалов; из Борчалинской дистанции—Зейнал Муршуд-Оглы, из Осетии—Тагаурский осетин уздень Азо Санаев, из Чечни—Яка Асланов и Гацук, из других местностей Кавказа—сын Елисуйского султана—султан Мамед Ага с 23 всадниками, Мамед-Кули-Хан Карабахский; от Табасаранского владельца Ибрагима Карчахского уздень Омар-Ага с 26 всадниками, а под конец кампании прибыл, перевалив через горы, сам Хан Табасаранский с 50 всадниками.

Следует остановиться на фигуре одного из начальников отряда—Бейбулата Таймазова, крупного деятеля национально-освободительного движения Чечни.

В начале 20-х годов Бейбулат признал русскую власть и был зачислен по милиции, но последовавшая затем ссора с полковником Грековым и его убийство сделали Бейбулата непримиримым врагом русского правительства.

В 1825 году, в сообществе с известным Умалат-беком он поднял восстание в Чечне, вскоре перекинувшееся и в соседние провинции—Кабарду и Ингушетию.

Из смелых предприятий, организованных им в том году, памятна попытка захватить корпусного командира генерала Ермолова во время его поездки.

Потерпев неудачу в 1825 году, Бейбулат возобновляет свою деятельность, вербуя повсюду сообщников. Ареной его деятельности становится главным образом Дагестан.

В 1827 году, собрав значительные силы, он вновь поднимает восстание в Чечне. Внимание его сосредоточивается на крепости Грозной (сейчас г. Грозный), служившей оплотом русской военщины. Одновременно он руководит восстанием среди осетин-гагаурцев, расположенных в районе Военно-Грузинской дороги, и связывается с персидским военным командованием. В 1828 году устанавливает контакт с Турцией и помогает ей.

В начале 1829 года Бейбулат неожиданно для всех предложил свои услуги русскому правительству, обещая, что уговорит и других главарей положить оружие. Предложение это было принято через шамхала Тарковского, и группа более чем в сто человек, во главе с Бейбулатом, прибыла во Владикавказ. Отсюда они были с почетом препровождены в Тбилиси, пробыли там некоторое время и выехали в ставку главнокомандующего.

С 30 всадниками Бейбулат прибыл в лагерь Паскевича. Пушкин встретился с ним на обеде, устроенном Паскевичем 7 июля в сераскирском дворце. На этом же обеде присутствовал известный художник академик Машков, зарисовавший главные эпизоды из русско-турецкой войны 1828—29 гг.

Вот как описывает свидетель Раложицкий личность Бейбулата, послужившего Лермонтову прообразом для его Хаджи-абрека.

„В парадном карре я нарочито ездил смотреть Бейбулата, который со своими чеченцами стоял верхом на правом фланге сводно-линейного казачьего пол-

ка. Этот неукротимый разбойник сам приехал в Эрзерум. „Я его вызвал,—сказал граф,—обещая забыть все прошедшее. Он явился ко мне с тридцатью чеченцами и теперь у меня в конвое. Я ему сказал, что, кончив здесь, хочу побывать у него в гостях.“ „Для того-то я к Вам и приехал прежде!“—отвечал он. А ведь Бейбулат имеет большое влияние на горцев! Точно граф успокаивался теперь со стороны чеченцев на некоторое время.

... Это человек среднего роста, довольно толстый, пожилой, с багровым лицом и темнокрасною, круглою от ушей бородкой, глаза небольшие, кабаньи, то есть быстрые, блуждающие, налитые кровью. В физиономии ничего нет отличительного кроме лукавства и скрытности; казалось, он жаждал крови. Смотря на него, я вспомнил об убийстве генерала Лисаневича и Грекова за Тереком и удивлялся, как этот разбойник, будучи главным участником в столь важном происшествии—возмущении чеченцев, еще до сего времени существует. Шапка на нем простая и кафтан обыкновенный. При нем были два почетных товарища, побогаче его одетых, один с добрым открытым лицом, а другой смотрел тигром...“

Этим разнородным войском, входившим в сборный линейный казачий полк, командовал Верзилин. К концу кампании на фронт прибыли: генерал-ад'ютант князь Потемкин, старший офицер Нижегородского полка полковник И. М. Андроников (Андроникашвили), М. З. Аргутинский-Долгорукий, принявший командование вторым Мусульманским полком, и другие.

Пушкин тогда же свел знакомство с известным азербайджанским ученым и поэтом Аббас-Кули-Ага Бакихановым, состоявшем при Паскевиче главным переводчиком. Блестящий знаток прошлого Азербайджана,

всесторонне образованный, владевший многими восточными языками, Бакиханов заслуженно пользовался известностью ученого.

Близкий знакомый Грибоедова, он в турецкую войну выполнял ряд поручений русского правительства. Так, после занятия Ахалцихе и Эрзерума, Паскевич поручил ему захватить из книгохранилищ этих городов ценные рукописи и книги и составить им „реестр". Бакиханов же замещал в Эрзеруме генерала Вольховского, во время его болезни. О дружеских отношениях Бакиханова и Пушкина свидетельствует племянник последнего—Л. Павлищев.

Обстоятельные воспоминания М. Юзефовича отмечают, что Пушкин во время пребывания на фронте не прерывал своей творческой работы и не расставался со своими рукописями. То же отмечает и Радожицкий.

Встречаясь здесь с офицерами, среди которых можно было встретить немало образованных людей, Пушкин, конечно, не должен был чувствовать себя совершенно одиноким. М. Юзефович даже утверждает, что Пушкин дарил на память некоторым офицерам свои начисто переписанные произведения. По воспоминаниям живущего в Тбилиси А. Н. Лебедева—у деда его Логвинова (штабс-ротмистра Чугуевского полка), служившего в эту кампанию под командой Раевского, имелось подаренное Пушкиным стихотворение.

10 июля Раевский со всей кавалерией выступил в поход, и Пушкину пришлось проститься со своими друзьями и товарищами. Вскоре покинул армию и Вольховский, не желая служить у Паскевича.

Поэт недолго оставался после этого в армии. Сообщение о неудачах под Хартами (там был убит генерал Бурцов), а также чума не предвещали ничего

хорошего. Однако, главной причиной, побудившей Пушкина поторопиться с от'ездом, было его недовольство Паскевичем.

Непосредственно встречаясь с ним и будучи в курсе всех происходящих событий, поэт легко мог составить себе ясное представление о его исключительной самоуверенности и заносчивости. Неприятно поражало Пушкина также открыто-презрительное отношение Паскевича к своим ближайшим помощникам, как это имело место по отношению к Ал. Чавчавадзе, Остен-Сакену, Раевскому, Н. Н. Муравьеву и Вольховскому, которым армия была обязана во многом своими победами.

Имел причины быть недовольным и Паскевич. Давая Пушкину разрешение на приезд в армию, он рассчитывал на то, что поэт, восхищенный его талантами как великого полководца, поспешит увековечить его имя в соответствующем произведении. Однако, Пушкин не обнаруживал ни малейшего желания петь ему хвалебные песни, что вызвало в Паскевиче глубокое разочарование и недовольство.

Пушкин выехал той же дорогой и 1 августа был в Тбилиси. На этот раз он остановился у Вольховского.[1] Жил же Вольховский, как свидетельствует К. Вильбрахам,[2] на Старо-Инженерной ул. (сейчас ул. Джорджиашвили) в доме военно-инженерного ведомства.

Он пробыл в Тбилиси пять дней, которые были заполнены посещениями домов представителей тби-

---

[1] Из письма б. директора Лицея Е. А. Энгельгардта—Ф. Ф. Матюшкину от 18 ноября 1829 г.

[2] „Travels in the Transcaucasian provinces of Russia... etc.", London, 1839 г., стр. 179.

лисского высшего света и встречами в садах при звуке музыки и песен грузинских.

Тогда же он познакомился и подружился с одним из друзей Грибоедова – Давидом Осиповичем Бебутовым, только что назначенным в Нижегородский драгунский полк.

В этот приезд Пушкин побывал на могиле Грибоедова. Как мы уже отмечали, в газете „Тифлисские Ведомости“ от 9 августа 1829 года, по поводу приезда Пушкина была помещена следующая заметка: „6 августа А. Пушкин, возвратившись из Эрзерума, выехал из Тифлиса к Кавказским Минеральным Водам. Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкин, возбужденный воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения наделит литературу“.

Пожелание газеты сбылось. Помимо „Путешествия в Арзрум“ Пушкин создал ряд стихотворений: „Калмычка“, „Обвал“, „На холмах Грузии“, „Не пленяйся бранной славой“, „Делибаш“, „Дон“, „Был и я среди донцов“, „Монастырь на Казбеке“, „Кавказ“, „Дорожные жалобы“ и оставшиеся незаконченными—поэма о Тазите, известная более под произвольным названием „Галуб“, и „Роман на Кавказских водах“; в набросках: план поэмы о русской девушке и черкесе. В заключительной главе „Евгения Онегина“, по замыслу поэта, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов.

Делясь со своим племянником Л. Павлищевым впечатлениями о поездке в Грузию, Пушкин говорил:

„Очаровательный край! Сколько я почерпнул истинной поэзии, сколько испытал разных впечатлений!“

Выезжая из Тбилиси, он с грустью повторял: „Прощай, волшебный край!...“

О „ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ“

Интересно проследить некоторые подробности появления „Путешествия“.

„Начнем альманах с „Путешествия“,—писал Пушкин в конце 1835 г. П. А. Плетневу—своему неизменному другу, принимавшему деятельное участие в издательских планах Пушкина.

Судя по всему, работа над „Путешествием“ очень увлекала Пушкина, и уже скоро была подготовлена к печати. Предполагалось к „Путешествию“ дать особое предисловие, а также приложение, куда должны были войти: обширная заметка на французском языке „Notice sur la secte des Yésides“ [1] и справка: „Маршрут от Тифлиса до Арзрума“.

14 января 1836 г. Пушкин получил ответ на свое ходатайство о разрешении издавать журнал, наподобие английских трехмесячных „Reviews“. Издание журнала („Современник“) было разрешено с условием, что он будет проходить предварительную цензуру.

Впервые „Путешествие“ появилось в печати целиком в первой книге этого журнала за 1836 г. По цензурным соображениям из текста были выкинуты: беседа с Ермоловым, рассуждения о способах приобщения горцев к русской культуре и прочее.

---

[1] Из сочинения М. Гардзони о курдах—перевод на французский язык S[ilvestre] de S[acy]. Paris, 1808.

Однако, даже в своем полном виде авторский текст „Путешествия“ не дает исчерпывающего представления о днях, проведенных Пушкиным на Кавказе и на фронте. Многое изложено чересчур сжато, о многом достопримечательном не сказано ничего, или сказано вскользь, нет оценки событий и прочее.

Такую „скрытность“ поэта многие исследователи пытались об‘яснить соображениями осторожности, подсказанными его положением „поднадзорного“. Это, якобы заставило его „умолчать о многих встречах со старыми друзьями или скрыть их имена под инициалами“.[1] Пытались об‘яснить скрытность поэта (например, в той части, где он делится своими впечатлениями о пребывании в Грузии) также и тем, что большинство вероятных его знакомых-грузин находились в то время в ссылке за участие в заговоре 1832 г.

Однако, с такими об‘яснениями вряд ли можно согласиться. Дело в том, что Пушкин шифрует в инициалы не только лиц, причастных к событиям 14 декабря, точно так же, как умалчивает не только об именах грузинских заговорщиков: в его записках не отмечаются, например: Стрекалов, Санковский, Анреп и другие—далекие от какого-либо участия в восстании 14 декабря; не встречается в „Путешествии“ также имя брата поэта—Льва и других близких ему людей.

Мы склонны неполноту картины всего виденного поэтом об‘яснить тем, что личные впечатления от похода 1829 г. не ставились автором в центр повествования.

Что же побуждало Пушкина выпустить „Путешествие“ во что бы то ни стало и как можно скорее?. В предисловии к „Путешествию“, опровергая обвинения

---

[1] „Кавказская поминка о Пушкине“, Тифлис, 1899, стр. 111.

Фонтанье[1], будто в великих событиях, свидетелем которых был Пушкин, поэт нашел тему „не для поэмы, а для сатиры", Пушкин пишет....„ я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца..." Однако, это не более как вынужденное заявление.

Истинную причину надо искать в другом, а именно в намерении поэта написать сатиру на самый поход и на главнокомандующего Паскевича.

За годы, истекшие со времени поездки Пушкина на Восток, многое стало представляться ему в ином, более верном свете, чем раньше. Самый поход уже не казался ему героическим, а тем более оправданным, а личность „героя" его — генерала Паскевича, которого Пушкин хорошо изучил в последующие годы, вырисовывалась перед ним в истинном и довольно непривлекательном свете. Без выяснения этого обстоятельства, нельзя правильно понять цели, побудившие Пушкина взяться за написание „Путешествия".

Еще будучи в действующей армии, Пушкин мог в достаточной степени присмотреться к этому самоуверенному и не знавшему границ в самовозвеличении генералу. Его стремление очернить своих ближайших сподвижников и приписать их заслуги себе—распространилось не только на таких значительных по своему положению лиц, как А. Чавчавадзе, В. Вольховский, Д. Остен-Сакен, Н. Раевский, Н. Муравьев, но также и на многих других, как например, генералы: В. Мадатов, Красовский, Вельяминов, К. Бенкендорф, епископ Нерсес и другие, не говоря уж о мелких служащих, которые были вынуждены из-за преследований

---

[1] Автор книги „Voyages en Orient, entrepris par ordre du gouvernement français". (Путешествия на Восток, „предпринятые по распоряжению французского правительства...")

со стороны Паскевича покинуть Кавказ и которых Паскевич поспешил заменить доносчиками и соглядатаями всех рангов и видов.

Немалую роль в отношениях Пушкина к Паскевичу играло и то обстоятельство, что Пушкин был обязан ему разрешением на в'езд в Грузию и в действующую армию. Давая такое разрешение, Паскевич, конечно, имел определенную цель. Избалованный пышными реляциями и приказами, которые он в персидскую войну заставлял писать Грибоедова, Паскевич надеялся и теперь, что знаменитый поэт „прославит" в своем труде его имя и обессмертит его для потомства.

Пушкин понимал, что он в какой-то степени обязан Паскевичу. Он, например, писал: „Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения". Однако, петь ему хвалебные песни он все же отказывался.

Скоро Пушкину представился случай коснуться в своих произведениях Паскевича, а заодно и „отблагодарить" его за разрешение на в'езд в Арзрум.

В сентябре 1831 г., когда было получено известие о взятии русскими войсками Варшавы, Пушкин в порыве охвативших его чувств написал „Клеветникам России" и „Бородинскую годовщину", которые вместе со стихотворением Жуковского на ту же тему вышли отдельной брошюрой.

Взятием Варшавы руководил Паскевич; понятно, что победителю должно было быть воздано должное. В стихотворении „Бородинская годовщина" Паскевичу была посвящена восьмая строфа (хотя имя его упомянуто не было). Самовлюбленный Паскевич принял эту дань как должное, но не мог забыть о невыполненном „обязательстве" Пушкина — воспеть эрзерумский поход. Отвечая Жуковскому, приславшему ему эту бро-

шюру, он недвусмысленно намекает на это, говоря: „Сладкозвучные лиры первостепенных наших поэтов долго отказывались бряцать во славу подвигов оружия. Так померкнула заря достопамятных событий персидской и турецкой войн, и голос внутреннего вдохновения едва-едва отозвался в отечестве в честь тогдашних успехов наших. Упрек сей впрочем не относится до вас, ибо и в ту эпоху вы обязали меня поэтическим вниманием...“ Понятно, к кому относился этот упрек.

Упомянутые выше стихотворения Пушкина, являвшиеся своего рода выступлением на политической арене, произвели весьма невыгодное впечатление на передовое общество того времени. Он получил резкую отповедь от своих друзей: П. Вяземского, А. Тургенева и других. То же высказывание мы находим и у А. Герцена.

„Пушкин,—писал он,—самая большая русская знаменитость, был одно время покинут публикой за два политических стихотворения“.

Еще более резкую оценку встретили они со стороны польских общественных деятелей, находившихся в эмиграции. А. Мицкевич написал памфлет „Друзьям-москалям“; крупный революционный деятель Польши И. Лелевель на празднике, данном в Брюсселе в годовщину 14 декабря, привел для иллюстрации политического направления русской молодежи две сказочки „басни“, приписываемые им перу молодого Пушкина. Колкую заметку по этому поводу поместил и „Франкфуртский журнал“ (Пушкин приводит ее содержание в своем дневнике).

„Между прочим мне приходится очень печально расплачиваться за увлечения своей юности. Об‘ятия Лелевеля кажутся мне тяжелее ссылки в Сибирь“,—

писал он графу Г. Строганову, доставившему ему эту газету.

Как передают современники, Пушкин намеревался написать возражение Лелевелю. Оно вылилось в довольно своеобразную форму—в язвительную, хотя и завуалированную сатиру на „Самодержавного“ наместника Польши—Паскевича.

Этой сатирой и было „Путешествие в Арзрум“. Подобно тому как стихотворение „Друзьям“ (1827 г.) было вызвано кривотолками по поводу „Стансов“, так теперь „Путешествие в Арзрум“ должно было раскрыть обществу истинные взгляды и мысли поэта, значительно отличавшиеся от тех, которыми он был захвачен, когда писал „Бородинскую годовщину“ и „Клеветникам России“.

Этот шаг Пушкина, безусловно, мог в значительной степени удовлетворить его друзей, недовольных появлением указанных выше стихотворений.

В феврале 1834 г. в Петербург приехал Паскевич. Как сообщает отец поэта С. Л. Пушкин в письме к своей дочери: „Иван Федорович[1] пригласил Александра к себе в кабинет, где и говорил с ним о его сочинениях“.

Можно не сомневаться, что в этой беседе честолюбивый и властный Паскевич, мечтавший „приютиться к бессмертию в превосходных творениях“ первоклассных поэтов, снова коснулся кампании 1828/9 года и, может быть, добился обещания Пушкина написать о ней, после чего сообщил ему о подготовляемом при его содействии большом труде о минувшей войне с Турцией. Тогда же, надо полагать, он распорядился предоставить Пушкину все нужные ему для работ материалы.[2]

---

[1] Т. е. Паскевич.

[2] Осуществить это было легко, так как подготовка и самое печатание официального труда происходили в Петербурге.

В „Путешествии“ явно сказывается использование автором официальных сведений и сводок. Помимо этого Пушкин обильно пользовался историко-географическими сочинениями, книгами о путешествиях, а также беллетристикой, в которых описывался Кавказ. За это говорит немалое количество книг на эту тему, имевшихся в библиотеке поэта. Содержание их довольно разнообразно: тут вы найдете, например, сочинение пресловутого патриотического „историка“ Платона Зубова, воспевавшего не столько „подвиги русских воинов в странах Кавказских“, сколько самого Паскевича; сочинения Броневского, одного из первых поборников „свободной торговли“ с горцами; книги Потоцкого, Фонтанье, Морье, Палласа, Малкольма и другие, и особенно сказавшиеся на „Путешествии“ — сочинения Дебу — „О кавказской линии“, Н. Н. — „Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию“ и появившийся в продаже в 1829 г. роман В. Т. Нарежного — „Черный год или горские князья“, в котором автор правдиво описал ужасы, творимые в Грузии царскими колонизаторами в первый период установления русского господства.

Ему пришлось, конечно, сделать это в очень осторожной форме и прибегнуть к разным уловкам, например, переносить место действия на Северный Кавказ, главных вершителей политики в крае — генерала Кнорринга и Ковалевского превращать в „сардаря“, „визиря“ и прочее.

Остроумно задуманная форма романа Нарежного, написанного в виде сатиры на правящий строй, в особенности на ее верхушку, перекликается с литературными приемами, использованными Пушкиным в его работе над „Путешествием“. Но задача Пушкина была труднее: жесткие условия цензуры официальной, а так-

же неофициальной—в лице Николая I, читавшего все сочинения поэта до появления их в свет, не давали ему возможности выразить в полной мере все свои симпатии и свое сочувствие закабаленному народу Грузии.

Наличие в „Путешествии" сатирических мест, переходящих подчас в явную иронию, в достаточной мере выявлено Ю. Н. Тыняновым.[1]

В немалой степени „Путешествие" бьет непосредственно и по самому Паскевичу: высмеивание его титула „Графа Эриванского", который Пушкин переделывает в „Графа Ерихонского", критика его военных успехов и другие.

Но в еще большей мере желание поэта уязвить Паскевича выразилось в том, что многие лица обозначены в „Путешествии" инициалами и звездочками. Этим примером Пушкин пользовался и раньше — в „Собрании насекомых", когда, зашифровав звездочками своих недоброжелателей, он предоставил им доискиваться, кого имел в виду автор в том или ином случае. Можно с уверенностью сказать, что ни одно из скрытых в „Путешествии" под звездочками и инициалами лиц не вызвало разномнений у читающей публики, следившей за текущими событиями.

То, что при этом Пушкин руководствовался не соображениями осторожности, а именно желанием уязвить Паскевича, видно хотя бы из того, что имена некоторых даже из числа причастных к декабризму лиц цензура без возражений пропустила бы в печать Таким, например, был Вольховский, который как в момент самих событий, так и в год написания „Путе-

---

[1] См. „Временник пушкинской комиссии", вып. 2, стр. 64—69 (эпизод с преследованием кур, суждение о езидах и пр.)

шествия“ занимал в Кавказской армии высшие командные должности генерал-квартирмейстера, затем начальника штаба армии; тоже и Н. Раевский и другие.

Почти все зашифрованные в „Путешествии“ лица были недруги Паскевича, и первый из них — генерал Ермолов, бывший главнокомандующий на Кавказе, должность которого занял Паскевич, пустивший в ход целую систему доносов и интриг.

Немало гонений от Паскевича перенесли также Вольховский и Раевский, сыгравшие видную роль в подготовке военных успехов. Вольховский был вынужден покинуть армию еще до окончания войны, Раевский был подвергнут аресту и неосновательно обвинен в шпионаже и растрате.

Под „М. П.“—значится Михаил Пушин, также удаленный Паскевичем с фронта военных действий, после успешно проделанных им двух кампаний,

Далее среди зашифрованных значатся: граф Мусин-Пушкин, так и не „удостоенный“ Паскевичем перевода из гарнизона на фронт военных действий; Чиляев, которому не было возмещено личное имущество, потерянное им в плену; Санковский, вынужденный вскоре покончить жизнь самоубийством; то же самое и с Анрепом; граф Самойлов, преследуемый Паскевичем как близкий родственник генерала Ермолова; Бутурлин, донесший в Петербург на Паскевича; Семичев, подведенный Паскевичем под следствие за фамильярное отношение с разжалованными; Сухоруков, у которого по приказанию Паскевича были отняты собранные им исторические материалы о войне с Турцией—плод долголетних трудов—и переданы другому офицеру; Р. Дорохов, которого Паскевич выслал из армии; генерал Стрекалов, уволенный с такой аттестацией, что с него сняли военный мундир и назначи-

ли гражданским губернатором в Казань; наконец, генерал Сипягин, о загадочной смерти которого уже упоминалось выше: „Генерал С.,—пишет он,—говорят, умер от того, что его домовой лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого гамошними докторами, и не дал оного больному". Здесь в скрытой форме обличение Паскевича. На самом деле, как утверждает биограф Сипягина, смерть последнего была вызвана тем, что ему „предписали сильный прием меркурия[1]".

Еще при жизни Пушкина эта книга даже после цензурных изъятий достигла своей цели. Слишком ясно были в ней обрисованы Паскевич и его военные „успехи". Заносчивый генерал получил по заслугам. И это как раз в то время, когда он был особенно занят самовосхвалением: в том же 1836 г. его стараниями в Петербурге вышла в свет книга о турецкой войне 1828/29 гг., превозносившая военные успехи Паскевича. Тогда же поступил в продажу исполненный художником Реймерсом портрет Паскевича, на котором он изображен положившим руку на план Варшавы; тут же приводилось посвященное Паскевичу четверостишие Жуковского из „Русской песни на взятие Варшавы". Паскевич, получив эту книгу в дар от зятя Пушкина, принял ее „благосклонно", но впоследствии должен был признать, что „в статье интересного ничего нет"[2].

Помимо использования большого числа исторических и географических источников, в „Путешествии" встречается немало выдержек, фраз, сентенций и так далее из популярных тогда авторов. Так, в главе I, поэт „смотря на Терек" и сравнивая его с Иматрой, говорит о „реке, на севере гремящей"; это—из „Водопада" Державина.

---

[1] Так называлось тогда лечение ртутью.
[2] Л. Павлищев, „Из семейной хроники".

В той же главе, описывая Казбек, Пушкин говорит: „Туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду, по выражению поэта, подпирающую небосклон". Последняя фраза взята из стихотворения Дениса Давыдова „Полусолдат" (1826 г.)

С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека груда снеговая.

По исследованию В. Комаровича[1], путевые записки Шатобриана—„Itinéaiire de Paris..."—„послужили Пушкину жанровым прототипом для его собственного „Путешествия".

С точки зрения критического отбора и использования историко-географического материала „Путешествие" написано с безупречной добросовестностью, и напрасно некоторые ученые пытаются находить у Пушкина ошибки и исправлять их.

Так, Е. Г. Вейденбаум в книге „Кавказская помина о Пушкине", касаясь личности Шейх-Мансура, говорит, что последний был „заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и скончался", в то время как по Пушкину, он умер в Соловецком монастыре. Последнее подтверждает и лучший знаток того времени историк П. Бутков[2].

Неправ Вейденбаум и тогда, когда, „поправляет" Пушкина, назвавшего пост Пернике, на Бекант (где он останавливался, не доезжая до Гумри). Для сторожевого поста, устанавливаемого в зависимости от военных соображений, вовсе не было обязательно располагаться в большом селении, каким был Бекант; пост мог находиться и в Пернике. Правда, Пернике сейчас не фигурирует на картах того района, но по заявлению

---

[1] „Временник Пушкинск. комиссии", вып. 3, стр. 330.
[2] „Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г.", СПБ., 1869, ч. 2, стр. 239.

профессора археологии С. В. Тер-Аветисова, деревня Пернике[нд] существовала.

Еще более неправ Вейденбаум, когда утверждает, что „Пушкин превратно рассказывает обстоятельство“ о мушском паше. Вейденбаум делает следующее „исправление“: „В Эрзерум приезжал не мушский паша просить места для своего племянника, а напротив, Ибрагим-бек, дядя мушского Эмина-паши, прибыл 12 июля 1829 г. просить графа Паскевича об устранении племянника и о даровании ему самому должности в Муше“.

Несомненно, здесь налицо попытка Вейденбаума оговорить Пушкина, чтобы показать свою осведомленность, ибо ясно, что мушский Эмин-паша, находясь в состоянии войны с русскими, никак не мог приехать и явиться „на милость“ Паскевича ради того, чтобы „просить у него места своего племянника[1]“.

К Паскевичу явился не Эмин-паша, а Ибрагим-бек, который, как ставленник русского правительства, был официально назначен мушским пашою, тем более, что часть мушского вилайета с г. Хныс была уже завоевана русскими. Вот почему Пушкин называл его „мушским пашою“. О назначении Ибрагим-бека Паскевич не замедлил тогда же донести Николаю I[2]. Приезжал же Ибрагим-бек „просить место своего племянника“, так как Паскевич далее номинального назначения ничего ему не предоставлял.

Ошибочна у Вейденбаума в некоторых местах также и расшифровка инициалов. Так, основываясь лишь на начальной букве, он считает, что часто упоминаемый в главе 5 „Путешествия“ „Г[осподин] А“ есть — штабс-

---

[1] В известной Вейденбауму редакции было сказано „для своего племянника“.

[2] Акты Кавказск. Археогр. Комиссии, т. VII, стр. 823.

ротмистр Абрамович, „ординарец и приближенный графа Паскевича". (Такое об'яснение получило признание во всех современных изданиях). Между тем, по официальным данным, известно, что Абрамович в это время состоял ординарцем при наказном атамане ген. Леонове.

При Паскевиче состояло немало приближенных лиц, фамилии которых начинались с буквы „А": например, известны ротмистр Адеркас—старший ад'ютант Паскевича, барон Аш—тоже ад'ютант Паскевича; Анненков, Арсеньев, Авалов, Абамелик, Акимов — офицеры кавалерийских частей и другие. Среди них наиболее важную роль при Паскевиче играл Адеркас. Весьма возможно, что он и был тем „А", о котором говорит Пушкин. В должности ст. ад'ютанта Адеркас пробыл недолго. В 1830 г. его имя уже не фигурирует в списках Кавказской армии. Возможно, что он, как и многие другие, вынужден был покинуть службу при Паскевиче. (Числился он в Борисоглебском уланском полку.)

В главе 4 „Путешествия" Пушкин пишет о своей поездке „совместно с поэтом Ю". И опять, без достаточного основания, лишь основываясь на совпадении начальных букв, исследователь Вейденбаум (а за ним и все издатели) считают, что здесь имеется в виду М. В. Юзефович — ад'ютант Раевского. Между тем, А. В. Никитенко, хорошо знавший Юзефовича и подробно говорящий о нем в своем „Дневнике", ни разу не отмечает в нем качеств поэта.

Подготовляя издание „Путешествия" Пушкин проявил огромную заботу о точности текста. „Корректуру „Путешествия" прикажите, однако, присылать ко мне, — пишет он помогавшему ему в издательстве

журнала В. Ф. Одоевскому, — тут много ошибок в рукописи".

Если и встречаются в „Путешествии" неправильности, то их надо об'яснить спешкой, помешавшей автору окончательно выверить текст. Например, переезд через Безобдал у Пушкина указан до Гергер, тогда как он за Гергерами. Если б он проверил это по имевшемуся у него „Маршруту", ошибка, конечно, была бы исправлена.

Неправильное окончание названия города „Тбилис-калар" вместо „Тбилис-калак" также обусловлено опечаткой в первоисточнике; в русском переводе известной книги Гюльденштедта[1], Тбилиси ошибочно обозначен именно так, как в „Путешествий", хотя несколькими строчками ниже показан уже правильно.

Пожалуй, единственной ошибкой в „Путешествии" можно считать то место второй главы, где Пушкин, на вопрос: „Что за гора?". — якобы услышал в ответ: „Это Арарат". Из Гумри нельзя увидеть Арарат. На заданный вопрос ему несомненно ответили: „Арагац" — армянское название горы Алагез. Пушкин же, ослышавшись, записал „Арарат".

„Путешествие в Арзрум", помимо своего огромного значения как литературного произведения, дает в то же время ценный биографический материал и интересные сведения о Кавказе.

---

[1] „Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа", СПБ, 1809 г., стр. 181.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

К ПУТЕШЕСТВИЮ ПУШКИНА В ЭРЗЕРУМ

1829 г. май 1—16 — От'езд из Москвы. Калуга, Белев, Орел. Свидание с Ермоловым. Новочеркасск, Ставрополь, Георгиевск. Поездка в Горячеводск (Пятигорск). Возвращение в Георгиевск.

16 — От'езд из Георгиевска и прибытие в Екатериноград.

18 — От'езд с „оказией" из Екатериноград Ночлег в укреплении Пришиб.

19 — Переезд из Пришиба в укреплениеУрух ское.

20 — Выезд из укрепления Урухское. Ночле в Ардоне.

21 — Прибытие во Владикавказ.

22 — Выезд из Владикавказа, ночлег в Ларсе

23 — Дариал. Сел. Казбек. Встреча с Фазиль-Ханом. Ночлег в Коби.

24 — Выезд из Коби. Крестовый перевал. До лина Арагвы. Ночлег в сел. Квешет у Чи ляева.

25 — Пасанаур. Встреча с персидским принцем Хосров-Мирзою. Ананур. Ночлег в Душете.

26 — Прибытие в Тбилиси.

26 мая по 10 июня. — Пребывание в Тбилиси и Кахетии.

10 — Выезд из Тбилиси в действующую армию. Ст. Коды, сел. Шулаверы, ночлег на Акзибеюкском казачьем посту.

11 — Перевал „Волчьи ворота", гора Акзибеюк, укрепление Джелал-оглы. Встреча с телом убитого Грибоедова. Перевал через Безобдальский хребет. Ст. Амамлы. Деревня и пост Перникенд. Ночлег в укреплении Гумры.

12 — Прибытие в Карс. Ночлег.

13 — В лагере действующего корпуса, расположенного близ сел. Катанлы. Движение через Саганлугский хребет до р. Инжа-су.

14 — Пушкин принимает участие в перестрелке с турецкой кавалерией.

15 — 17 — Лагерное расположение в районе Инжа-су.

18 — Переход на новую позицию при р. Хункер-су.

19 — Поражение кавалерии Гагки-паши и полный разгром Арзерумского сераскира при сел. Каинлы. Пушкин принимает участие в преследовании неприятеля.

20 — Взятие приступом укрепленного лагеря Гагки-паши при урочище Милидюзе. В числе пленных сам паша. Пушкин принимает участие в преследовании неприятеля.

21 — Пушкин возвращается во взятый накануне турецкий лагерь при Милидюзе. Свидание с пленным Гагки-пашою. Переход в Караурган.

22 — 23 — В походе к крепости Гассан-кале.
24 — Выступление из Керпи-кея. Пушкин принимает участие в набеге, вызванном ложным известием о появлении в горах турецкой кавалерии. Ночлег в Гассан-кале.
25 — В походе к Эрзеруму. Ночлег близ сел. Наби-чай.
26 — Войска располагаются на отдых в четырех клм. от города. Паскевич отправляет ген. Бековича-Черкасского в Эрзерум с полномочием вести переговоры о сдаче города.
27 — Занятие укрепленной высоты Топ-даг. Взятие Эрзерума русскими. Пушкин отправляется вместе в Раевским в город. На ночь возвращается в лагерь.
30 — Пленный сераскир и трое пашей доставлены в ставку Главнокомандующего.

Июль 1 — Чтение при торжественной обстановке приказа по случаю взятия Эрзерума.
3 — Высылка пленных пашей в Тбилиси.
7 — Большой парад в Эрзеруме. Пушкин на званном обеде у Паскевича.
10 — Н. Н. Раевский выступает в поход с кавалерией. Пушкин делается гостем Паскевича.
14 — Пушкин готовится к от'езду.
21 — Пушкин выезжает из Эрзерума.

Август 1 — Прибытие в Тбилиси.
6 — Выезд из Тбилиси по Военно-Грузинской дороге.

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

ПРЕБЫВАНИЕ ПУШКИНА НА КАВКАЗЕ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

Ввиду скудности сведений, сообщенных Пушкиным о себе, а также отсутствия каких-либо местных материалов о пребывании его в Грузии, особенно важное значение приобретают записи современников.

Мы узнаем из них немало подробностей о жизни Пушкина на Кавказе, а в некоторых случаях (как у Ханжонкова) находим даже целые новые страницы из его биографии, как например, поездка в Кахетию.

Не все дошедшие до нас воспоминания равноценны. Большинство из них грешит односторонностью: авторы не шли дальше подробного описания банкетов и вечеров, или зарисовки тех военных эпизодов, участником которых был Пушкин. Лишь одному из них— М. Юзефовичу удалось дать материал о Пушкине, насыщенный фактическими данными.

Как это часто случается в мемуарной литературе, встречаются среди воспоминаний современников и явно вымышленные, как например, рассказ Мартьянова, а также записанное Максимовым со слов Е. Палавандова.

Фантазия Мартьянова заставляет А. Бестужева встречаться на Кавказе с Пушкиным, хотя из писем Бестужева прекрасно известно, что он очень сокру-

шался о том, что не смог увидеть на Кавказе Пушкина.[1] На то же жалуется Пушкин в письме к Санковскому[2].

Недостоверен также рассказ Максимова,[3] записанный со слов „печерского князя“ Евсея Палавандова. Уже первое упоминание Палавандова о своей встрече с поэтом в Тбилиси на „роскошном пиру в честь графа Паскевича“ неверен: в приезд Пушкина в Тбилиси Паскевича в городе не было, он находился в армии.

Как мне удалось установить из просмотра ряда материалов в Гос. Центральном архиве Грузии, Е. Палавандов с начала 1829 года по октябрь того же года находился в заточении в Метехском замке за побег в Турцию, и, конечно, никак не мог видеть Пушкина, не го чтобы присутствовать на званном обеде.

Вообще личность Е. Палавандова не заслуживает никакого доверия. Это—известный провокатор, выдавший всех участников „противоправительственного заговора“ 1832 г. в Грузии, и все же угодивший в северные губернии за свои „развратные качества“.

Характерно, что С. Максимов в первых изданиях своей книги „Год на Севере“ этих сведений не помещал, он опубликовал их лишь в четвертом по счету издании.

Из материалов, страдающих неточностями, можно указать на „Воспоминания“ Потокского. В них неверно изложены подробности следования Пушкина по Военно-Грузинской дороге, не сходятся даты с от'ездом Фелькерзама, разговор с Вольховским происходит в армии, тогда как в это время он был в Тбилиси, и так далее.

---

[1] Из письма А. А. Бестужева к Н. Полевому от 9 марта 1833 г.

[2] От 3 января 1833 г.

[3] „Год на Севере“.

Из известных нам материалов мы не помещаем отрывок из книги Ф. Фонтона „La Russie dans l'Asie mineure". Paris. 1840,[1] ибо это лишь пересказ сообщения Н. Ушакова, которое мы приводим ниже.

Воспоминания расположены здесь в хронологическом порядке (в отношении пребывания Пушкина на Кавказе). Из некоторых материалов сделана выборка лишь тех отрывков, в которых либо упоминается Пушкин, либо дается представление о обстановке, а также о тех событиях, в которых он принимал участие.

---

[1] „Россия в Малой Азии", Париж, 1840 г.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ

ВСТРЕЧИ С АЛЕКСАНДРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ПУШКИНЫМ В 1829 г.[1]

I

В 1829 году, в начале лета, ровно через пять лет, освободясь от опеки своих родичей, я с большими надеждами спешил на Кавказ. В Екатериноградской станице, на речке Малке, неожиданно встретил я А. С. Пушкина и тут же познакомился с ним...

В Екатериограде оканчивалась в то время почтовая дорога. Здесь сосредоточивалось все, следующее из России в Тифлис и другие места, а также в армию, оперировавшую в Малой Азии; казенные и частные транспорты, почти со всех мест России, до того были велики, что отправлялись отсюда в одно время на пятнадцати и более телегах, по наряду от казаков, за прогоны, до кр. Владикавказа, отстоящего до 105 верст; таким же образом отправлялись и все проезжавшие по собственному желанию, кто верхом, кто на телеге. Пришлось в вышеупомянутой станице ожидать отправления оказии. Несколько дней Александр Сергеевич очень скучал и, прогуливаясь со мною по станице, любовался прелестными видами гор, убеленных сне-

[1] Из журнала „Русская Старина", 1880 г., т. 28, стр. 576—584.

гом; но когда начали с'езжаться сюда гвардейские офицеры, следовавшие в армию, гражданские чиновники, купцы и прочие путешественники, а также прибыло несколько замечательных личностей (декабристы—И. Е.)—все оживилось; затевались разные развлечения, и, конечно, душою многочисленного общества был А. С. Пушкин. Все потом начало принимать воинственный вид, в ожидании скорого отправления. А. С. Пушкин из первых оделся в черкесский костюм, вооружился шашкой, кинжалом, пистолетом; подражая ему, многие из мирных людей накупили у казаков кавказских нарядов и оружия. Наконец, наступило раннее утро, и под звуки барабана, все зашевелилось, и колонна выступила длинною вереницей; а в виду того, чтобы пехоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки без привалов дело не обходилось. Палящее солнце днем, тихая езда, все это очень нам надоедало. Александр Сергеевич затевал скачки, другие тоже, подражая ему, далёко удалялись за цепь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшим транспортом офицером, предупреждавшим об опасности быть захваченным или подстреленным хищниками. Тогда Пушкин, под'езжая к офицеру, брал под козырек и произносил: „Слушаем, отец-командир!“ — Переходы в длинные, летние дни верст 20 и более тоже очень надоедали; в каждом укреплении располагались на ночлег, и таким образом, только на четвертый день расстояние 105 верст было пройдено, и мы достигли до кр. Владикавказа. На ночлегах начиналось чаепитие, ужины, веселые разговоры, песни, иногда продолжавшиеся до рассвета. Александр Сергеевич очень любил расписывать двери и стены мелом и углем в отводившихся для ночлега казенных домиках. Его рисунки и стихи очень забавляли публику, но вместе с

тем возбуждали неудовольствие и ворчание старых инвалидов-сторожей, которые, заметив где нибудь нарисованную карикатуру или написанное, немедленно стирали все тряпкой; когда же их останавливали, говоря: „Братцы, не троньте, ведь это писал Пушкин“,— го раз один из старых ветеранов ответил: „Пушкин или Кукушкин — все равно, но зачем же казенные стены пачкать, комендант за это с нашего брата строго взыскивает“.—Александр Сергеевич, услыхав такую речь старика-инвалида и подойдя к нему, просил не сердиться, потрепал его по плечу и дал на водку серебряную монету. В кр. Владикавказе — остановка на целые сутки. Все проезжавшие являлись к коменданту, старому кавказскому служаке генералу Скворцову. Многих он пригласил к себе обедать, в том числе и Александра Сергеевича Пушкина.

Во время сытного обеда и доброго кахетинского вина, Александр Сергеевич внимательно слушал рассказы почтенного хозяина об эпизодах из своей кавказской боевой жизни, от души смеялся, подшучивал и делал ему разные вопросы, при которых старик задумывался. „Так по-вашему, генерал, Александр Македонский проходил Дарьяльским ущельем в Индию“. Когда же пир окончился, и все разошлись по квартирам, А. С. Пушкин, взяв кусок мелу, исписал всю дверь стихами, начало коих приблизительно было следующее:

Не черкес, не узбек,
Седовласый Казбек—
Генерал Скворцов
Угостил молодцов—
Славно! и т. д.

Теперь же я должен возвратиться немного назад, ко вчерашнему только что оконченному путешествию

от Екатериноградской станицы сюда—во Владикавказ. Когда наша кавалькада продолжала медленным шагом подвигаться вперед, я старался всегда примкнуть как можно ближе к Пушкину, дабы слушать его интересные речи. Раз он выразил как-то очень резко свое неудовольствие на наше черепашье путешествие. Тут я не выдержал и ответил: „Александр Сергеевич! Будьте терпеливы, мы дождемся, что ваше пророчество сбудется,"—и, указав рукой, поднятою вверх, на чудную картину снеговых гор, громко продекламировал его стихи из „Кавказского пленника".

...И где гнездились вы,—
Пройдет там путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

Александр Сергеевич, крикнув—Браво! Браво!—быстро оборотился ко мне, схватил руку и крепко сжал в своей и, немного помолчав, спросил: „Откуда это вы знаете?"—Тогда я рассказал ему, что все его произведения почти наизусть знаю с самых юных лет. „А ну-те, ну-те, что-нибудь скажите",—ответил он. Я начал с поэмы „Цыгане", и скоро всю наизусть прочел до конца, потом первую главу „Евгения Онегина", и наконец начал „Кавказского пленника", но Александр Сергеевич остановил меня, сказав: „Вы устали, да, у вас прекрасная память; скажите, когда вы все это успели заучить?"—„А вот как,—ответил я.—Еще будучи школьником, часто просиживая ночи, переписывал все появлявшиеся в свет прелестные произведения ваши, потому что они тогда дорого стоили, например, каждая выходившая глава „Евгения Онегина" была в продаже по 5 рублей, а другие сочинения и дороже; потом, прочитав раз—другой, знал уже наизусть".

С этих пор до самого Тифлиса Александр Сергеевич особенно был ко мне внимателен и называл „юным дорожным товарищем“. Тогда мне не было еще 20 лет.

На другой день мы оставили Владикавказ, и все, следовавшие налегке и спешившие в армию, были отправлены верхом на лошадях, а вещи на вьюках, под конвоем полусотни казаков; транспорты же, тяжелые почты и прочее—с ротой пехоты и артиллерией.

Проехав несколько верст, мы вступили в ущелье, а пройдя первую станцию Ларс, вошли в грозную теснину Дарьяльскую; все восхищались нависшими над головою скалами и ревом Терека. За укреплением Дарьяльским и мостом, перекинутым через Терек, теснина начинает расширяться; потом, проезжая сел. Казбек, остановились здесь для перемены лошадей, а пока разбрелись по деревушке и любовались на чудный отсюда вид на гору Казбек и древнюю церковь, монастырь на скате одного из отрогов цепи гор. В самом селении Казбек находится также замечательная по архитектуре небольшая церковь; здесь первое грузинское селение. Обходя церковь, мы увидели сидящего на камне, на самом обрыве над рекой, молодого горца красивой наружности, с русыми волосами и голубыми глазами, чисто одетого в черкеску. Пушкин первый подошел к нему и сделал вопрос по русски: чья эта деревня? Тот ответил чистым русским языком: „Моя“,—и гордо окинул всех нас своими прекрасными глазами; разговаривая с ним, мы узнали, что этот молодой человек был владелец вышеупомянутого селения, князь Михаил Казбек. На вопрос Александра Сергеевича, почему он не едет в армию, где получил бы скоро чин,—князь Казбек ответил ему: „Знаете господин, умрет и прапорщик и генерал

одинаково, — не лучше ли сидеть дома и любоваться этою картиной",—указывая рукой на горы. „Да, ваша правда, князь,— добавил Александр Сергеевич.— Если б эта деревня была моя, и я бы отсюда никуда не поехал".—Впоследствии князь Казбек вступил в службу и дослужился до генерала. Нередко я напоминал ему о нашей первой встрече. Лошади ждали нас, и мы отправились далее к станции Коби. По дороге часто попадались толпы оборванных пленных турок, разрабатывавших наш путь и обращавшихся к проезжавшим за подачками денег или табаку. Около заката солнца прибыли в Коби. Постовой начальник, казачий офицер, не советовал рисковать переезжать ночью через снежные горы Крестовую и Гут, а остаться до утра. Вся публика тотчас согласилась с умной речью, так как все порядочно устали от долгой верховой езды на неудобных седлах, а главное – проголодались; даже и очень торопившиеся в армию наши гвардейцы, и те предпочли остаться ночевать в Коби. В ожидании приготовления чая и ужина, наше общество разбрелось по окрестностям поста любоваться окружавшими его скалами. Не далее как в двух верстах находится довольно большой аул, у самого ущелья, из которого берет свое начало река Терек. Александру Сергеевичу пришла мысль отправиться в этот аул и осмотреть его: все общество, конечно, согласилось, и нас—человек 20—отправилось в путь пригласив с собою какого-то туземца вместо переводчика, так как он оказался довольно знающим русский язык...

На другой день рано утром поднялись на самый верх Крестовой горы. Пушкин первым прискакал к памятнику, сооруженному в 1817 г. в честь А. П. Ермолова,— начальником горских народов, полковником Кананновым,—как гласила надпись на каменном кресте.

Вся покатость и вершина этой горы были покрыты снегом, и не доезжая Чертовой долины, переехали Ледяной мост. Александр Сергеевич гарцовал на добром коне, и плащ его живописно рисовался на белом фоне долины. Благополучно совершив последний перевал через Гут-гору и переменив лошадей на Кайшаурском посту, спустились по очень крутой квишетской дороге в долину реки Арагвы. Здесь нас встретило жаркое лето юга Вообще восхитительные виды гор, скаты которых покрыты раскошною растительностью, приводили всех в неописанный восторг. Здесь мы встретили ад'ютанта главнокомандующего гр. Паскевича, барона Фелькерзама, спешившего в Петербург с донесением государю императору и трофеями о славной победе над турками. Александр Сергеевич крикнул—„ура! —ему вторили другие спутники,—и потом начал советовать гвардейским офицерам спешить в армию: „Война может скоро кончиться, и вы, господа, можете остаться ни причем, на-бобах, и так—марш скорее в Тифлис!“—крикнул еще „ура“ и поскакал вперед. В горах, к несчастью, я схватил простуду; молодой организм не выдержал, и, не доезжая Тифлиса станции за две, я не в состоянии был держаться верхом. Александр Сергеевич позаботился о тележке, уложил меня на сене, и так доставил полуживого в Тифлис. Он был неотлучно подле меня в дороге и придумывал разные средства к облегчению моих страданий. В Тифлисе все наши спутники разместились в единственной в то время небольшой гостинице иностранца Матаси и на другой день уехали в армию; меня больного поместили в крошечной комнатке одного, и тотчас же послали искать доктора. К счастию моему, отыскали доктора Ивана Карловича Депнера.

II

Когда, через несколько дней, я пришел в сознание, доктор, часто навещая меня, передавал о том, как Александр Сергеевич нередко приходил в мою комнату и делал вопрос: „Что, доктор, будет ли жив мой юный спутник?“—Всякий раз просил его постараться поднять меня на ноги; когда же за перегородкой поднимался шумный разговор между путешественниками, Александр Сергеевич всегда удерживал их, напоминая, что здесь близко отчаянно больной, наш юный дорожный товарищ. Эта сердечная доброта его меня трогала до слез и волновала ужасно; тогда доктор предупреждал меня, что болезнь может возобновиться и будет худо. В Тифлисе Александр Сергеевич пробыв несколько дней, уехал в армию, находившуюся под Эрзерумом. Спустя недели две после его от'езда, я начал быстро поправляться и получил позволение доктора выходить на прогулки; первое мое посещение было П. С. Санковскому, тогдашнему издателю и редактору интересных в то время „Тифлисских Ведомостей“,—давнему знакомому А. С. Пушкина. Я имел к нему письмо от сестер его, живших в Малороссии в небольшой своей деревушке. Павел Степанович просил навещать его чаще, и таким образом, спустя недели три после от'езда А. С. Пушкина в армию, когда я сидел у П. С. Санковского за вечерним чайным столом, разговор, как всегда и на сей раз коснулся Асександра Сергеевича. П. С. Санковский заговорил: „Меня беспокоит неизвестность, что теперь там делает Александр Сергеевич и здоров ли он“. — Вдруг дверь с шумом распахнулась и к нам в комнату неожиданно влетел Пушкин и бросился в об'ятия Санковскому. На Пушкине был широкий белой материи турецкий плащ, а на го-

лове красная фесс. На вопросы Павла Степановича — что так скоро вернулся из армии?—Александр Сергеевич ответил:

„Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, дядек; мне крайне было жаль расстаться с моими друзьями, но я вынужден был покинуть их. Паскевич надоел мне своими любезностями; я хотел воспеть геройские подвиги наших молодцов кавказцев; это—славная часть нашей родной эпопеи, но он не понял меня и старался выпроводить из армии. Вот я и поспешил к тебе, мой друг Павел Степанович". Затем обратясь ко мне, взял за руку и проговорил: „Очень рад вас видеть, юный товарищ, воскресшим из мертвых. Когда ворочусь в Россию, вышлю вам все мои безделушки, доселе напечатанные",—и просил дать мой адрес.

Оставив затем и хозяина и гостя вдвоем, я удалился к себе. Потом, на другой и на третий день, я еще встречался с Пушкиным и Санковским и вместе делал прогулки по городу; между прочим, посетили еще свежую тогда могилу Грибоедова, перед коей Александр Сергеевич преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы. На четвертый день пребывания своего в Тифлисе, Пушкин уезжал в Россию, оставив Санковскому на память своего боевого коня, а мне повторил обещание выслать свои сочинения взамен моих рукописных, при том добавил:

„Когда будете в армии, то прошу передать мои поклоны друзьям моим: Вольховскому, Раевскому и другим".

Это поручение меня очень обрадовало, более потому, что я мог узнать подробности неудовольствия

между главнокомандующим гр. Паскевичем" Эриванским и А. С. Пушкиным.

III

Совершенно оправившись от тяжкого недуга, я поспешил в армию с письмами к главнокомандующему от его отца, дяди, брата и проч. Разумеется, я стремился туда с большими надеждами. По прибытии в стан армии, из первых посетил Владимира Димитриевича Вольховского, человека мне очень близкого. От него я узнал некоторые подробности о ссоре Паскевича с Пушкиным. Мне передавали, что когда Александр Сергеевич прибыл в армию, Паскевич принял его очень радушно и даже велел поставить ему палатку возле своей ставки.

Разумеется, Александра Сергеевича более влекла к себе задушевная беседа с товарищем по лицею Вольховским и друзьями Раевским и Муравьевым. У них-то он проводил все свободное время и редко посещал свою палатку. До того он рыскал по лагерю, что иногда посланные от главнокомандующего звать Пушкина к обеду не находили его. При всякой же перестрелке с неприятелем, во время движения войск вперед Пушкина видели всегда впереди скачущих казаков или драгун, прямо под выстрелы. Паскевич неоднократно предупреждал Александра Сергеевича, что ему опасно зарываться так далеко, и советовал находиться во время дела неотлучно при себе, точь-в точь как будто ад'ютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпение Александра Сергеевича Пушкина — стоять сложа руки и бездействовать. Он как будто нарочно дразнил главнокомандующего и, не слушая его советов, при первой возможности, скрывался от него и являлся где-нибудь впереди в самой

свалке сражения. После всего этого вышла открытая ссора — между И. Ф. Паскевичем и А. С. Пушкиным. Наконец, главнокомандующий, видя, что Александр Сергеевич явно удалялся от него, призвал его к себе в палатку (во время доклада бумаг Вольховским), и резко об'явил:

„Господин Пушкин! Мне вас жаль, жизнь ваша дорога для России; вам здесь делать нечего, а потому я советую немедленно уехать из армии обратно, и я уже велел приготовить для вас благонадежный конвой".

Владимир Дмитриевич Вольховский передал мне, что Александр Сергеевич порывисто поклонился Паскевичу и выбежал из палатки, немедленно собрался в путь, попрощавшись с знакомыми и друзьями, и в тот же день уехал. Вольховский передавал мне под секретом еще то, что одною из главных причин неудовольствия главнокомандующего было нередкое свидание Александра Сергеевича с некоторыми из декабристов, находившимися в армии рядовыми. Говорили потом, что некоторые личности шпионили за поведением Пушкина и передавали свои наблюдения Паскевичу, разумеется, с прибавлениями, желая тем выслужиться.

Так окончилась прогулка Александра Сергеевича в азиатскую нашу армию.

N—СО СЛОВ Н. Н. ГЕСЛИНГА

А. С. ПУШКИН У ДУШЕТСКОГО ГОРОДНИЧЕГО[1]

Н. Н. Геслинг, по окончании Царскосельского лицея в 1826 г. служил в Департаменте полиции и в марте 1828 г. был переведен в канцелярию Тифлис. Воен. губернатора начальником отделения, где оставался до октября 1830 г. Геслинг упоминается в письмах Пушкина, как его знакомый.

Пушкин во время поездки в Грузию и Закавказье имел спутником молого графа [В. А.] Мусина-Пушкина, с которым поссорился в дороге; тем более, что экипаж принадлежал Мусину-Пушкину,—он взял свои вещи и отправился пешком до первой станции, которая была г. Душет (в 52 верстах от Тифлиса), надеясь найти по дороге какую-нибудь телегу или арбу, чтобы доплестись до города. Обманувшись в своих ожиданиях и принужденный нести на себе свои вещи под солнцем Грузии (это было весною), он едва имел сил добраться до города. Узнав, что в городе нет ни тра-

[1] Настоящее сообщение извлечено было из бумаг С. Д. Полторацкого, впоследствии изв. библиофила. Впервые напечатано в „Русской Старине“ 1892 г., № 7, стр. 25—27.

ктира, ни гостиницы, ничего, кроме отвратительного нечистотой грузинского духана, он решился отправиться прямо в дом городничего, твердо надеясь найти у него обычное русское гостеприимство. Городничего не было дома: путешественника встретила ключница или управительница и ввела его в комнаты. Пушкин едва доплелся до дивана, упал как полумертвый, снял с себя платье и растянулся на диване. По просьбе его, ключница подала ему для утоления жажды стакана два чихиря (красного вина), и он уже начал засыпать. Внезапно возвращается хозяин дома и, узнав от людей о неизвестном человеке, расположившемся в его гостиной, с шумом и яростью врывается туда и спрашивает у Пушкина, что он за человек и как смел войти к нему? Тот преспокойно, и не думая одеваться, рассказывает ему все, как случилось, и просит извинения в его смелости и нецеремонности. Городничий, не внимая ничему, требует, чтобы он в ту же минуту оставил его дом, грозя в противном случае его вывести.— Тут уже Пушкин решился об'явить ему свое имя, надеясь несомненно на магическое его влияние. Каково же было его замешательство, когда городничий, не изменяя своего тона, об'явил ему, что это все равно, что он какой-то Пушкин и что много их братьев--сочинителей таскается там, и что ему не принимать же всех.— После такого приема, разумеется, Пушкин не заставил себя долго просить и, приехав в Тифлис, не мог не рассказать анекдота, в смех а не в жалобу. Геслинг (товарищ Пушкина по лицею), бывший в то время правителем канцелярии военного губернатора генерал-ад'ютанта Н. М. Сипягина, послал предписание душетскому городничему явиться в Тифлис для об'яснений по делам службы. Можно себе представить, что было с бедняжкою и как ему досталось от неу-

молимой молодежи. Его напоили допьяна и заставили́ на коленях просить прощения у поэта, который больше всех забавлялся приключением. Действующее лицо сей комедии, вероятно, не однажды повторявшейся с знаменитостями, был отставной из кавалерии майор Ягушов или Егушов[1].

---

[1] Настоящая его фамилия—Р. С. Ягулов.

К. И. САВОСТЬЯНОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ[1]

Это письмо—ответ на обращение В. П. Горчакова, большого поклонника Пушкина, к Савостьянову, с просьбой, письменно рассказать о знакомстве с Пушкиным. К. И. Савостьянов приехал в Грузию (по данным Ц. Архива Грузии) из „С. Петербургской губернии" и зачислен коллежским ассесором с 19 февраля 1829 г. В кавказоведческой литературе он упоминается в сообщении М. Тамазова о первой постановке „Горе от ума" в Тбилиси в 1832 г., где Савостьянов участвовал в качестве любителя актера; также упоминается он у барона Торнау в „Воспоминаниях о Кавказе и Грузии". („Русский вестник," 1869 г.)

В бытность Пушкина в Тифлисе общество молодых людей, бывших на службе, было весьма образованное и обратило на себя особенное внимание Пушкина, который встретил в среде его некоторых из своих лицейских товарищей.

Нужно ли говорить о том, с каким восторгом приветствовали все великого поэта на чужбине. Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник, обед, вечер или завтрак, и, конечно, всякий жаждал беседы с ним.

---

[1] Из 37 выпуска „Пушкин и его современники", стр. 149—151.

Наконец, все общество, соединившись, положило сделать в честь его общий праздник, устройство которого было возложено на меня. Из живописных окрестностей Тифлиса не трудно было выбрать клочок земли, где можно бы приветствовать русского поэта. Выбор мой пал на один из прекрасных загородних виноградных садов за рекою Курой. Здесь я устроил праздник нашему дорогому гостю в европейско-восточном вкусе.

Тут собраны были: разная музыка, песенники, танцовщицы, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии. Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в средине сада возвышался вензель с именем виновника праздника. Более 30 единодушных хозяев праздника заранее столпились у входа сада, чтобы восторженно встретить своего дорогого гостя.

Едва показался Пушкин, как все бросились приветствовать его громким „ура“ с выражением привета.

Весь вечер пролетел незаметно в разговорах о разных предметах, в рассказах, смешных анекдотах и пр.

Все веселились от души, смеялись, и одушевление всех было общее. Тут была и зурна, и тамаша, и лезгинка, и заунывная персидская песня, и Ахало, и Алаверды, и Якшиол, и Байрон был на сцене — все европейское, западное смешалось с восточно-азиатским разнообразием. И скромный Пушкин нас приводил в восторг всех, забавляя, восхищал своими милыми рассказами и каламбурами. Действительно, Пушкин в этот вечер был в апотезе душевного веселья; никогда и никто его не видел в таком счастливом расположении духа; он был не только говорлив, но даже красноречив, между тем, как обычно он бывал более мол-

чалив и мрачен. Как оригинально Пушкин предавался этой смеси азиатских увеселений. Как часто он вскакивал с места после перехода томной персидской песни в плясовую лезгинку, как это пестрое разнообразие европейского с восточным ему нравилось и как он от души предавался ребячьей веселости! Несколько раз повторялось, что общий серьезный разговор останавливался при какой-нибудь азиатской фарсе, и Пушкин, прерывая речь, бросался слушать или видеть какую-нибудь тамашу грузинскую, имеретинского импровизатора с волынкой.

Но все имеет свою череду, и наш незабываемый вечер начинал уже сменяться утром. Парчевая синева южного неба начала уже румяниться, и все засуетилось, чтобы оказать радушное хлебосольство нашему незабываемому гостю.

Мигом закрасовался ужинный стол, установленный серебряными вазами с цветами и фруктами и чашами, с грузинскими азарпешами и кулами, и все собрались в теснейший кружок, еще поближе к своему гостю, чтобы наслушаться побольше его речей, наглядеться на него, может быть, в последний раз.

Все опять заговорило, завеселилось, запело, и эту беседу можно было почесть за излияние души одного человека: так задушевное веселье всего общества было стройно.

Наконец, когда поднялся заздравный кубок шипучего „Ай“, все общество снова слилось в одно чувство—живое, пламенное, восторженное чувство. Тут, когда торжественно провозглашен был тост в честь Пушкина, снова застонало в воздушном просторе новое „ура“ при искрах шампанского из заветных кубков, во имя виновника праздника.

Крики „ура“, музыка и пение, чоканье бокалов и звуки дружеских поцелуев смешались. Все ликовало. Когда европейский оркестр во время заздравного тоста в честь Пушкина заиграл марш из „Белой дамы“[1], на русского Торквато надели венок из цветов, посадили в кресло и начали его поднимать на плечах своих при беспрерывном „ура“, заглушавшем гром музыки.

Потом посадили его на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас подходил к нему с заздравным бокалом и выражал ему, как кто умел, свои чувства, свою радость видеть его, благодаря его от лица просвещенных современников и будущего потомства за бессмертные творения, которыми он украсил русскую литературу.

На все эти приветы Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он был тогда проникнут.

Наконец, когда умолкли несколько голосов восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодарил всех нас за то торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: „Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым“.

Когда он перестал говорить, он от избытка чувств бросился ко всем с самыми горячими об‘ятиями и задушевно благодарил за эти незабвенные для него приветы.

До самого утра пировали мы с Пушкиным, и это время, конечно, останется неизгладимым в памяти каждого из нас.

Все описанное мною есть только слабый очерк нашего пира в честь Пушкина.

---

[1] Опера Буальдье.

П. Г. ХАНЖОНКОВ

РАССКАЗ КАВКАЗСКОГО ВЕТЕРАНА О ПУШКИНЕ[1]

Записано со слов есаула Ханжонкова Виталием Пашковым в 1858 г.

В 1829 году я находился на Кавказе, служа офицером в конной донской артиллерии, в 3-й батарее. Временная стоянка наша была в Царских Колодцах, а неподалеку от них, в местечке Кар-Агачах, квартировал Нижегородский драгунский полк. Все офицеры этого полка были хорошо с нами знакомы и по совместным стычкам с горцами, и по служебным отношениям. Я был тогда молод, здоров, любим товарищами и начальниками и вполне наслаждался жизнью. Чуть бывало затишье, и офицеры с'езжаются к кому-нибудь из товарищей: карты, выпивка, охота, и весело проводим время. Молодцы офицеры—один другого не выдавали; любили службу, любили и погулять в веселой компании. Начальник наш, Андриянов, поехал погостить в Кар-Агачи, куда и я отправился с рапортом к нему. Погода стояла теплая и ясная.

Вот приезжаю я в Кар-Агачи часов в 10 утра, на лихом донском коне, проехал шагов двести, как отворяется окно, и знакомый драгунский офицер Папков кричит: „Ханжонков. Заезжай к нам, пожалуйста, за-

[1] Из газеты „Кавказ", 1880, № 182

езжай!"—Поздоровавшись с Папковым, я сказал, что заехать теперь не могу, потому что спешу с рапортом, а на возвратном пути непременно заеду. В это время подошел к открытому окну незнакомый мне господин, в статском сюртуке серого цвета и, обращаясь ко мне, сказал: „Да заезжайте же хотя на минуту".—Не могу об'яснить, почему, но я невольно повиновался приятному голосу этого незнакомца и заехал к Папкову. Вхожу в комнату, здороваюсь с Папковым и кланяюсь незнакомцу. Тогда Папков, указывая мне на этого господина, спрашивает: „Знаешь, кто это такой?"—Я отвечал, что не имею удовольствия знать. „Это Александр Сергеевич Пушкин",—сказал Папков.—Представьте же себе, как я был озадачен этим именем и самим Пушкиным, хотя и знал, что он был тогда на Кавказе. Сначала я сильно сконфузился и не помню уже, как отрекомендовался ему. Пушкин улыбнулся, пожал мне руку, тут же назвал меня другом и приказал подать шампанского: „Запить здоровье новаго друга", — как он выразился. Несмотря на такой любезный прием, я был точно в лихорадке, и невольная робость одолела меня, потому что молва о поэте Пушкине была всеобщая; молодежь сильно интересовалась им, и каждый из нас знает по нескольку его стихотворений наизусть.

И вдруг совершенно неожиданная встреча, знакомство и дружеский прием поэта. Даже и теперь, на старости, я чувствую истинное удовольствие при воспоминании этого знакомства и благородного характера Пушкина, о чем сейчас и расскажу вам. Между тем, начали входить драгунские офицеры, и скоро собралось их у Пушкина и у Папкова человек двенадцать. В числе офицеров пришел и мой приятель, Николай Михайлович Караяни. Прошло уже несколько дней, как Пушкин приехал в Кар-Агачи; со многими

офицерами он был знаком и прежде, особенно же с Папковым, кажется, дальним его родственником; с прочими же офицерами живо знакомился, встречал и принимал каждого из них как знакомого приятеля. За то же и офицеры любили его за живость ума, остроту слов, веселость и славное такое обращение со всеми. Пушкин был тогда еще очень молод, и пылкая натура его платила такую же дань молодости, как и все мы смертные. Надо сказать, что Александр Сергеевич любил-таки и покутить в кругу молодежи, занимая и увлекая всех разделявших с ним пирушки. Скоро подали закуску с винами и шампанским; закусили, и начались тосты: при этом Пушкин сказал такой экспромт, от которого мы повалились со смеху и закричали ему „браво“. Я уже запоздал и спешил идти, но подгулявшие офицеры еще удерживали меня, да, спасибо, выручил Александр Сергеевич; обращаясь к офицерам, он сказал: „Господа, пусть идет, у него, есть дело“. Потом ко мне: „Смотри же, Ханжонков, на обратном пути к нам поскорее, а если не заедешь, то назову тебя злодеем“.— Вручивши рапорт начальнику батареи Андрианову и получа словесное приказание, спешу к Пушкину и Папкову. Папков был богатый офицер, красивый и общий любимец. Когда я вошел к ним, Пушкин подошел ко мне, пожал руку и сказал: „Спасибо“.— Офицеры также благодарили. Каждый держал себя просто, нараспашку, как у лучшего приятеля. Было уже три часа, и в смежной комнате готовили к столу. Но по служебным обязанностям остаться обедать я не мог, несмотря на приглашение Пушкина и Папкова, взявших с меня слово приехать к ним поскорее. Я простился и уехал в Царские Колодцы. Справившись по службе, я на третий день снова приехал в Кар-Агачи, да еще и с двумя

эфицерами нашей батареи. Приехали мы прямо к Папкову и Пушкину, и они встретили нас по-приятельски. Пушкин получил тогда из Петербурга порядочный куш денег за свои сочинения, и потому у него постоянно было много офицеров, и шампанское лилось рекой. Сам он был душою общества, и мы ловили каждое его слово. Задаст вдруг тему, и начнется между молодежью общий живой разговор: а сам-то он говорит увлекательно, красноречиво, так и сыплет; замолчим и слушаем. Вдруг скажет экспромт в стихах или присядет, напишет стихи и прочтет нам отрывки из „Кавказского пленника". Все мы искренно приветствовали Пушкина и запивали шампанским. Восторженный поэт и нас восторгал каким-то особенным чувством. Голос у него был славный, звучный и приятный; глаза постоянно искрились, а когда он поворачивал голову, то кудрявые волосы его сотрясались. На всех офицеров Пушкин имел большое влияние и, как магнит, притягивал к себе. Двое суток мы пировали у Пушкина и у Папкова, как вдруг веселье наше было прервано весьма неприятной историей. Когда кизлярка, шампанское и другие напитки порядочно отуманили у некоторых головы, тогда между офицерами начались такие откровенности, каких и не должно бы быть. Хозяин и любимец Пушкина, Папков, выразился очень резко на счет уважаемой дамы—жены полковника N. и при этом задел намеком Караяни. Караяни вспылил, начались крупные речи, и кончилось тем, что Караяни вызвал Папкова на дуэль.

Случилось это неожиданно, вдруг, и никто уже не мог остановить ссору, и даже сам Пушкин. Сильно раздраженные Караяни и Папков оба обратились к Пушкину с просьбою—быть у них секундантом. Горячо и настойчиво уговаривал соперников, Пушкин, что-

бы они прекратили ссору и примирились. И как превосходно говорил он, обращаясь то к Караяни, то к Папкову. Все мы также просили их примириться, но напрасно; они были непреклонны и просили Пушкина в секунданты. Видя, что убеждения не помогли, огорченный и задумавшийся Пушкин начал ходить по комнате. Ожидали его ответа. Пушкин остановился и, обращаясь к Караяни и Папкову, сказал: „Хорошо, господа, у одного из вас я буду секундантом, по жребию, а другого секунданта вы позвольте выбрать мне. Согласны?"—Караяни и Папков согласились. Время и место были назначены: завтра, в шесть часов утра, в небольшой рощице близ Кар-Агачи; драться на пистолетах. Решимость Пушкина быть секундантом и удивила нас, и порадовала. Пушкин сделал два билета, написал фамилии соперников, положил в шапку и поднес Караяни и Папкову. Они вынули билеты: Пушкин—секундантом у Папкова. Секундантом Караяни Пушкин избрал князя Мадатова[1]. Караяни сейчас ушел, а через полчаса Пушкин просил и Папкова идти к одному из офицеров и там оставаться, пока Пушкин не позовет его.

Когда Папков ушел, Пушкин выслал прислугу, затворил двери, сообщил всем нам план предстоящей дуэли и убедительно просил содействовать, на что все офицеры охотно согласились и дали слово хранить все сообщенное им в глубокой тайне. Пушкин был сильно встревожен, хотя и старался казаться спокойным. Нас, офицеров, было двенадцать человек, и почти бессонную ночь мы провели у Пушкина. Сам он не спал и два раза уходил куда-то с Мадатовым. Вот

---

[1] Известный азербайджанский поэт, писавший под псевдонимом Мирза-Джан.

начало рассветать, и все офицеры, кроме Мадатова, ушедшего вперед, вышли от Пушкина с большою осторожностью и направились к рощице, к которой через полчаса приехал Караяни с Мадатовым, а вслед за ними и Папков с Пушкиным. Пушкин поздоровался с Караяни и Мадатовым, переговорил с последним, и когда соперники стали на указанных местах с пистолетами, тогда Пушкин, обращаясь к ним, сказал: „Господа, прошу слушать команду—стрелять по третьему разу. Начинаю: „раз". Вдруг заиграл оркестр музыкантов, искусно скрытый в рощице, а мы, офицеры, каждый с двумя бутылками шампанского в руках, мгновенно стали между Караяни и Папковым...

Такая неожиданность сильно их озадачила, и они зароптали, особенно Караяни. Но тут уже Александр Сергеевич действовал как истинный гений-примиритель и говорил с такою силою и увлечением, что не только мы, но и соперники были тронуты. Помню слова Пушкина: „Господа. Если совершится убийство, то оно погубит и меня с вами, и всех нас. Умоляю вас именем бога и России — помиритесь". Пушкин был страшно взволнован, тяжело дышал, и сверкающие глаза его наполнились слезами; быстро подходил он то к Караяни, то к Папкову, но они не поддавались. Наконец, Папков опустил пистолет, подошел к Караяни и сказал: „Караяни, я не прав перед тобою за сказанные вчера оскорбительные слова и прошу меня извинить". Караяни подал руку Папкову. Все обрадовались и бросились обнимать и целовать Караяни, Папкова и Пушкина. Шампанское полилось рекой, и распили его несколько дюжин; пили и музыканты, щедро одаренные офицерами. Так счастливо окончилась эта дуэль и оставила самое отрадное воспоминание в жизни. Пушкин очаровал меня, и я почувствовал благогове-

ние к этому отличному человеку. Да и все общество офицеров было под влиянием таких же чувств, тем более, что Пушкин не показывал и вида своего несравненного преимущества над нами, а держал себя как лучший друг-товарищ и пил с нами шампанское как лихой гусар.

Еще целые сутки пировали мы неразлучно у поэта и только на другие сутки я и товарищи мои простились с Пушкиным, с офицерами и уехали из Кар-Агачей.

Потом я еще раз повстречался с Александром Сергеевичем Пушкиным в Азиатской Турции, на Саганлуге, за Карсом.

Верхом на великолепной арабской лошади он подъехал вместе с Караяни к нашей батарее. Издали узнал меня и закричал: „Здравствуй, Ханжонков. А что, тебя еще не убили?“ — „Слава богу, Александр Сергеевич, как видите — жив и здоров“. — „Ну, и слава богу“. — Офицеры сейчас же окружили его. Минут с пятнадцать он побеседовал с нами, спросил о здоровьи знакомых ему офицеров, простился с нами и вместе с Караяни уехал к следующей батарее. Это было последнее свидание мое с незабвенным Александром Сергеевичем Пушкиным.

В роковую минуту для него не нашелся посредник-благодетель, каким он был сам, и пал безвинно гениальный человек, литературной и народной нашей славы...

М. В ЮЗЕФОВИЧ

ПАМЯТИ ПУШКИНА[1]

М. Юзефович—воспитанник Московского университетского Благородного пансиона; окончил курс в 1819 г., с 1821 г. на военной службе. Принимал участие в персидской и турецкой войнах, состоя ад'ютантом у Н. Н. Раевского. В 1828 г. под Ахалцыхом был ранен. О нем упоминает в своем „Дневнике" А. Никитенко.

...Я встретился с Пушкиным в 1829 году, когда ему было уже 30 лет, и при условиях, очень благоприятных для сближения между людьми: на боевых полях Малой Азии, в кругу близких ему и мне людей, под лагерною палаткой, где все живут нараспашку. Хотя время, проведенное мною с ним, было непродолжительно, всего пять-шесть недель, но зато все почти дни этих недель я с ним проводил неразлучно. Таким образом, я имел возможность узнать его хорошо и даже с ним сблизиться. Он жил с Николаем Николаевичем Раевским, а я жил с братом его Львом, бок-о-бок с нашим двадцатисемилетним генералом, моим однолеткой, при котором мы оба были ад'ютантами, но не в ад'ютантских, а дружеских отношениях, начавшихся еще в Персии.

Первое мое знакомство с Пушкиным было довольно оригинально. Я лежал в пароксизме лихорадки, бив-

[1] Из журнала „Русский Архив", 1880 г., кн. 3, стр. 434—445.

шей меня по-азиатски; вдруг я слышу, что кто-то подошел к палатке и спрашивает: дома ли? На этот вопрос Василий, слуга Льва Пушкина, отвечает, открывая палатку: „Пожалуйте, Александр Сергеевич".—При этом имени я понял, что Пушкин, которого мы ждали, приехал. Я, разумеется, был очень рад взглянуть на него, и, когда он вошел, я приподнялся на кровати и стал, со стуком зубов, выражать сожаление, что лихорадка мешает мне принять его, как бы я желал, в отсутствие его брата. Пушкин пустился, с своей стороны, в извинения и, по выходе, стал выговаривать Василию, что он впустил его, ничего не сказавши о больном. На это Василий отвечал очень серьезно: „Помилуйте, Александр Сергеевич, ведь я знал, с каким нетерпением вас ожидал Михаил Владимирович и какое удовольствие доставит ему ваше знакомство".— После пароксизма я отправился к Раевскому, где и познакомился с поэтом, подтвердив ему, что Василий был совершенно прав.

Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а был вполне белокож и с вьющимися волосами каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким и остался брат его Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу.

Черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренского, похож безукоризненно. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость

о себе. Носил он и у нас щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове; а потому солдаты, не зная кто он такой и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, которым командовал Раевский, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой.

Он был чрезвычайно добр и сердечен. Надо было видеть нежное участие, какое он оказывал донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастие возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева, по подозрению в какой-то интриге, по делу о преобразовании войска Донского. У него, между прочими преследованиями, отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архивах по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы.

...Во всех его речах и поступках не было уже и следа прежнего разнузданного повесы. Он даже оказывался, к нашему сожалению, слишком воздержанным застольным собутыльником. Он отстал уже окончательно от всех излишеств.

...С Пушкиным был походный чемодан, дно которого было наполнено бумагами. Когда речь зашла о прочтении нам еще ненапечатанных „Бориса Годунова" и последней песни „Онегина", он отдал брату Льву и мне этот чемодан, чтоб мы сами отыскали в нем то, чего нам хочется. Мы и нашли там тетрадь „Бориса Годунова" и отрывки „Онегина", на отдельных листках. Но мы этим разумеется не удовольствовались, а пересмотрели все и отрыли, между прочим, прекрасный чистый автограф „Кавказского пленника". Когда я

показал Пушкину этот последний, говоря, что это драгоценность, он, смеясь, подарил мне его; но Раевский, попросив у меня посмотреть, об'явил, что так как поэма посвящена ему, то ему принадлежит и чистый автограф, и Пушкин не имеет права дарить его другому. Можно себе представить мою досаду! Я бросился отнимать у Раевского, но должен был уступить его ломовой силе. После Раевский, взяв с меня честное слово возвратить, дал мне эту рукопись, чтобы выписать из нее места, пропущенные в печати.

Жаль мне и теперь этого автографа, так как у Раевского он пропал бесследно: ни у вдовы, ни у сыновей его не оказалось. Взамен отнятого у меня подарка, Пушкин дал мне другой автограф „К морю" тоже чистый, но с поправками и с добавлением лучшей строфы о Байроне сбоку:

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, глубок, могуч и мрачен,
Как ты, ничем неодолим.

Там же мы нашли неизвестную еще тогда прекрасную элегию: „Надеждой сладостной младенчески дыша..."

„Бориса Годунова" и отрывки последней части „Онегина" Пушкин читал нам сам. Он, по-моему, не был чтецом-мастером: его декламация впадала в искусственность. Лев Сергеевич читал его стихи лучше, чем он. При чтении „Бориса Годунова" случился забавный эпизод. Между присутствовавшими был генерал М [ерлини], известный прежде всего своим колоссальным педантизмом. Во время сцены, когда самозванец, в увлечении, признается Марине, что он не настоящий Димитрий, М. не выдержал и остановил Пушкина: „Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну, а если она его выдаст?"—Пуш-

кин с заметной досадой: „Подождите, увидите, что не выдаст".

После этой выходки, Пушкин об'явил решительно, что при М. он больше ничего читать не станет; и когда, потом, он собрался читать нам „Онегина", то поставлены были маховые, чтоб дать знать, если будет к нам идти М. Он и шел; но, по данному сигналу, все мы разбежались из палатки Раевского. М. пришел, нашел палатку пустою и возвратился во-свояси. Тогда мы собрались опять, и чтение состоялось.

...Из Эрзерума Пушкин уехал обратно. Помню, как, сев на коня, с последним рукопожатием, он сказал мне: „До свидания в Петербурге". Но увы, этому свиданию не суждено было состояться: я не попал в Петербург до его смерти.

Э. В. БРИММЕР

СЛУЖБА АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ОФИЦЕРА[1]

Прослужив долгие годы на Кавказе, Бриммер участвовал и в турецкой войне 1828/9 гг., командуя батареей.

В этой войне он принял участие с главными силами корпуса и был, таким образом, свидетелем пушкинского пребывания в армии.

„...Первый переход наш был к подошве Саганлуга, куда вечером приехал поэт А. Пушкин, чтобы состоять при Паскевиче. Он жил у Николая Николаевича Раевского — командира Нижегородского драгунского полка.

...26 (июня) рано утром двинулись к столице турецких владений в Азии. (Эрзерум). Турки занимали гору Топ-даг, перед самым городом; скоро ее очистили и поставили батареи. Вокруг всего города были выстроены батареи, которые открыли по нас почти безвредный огонь. Когда батарейная рота 21-ой бригады стала на позицию и снялась с передков, я со своею ротою следовал, чтобы занять подле нее место. Главнокомандующий, со штабом, верхом на сером трухменском коне стоял тут же; несколько офицеров были пешие; Пушкин стоял перед главнокоман-

[1] Из „Кавказского сборника", т. XVI., стр. 80—83.

дующим на чистом месте один. Вдруг первый выстрел из батареи 21-ой бригады. Пушкин вскрикивает—„Славно!“ Главнокомандующий спрашивает: „Куда попало?“ —Пушкин, обернувшись к нему: „Прямо в город“.— „Гадко, а не славно“,—сказал Иван Феодорович.

Скоро все выстрелы умолкли.

Н. И. УШАКОВ

Ближайший помощник В. Д. Вольхорского, Ушаков был участником событий на фронте и среди огромного количества официальных документов и сводок, конечно, мог лучше чем кто-либо представить участие Пушкина. Свою книгу он преподнес Пушкину (через Павлищева) летом 1836 г.[1]

Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш Александр Сергеевич Пушкин. Он прибыл к нашему корпусу в день выступления на Саганлуг и был обласкан графом Эриванским. Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу, находившуюся под начальством подполковника Басова. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною

---

[1] Из книги „История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах". Изд. 2-ое, Варшава, 1843 г., стр. 303.

новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев пред собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний дебют любимца муз на Кавказе.

А. С. ГАНГЕБЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАБРИСТА[1]

За соучастие в декабрьских событиях, Гангеблов был переведен из гвардии Измайловского полка на Кавказ, где принял участие в турецкой войне с 8 пионерным батальоном. Своими сослуживцами он имел М. Пущина и П. Коновницына.

В кампанию 1829 г. случилось обстоятельство, выходящее из ряда обыкновенных, это арест генерала Раевского (прикосновенного к декабризму).

Другая интересная особенность кампании 1829 года, это участие в ней поэта Пушкина. Паскевич очень любезно принял Пушкина и предложил ему палатку в своем штабе; но тот предпочел не расставаться со своим старым другом Раевским: с ним и занимал он палатку в лагере его полка; от него не отставал и при битвах с неприятелем. Так было между прочим в большом Саганлугском деле. Мы, пионеры, оставались в прикрытии штаба и занимали высоту, с которой, не сходя с коня, Паскевич наблюдал за ходом сражения. Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы завидели скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин, в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре

[1] Из книги „Воспоминания декабриста", Москва, 1888 г., стр. 187—188.

на голове. Осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому. Во время пребывания в отряде Пушкин держал себя серьезно, избегал новых встреч и сходился только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым.

М. И. ПУЩИН

ВСТРЕЧА С А. С. ПУШКИНЫМ ЗА КАВКАЗОМ[1]

Лишенный всех прав состояния и разжалованный в солдаты за участие в декабрьских событиях, Пущин принял участие сперва в персидской войне, затем в турецкой. Несмотря на свое бесправное состояние, он сразу выдвинулся как незаменимый военный инженер; среди сослуживцев он сказался как лучший товарищ.

С Пушкиным он был знаком еще в лицейские годы, когда ему приходилось посещать своего брата Ивана Пущина, обучавшегося в Лицее вместе с Пушкиным.

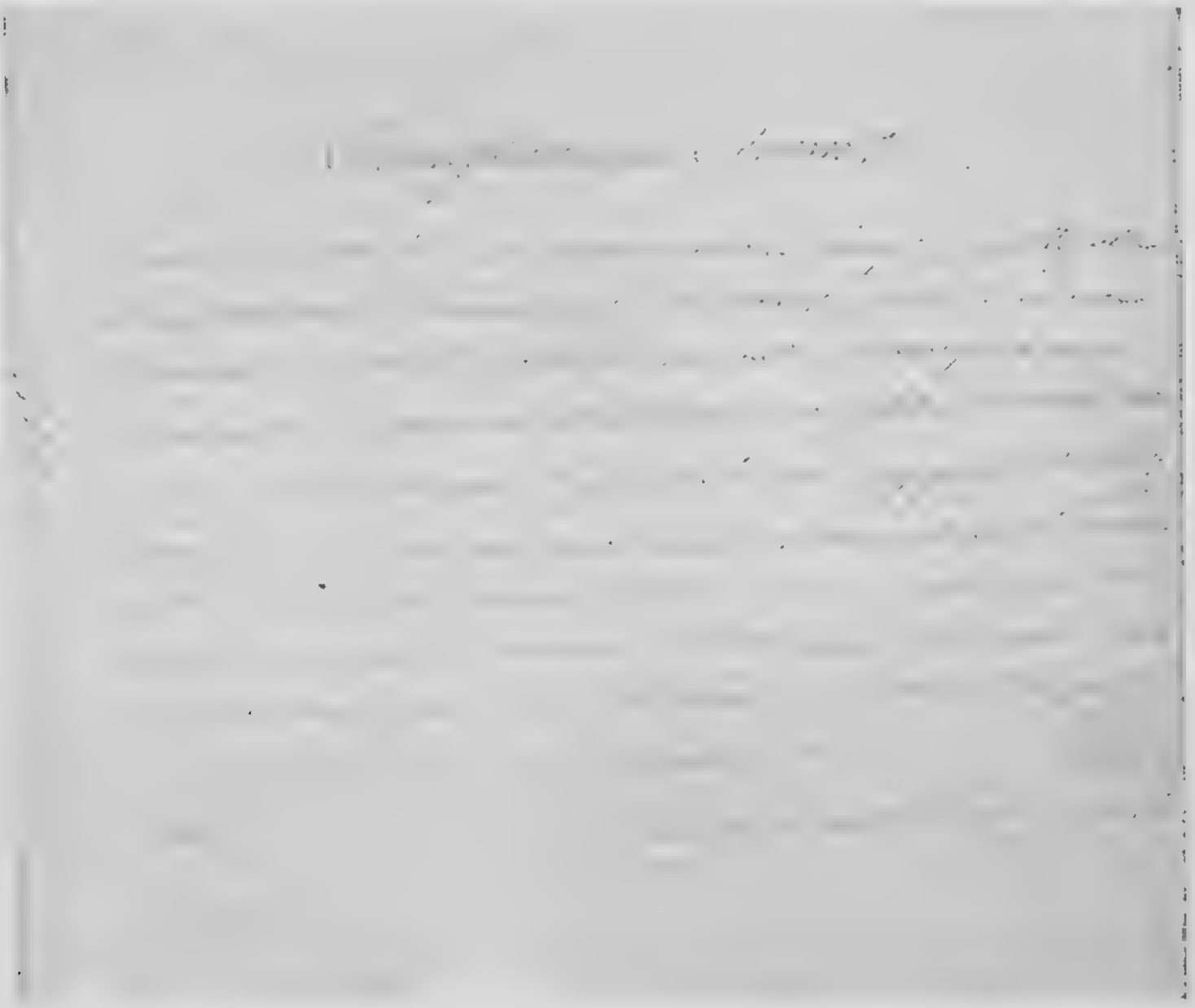
...В 1829 году, по собрании всего отряда в Карсе, мы присоединились к Панкратьеву, который выдвинут был на Арзерумскую дорогу.

...Однажды уже в июне месяце, возвращаясь из раз'езда, до самого лагерного расположения турок на высоте Мелидюза, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречею с неприятелем, встречею, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: „Ну, скажи Пущин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай пожалуйста

[1] Из журнала „Русский вестник“ за 1893 г. № 9, стр. 160—167.

мне видеть то, зачем сюда за такими препятствиями приехал".—„Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр; полагаю даже, что они сегодня вызовут нас из нашего бездействия..."

...В первых числах июля я выехал из Арзерума с поручением главнокомандующего... В Тифлис я прибыл в конце июля. Там ко мне, для следования в Пятигорск к водам, присоединился Дорохов...



Открытый лист, выданный А. С. Пушкину на проезд от Минеральных вод до Георгиевска

Во Владикавказе пришлось мне ожидать несколько дней оказии... Неожиданно прибегает ко мне Пушкин, об'являя, что он меня догонял, чтобы вместе ехать на воды. Все прекрасно обошлось во время нашего сле-

дования... до Горячеводска. Ехали мы втроем в коляске; иногда Пушкин садился на казачью [illegible]...

Приехавши в Пятигорск, я [illegible] все осмотреть и [illegible] с собою [illegible] он отказался, говоря, что знает тут все, как свои пальцы, что очень устал и желает отдохнуть. Это уже было в начале августа...

ИЛ. РАДОЖИЦКИЙ

[illegible][1]

[illegible] ском фр[illegible] ния и вр[illegible] ие“, „О[illegible] же н[illegible] ние Ла[illegible] на

[illegible] тие Ар[illegible] доро-гами [illegible] ска. П[illegible] но гряни[illegible] ьшой един[illegible] роне, куд[illegible] и м[illegible] ы, в бел[illegible] ых шубах, по-дарен[illegible].

В[illegible] в лагере мяс-ную [illegible] и штаб-офицеры до м[illegible] обед. Всех при-глашенных [illegible] собралось до 60 особ[illegible] армянских архиер[illegible] на обеде присутствовали: Панкратьев, Муравьев, Гилленшмидт, князь Бекович,

[1] Из „Военного журнала“, ч. I—VI, 1857 г., стр. 73—78.

Голицын, Фридрихс, Сергеев и Леонов, также все командиры полков и артиллерийских батарей и все чиновники главной квартиры. Таким образом, кроме упомянутых особ, сидели за длинным столом дипломаты, лекаря, походный почтмейстер, протоиерей, обер-аудитор, донские офицеры, чеченцы и живописец академик Мошков. Тут же увидел я, чуть ли не в первый раз, нашего поэта Александра Сергеевича Пушкина, в черном фраке, с приглаженной головкою и с выпущенными из галстуха фаворитками; выдававшаяся нижняя часть лица его, осененная густыми бакенбардами, обнаруживала в нем африканское происхождение, а вместе с тем выражала пылкость чувств и силу страстей: небольшие глаза его блестели живостью и остротою ума. За этим же столом сидел и Бей-Булат с двумя товарищами.

Впродолжение обеда гремела музыка и русские песни под окнами, на тесном дворике.

...По утру я ездил за приказанием к генералу Раевскому. У него застал я поэта Пушкина, в полголоса напевавающего романс.

ДОКУМЕНТЫ О СЛЕЖКЕ ЗА А. С. ПУШКИНЫМ

Секретно

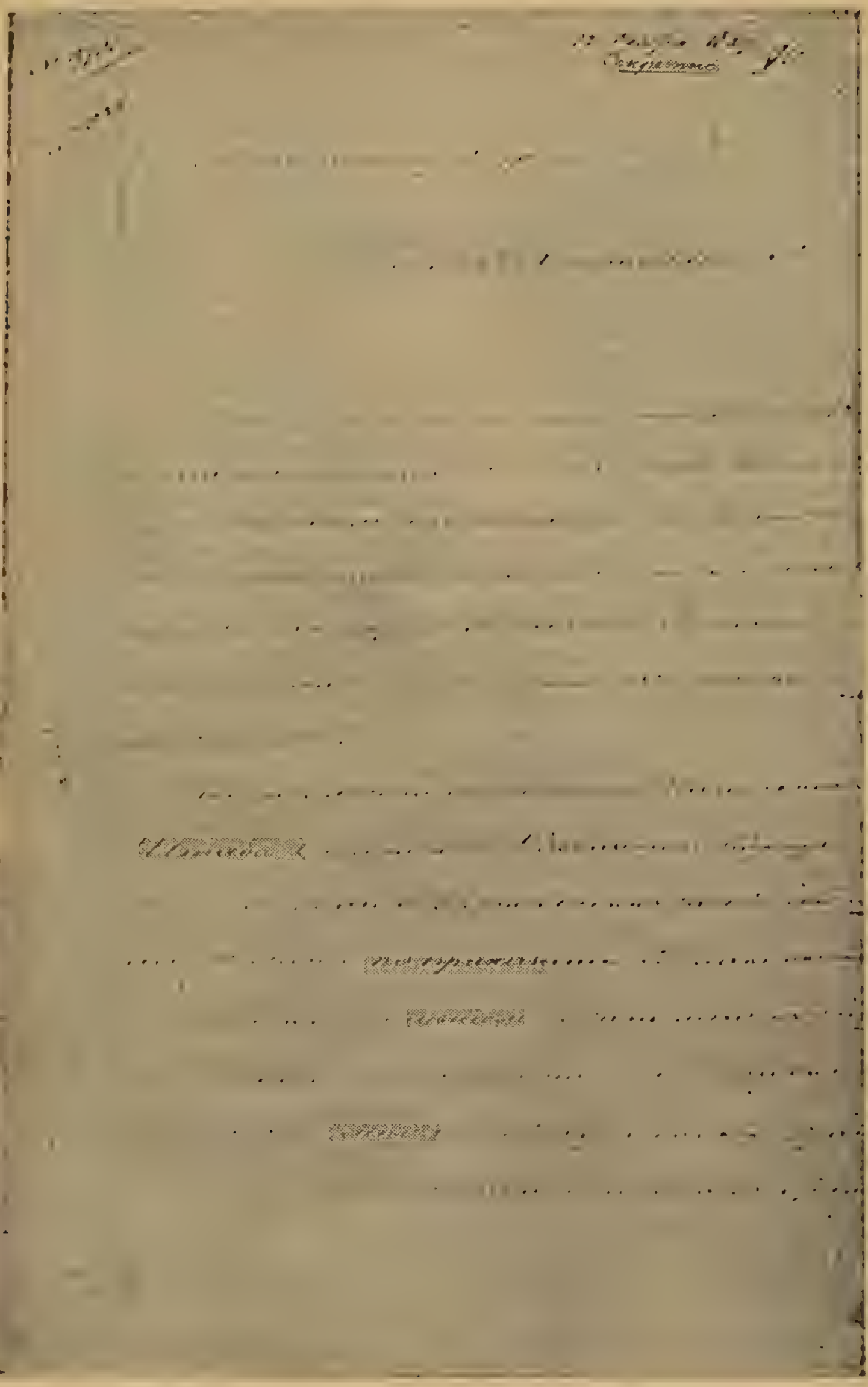
Милостивый Государь
Степан Степанович!

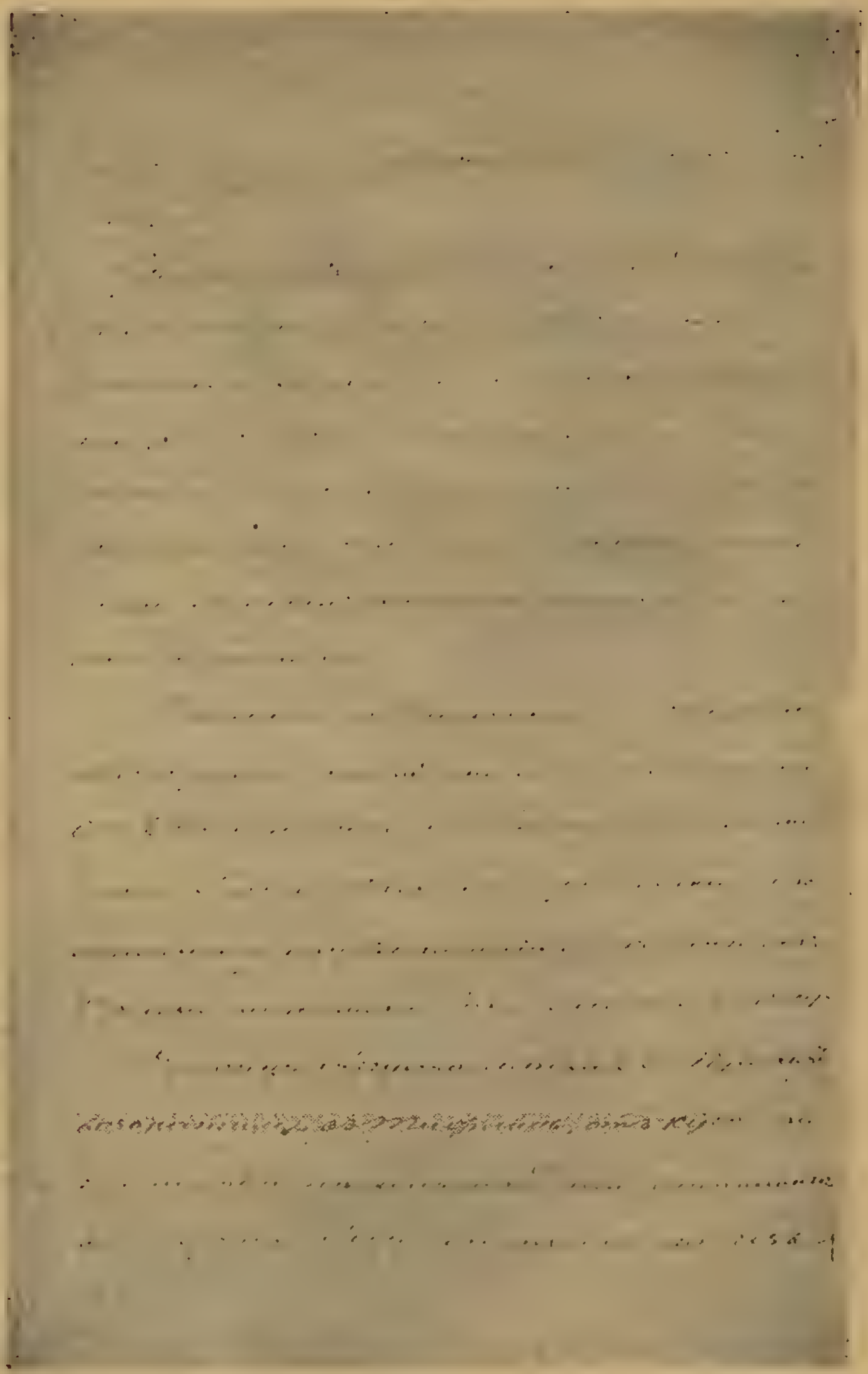
Государь Император, осведомясь из публичных известий, что известный по отечественной словесности Стихотворец, Александр Сергеевич Пушкин, раз'езжая в странах за-Кавказских, был даже в Арзеруме, Высочайше повелеть мне изволил отнестись к Вашему Пре-ву, чтобы Вы, М. Г., изволили призвать к себе Г. Пушкина, и спросили его по чьему псвелению он предпринял сие путешествие и по каким причинам, против данного им мне обещания, не предуведомил он меня о своем намерении отправиться в те страны, но исполнил сие без моего на то согласия? При сем случае, Ваше Пре-во не оставите заметить Г-ну Пушкину, что сей его поступок легко почесть может своеволием и обратить на него невыгодное внимание.

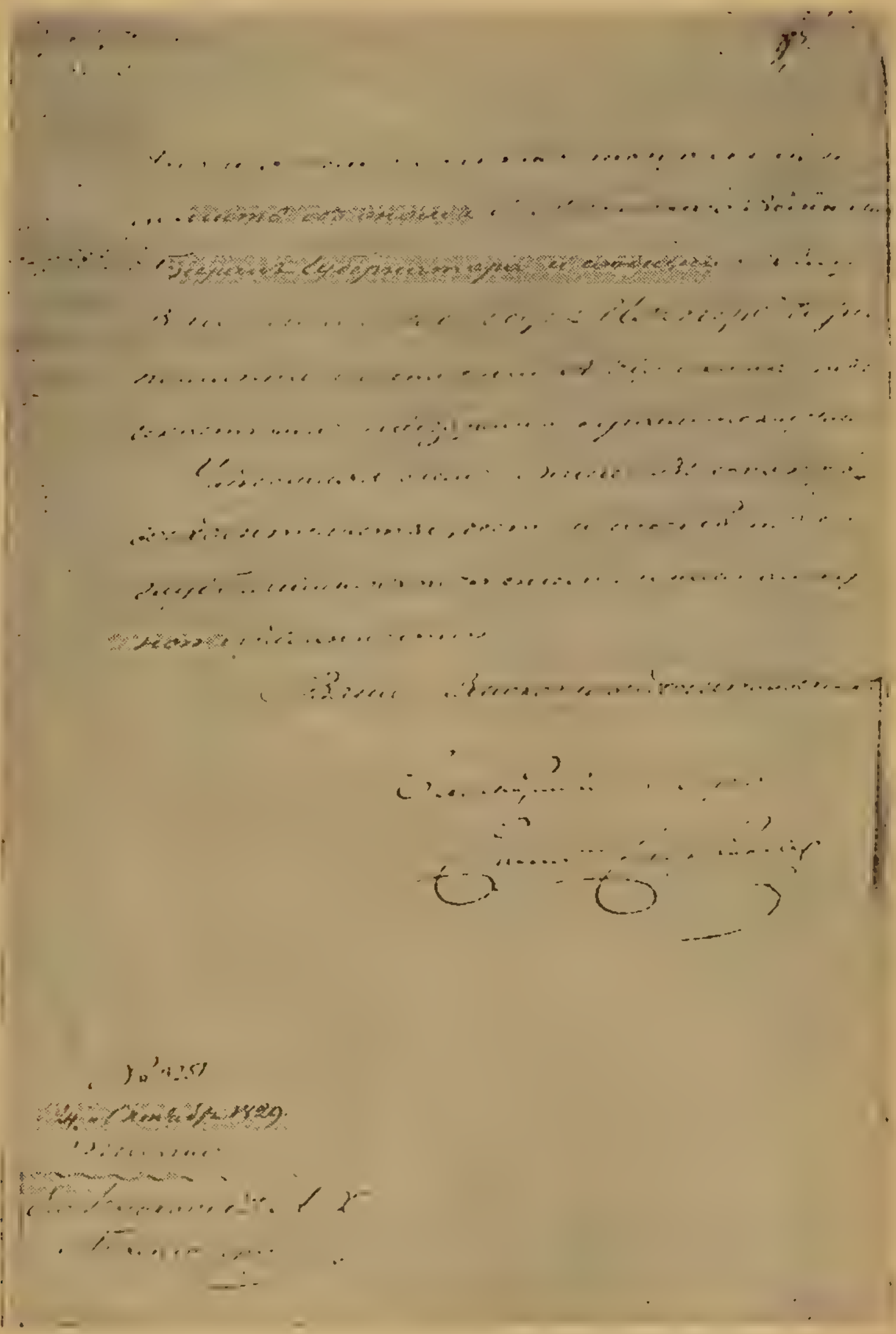
Прося покорнейше о последующем почтить меня благосклонным уведомлением, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Подписал: *А. Бенкендорф.*

№ 4144
1 Октября 1829
Его Пре-ву С. С. Стрекалову.







Секретно

Милостивый Государь
Александр Христофорович

Почтительнейшим отношением от 1-го числа настоящего октября Ваше Высокопревосходительство изволите требовать от меня уведомления по чьему повелению известный Стихотворец Александр Пушкин предпринял путешествие из Тифлиса в Арзерум?

Исправлявший должность Начальника Штаба Отдельного Кавказского Корпуса Генерал-Майор Барон Остен-Сакен уведомил меня по приказанию Главнокомандующего в минувшем мае месяце, о путешествии предпринятом Г. Пушкиным в марте месяце в Закавказский край и просил меня по прибытии его в Грузию иметь за ним надлежащий секретный надзор.

Имея в виду Высочайшее Его Императорского Величества повеление о состоянии Александра Пушкина под надзором Правительства я кроме того, что предписал Грузинскому Гражданскому Губернатору, наблюдать за его поведением, лично обращал на образ его жизни надлежащее внимание.

Путешествие Пушкина из Тифлиса в Арзерум произведено им по дозволению Его Сиятельства Г. Генерал-Фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванского, изъясненному в предписании его ко мне от 8-го числа минувшего июня месяца за № 194-м.

В конце августа месяца Г. Пушкин возвратился в Тифлис, откуда по прошествии нескольких дней отправился в Москву. Перед от'ездом его из Грузии, я счел нужным тогда же уведомить об оном Г, Московского Военного Генерал-Губернатора и сообщил ему Высочайшее Государя Императора повеление о состоянии А. Пушкина под секретным надзором Правительства.

Уведомляя о сем Ваше Высокопревосходительство, честь имею быть с глубочайшим почтением и равномерною преданностью

Вашего Высокопревосходительства
Всепокорнейший слуга
Степан Стрекалов.

№ 3351
24 октября 1829
Тифлис
Его Высокопре-ву А. Х. Бекендорфу.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5
Подготовка к [illegible] в [illegible] 7
На Северном [illegible] 14
Пушкин и [illegible] 20
Отъезд Пу[illegible] 29
Политика [illegible] Кавказе 34
По Военно-Грузинской дороге 41
Братья Чил[illegible] 49
Тбилиси в [illegible] Пушкина 58
Деятельно[illegible]а . . . . [illegible]8
Пушкин в [illegible] 72
В [illegible] . . . . [illegible]2
Отъезд в армию [illegible] Раевский и [illegible] Волконский . . . . [illegible]4
В действующей [illegible] . . . . [illegible]6
О „Путеше[illegible]рум" . . . . [illegible]0
Хронологи[illegible] . . . . [illegible]4

Прилож[illegible] ВОСПОМИНАНИЯ СО[illegible]ИКОВ

Пребывание [illegible] на К[illegible] воспоминаний совре-
менника [illegible] газете . . . . [illegible]9
Н. Б. Пот[illegible] Пушкиным [illegible] . . . . [illegible]2
N—со слов [illegible] Пушкин у [illegible] . . .
[illegible] 153
К. И. Сев[illegible] . . . . [illegible]6
П. Г. Хв[illegible] кавказ[illegible] . . . . . . [illegible]0
М. И. Из[illegible] Пу[illegible] . . . . [illegible]7
Э. Е. Б[illegible] офицера . . . . [illegible]2
Н. И. [illegible] . . . . [illegible]4
А. С. Г[illegible] . . . . [illegible]6
М. И. Пущ[illegible] с А. С. [illegible] Кавказом . . . [illegible]8
Ил. [illegible] воспоминаний . . . . [illegible]1
Н. Д[illegible] КУ[illegible] А. С. ПУШ[illegible] . . . [illegible]3

Редактор Л. [illegible]. Техредактор А. Ба[illegible]. Корректор Е. [illegible]

Сдано в производство [illegible] 19 7 [illegible] Печ[illegible] типо-
графских знаков [illegible] 2[illegible] У[illegible]
№ [illegible]. Тираж [illegible], № 1298.

Цена 3 р. Переплет 1 р. 50 к.

Отпечатано в Красн[illegible] т[illegible] ЦК [illegible])
Груз[illegible]"

U 5 8 8 4 5 0 6